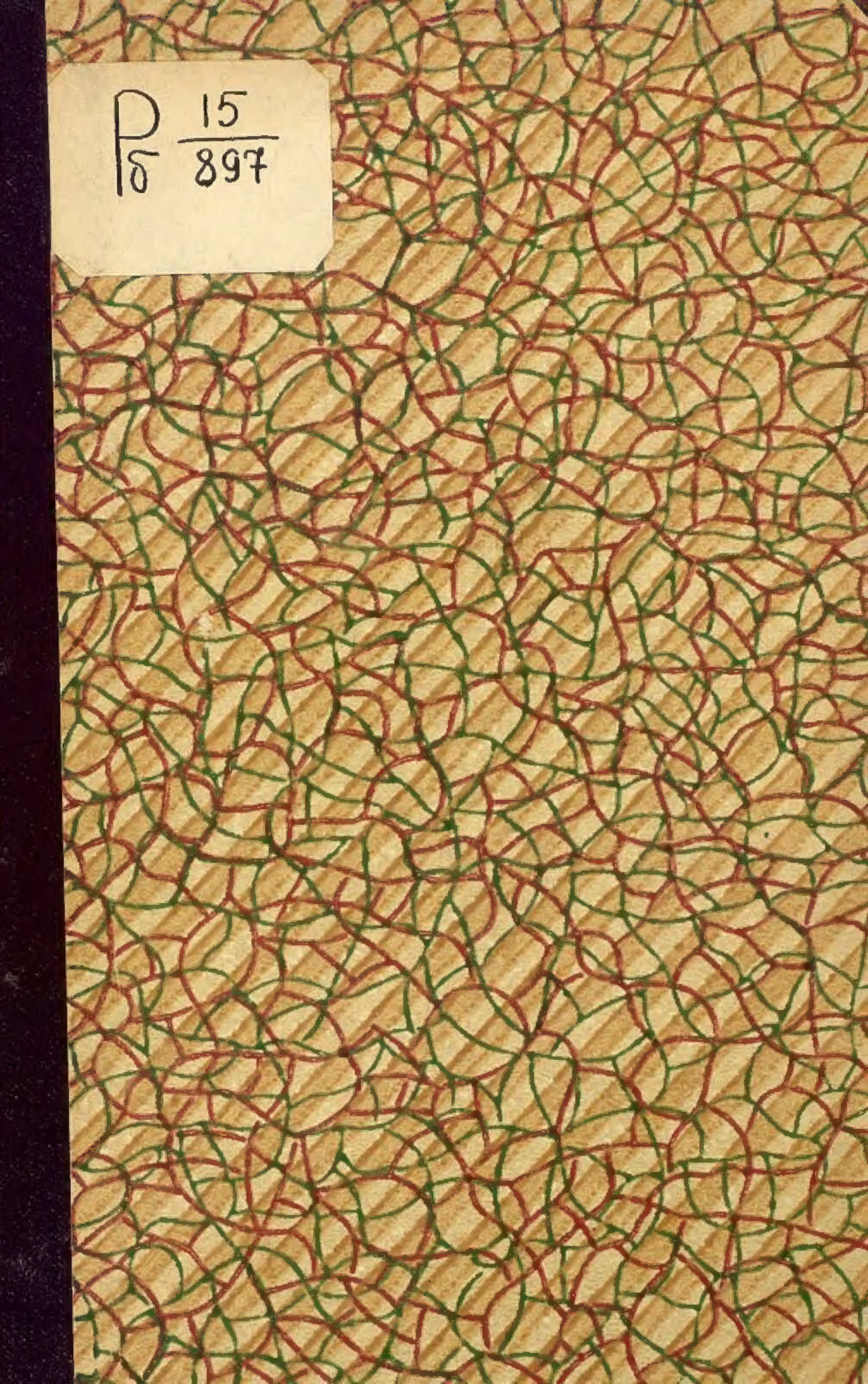

P 15
б 897

Е. Поселянинъ.

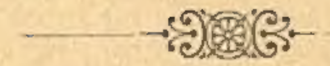
Сказаніе о святыхъ вождяхъ земли Русской.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Валовая улица, свой домъ.
Москва.—1900 г.

Е. Поселянинъ.

Сказаніе о святыхъ вождяхъ Земли Русской.

Типографія Товарищества И. Д. Сытина, Валовая ул., св. д.

МОСКВА. — 1900.

Дозволено цензурою, Москва, 9 октября 1899 года

I.

Святая Русь. Ея путь и вожди.

Свято всякій русскій человѣкъ любитъ родину. И въ томъ, какъ относятся русскіе люди къ Россіи, есть много отличнаго отъ отношеній иностранцевъ къ ихъ роднымъ странамъ.

Русскіе люди не только любятъ свою землю, какъ мѣсто родины своей и своихъ предковъ, гдѣ протекаетъ вся ихъ жизнь, не только благодарны ей за ту возможность вести тихую жизнь, какую она имъ даетъ, — русскіе чтутъ Россію, какъ святыню души, молятся на нее. Чуднымъ образомъ любовь къ родной странѣ переплетается у нихъ съ вѣрой въ Бога. Счастливымъ и вожделѣннымъ дѣломъ они считаютъ умереть за родину, и все ихъ восторженное и особенное чувство къ Россіи такъ понятно выражается двумя словами: „Святая Русь“.

Отчего же одна изъ всѣхъ странъ въ мірѣ зовется „Святою?“ Въ чемъ отличіе того народа, который приложилъ къ имени своей земли это великое слово „святая“ и иначе не зоветъ?

Да, велико значеніе этого наименованія Руси, и глубокій скрытъ въ немъ смыслъ. Это слово указываетъ и на особое Божье избраніе русскаго народа и на особыя его духовныя цѣли и стремленія.

Былъ въ древности одинъ священный народъ, происходившій отъ избранныхъ Богомъ праведниковъ. Самъ Господь велъ его чудными путями, далъ ему и земное могущество; могъ онъ получить и будущую небесную славу.

Этотъ народъ былъ іудеи. Но этотъ избранный народъ не остался вѣренъ Божьимъ завѣтамъ; во главѣ его стали лица, замѣнившія живую сердечную вѣру сухимъ выполненіемъ нѣкоторыхъ внѣшнихъ обрядовъ. Изсякла въ немъ животворная любовь. И когда Богъ любви послалъ въ міръ для спасенія людей, для снятія проклятія за грѣхопаденіе перваго человѣка — Своего Сына: не признали іудеи Христа, и Сынъ Человѣческій былъ распятъ въ Іерусалимѣ на крестѣ. А тотъ свѣтлый удѣлъ, который могъ стяжать себѣ этотъ народъ, навѣки погубленъ страшнымъ воплемъ предъ осужденіемъ Пилатомъ Христа: „Кровь его на насъ и на чадахъ нашихъ“.

Избранный народъ отторгся.

Послѣ вознесенія Христа на небо Его апостолы разошлись по всему міру съ проповѣдью, и не та Азія, гдѣ лежитъ родина Іисуса Христа, не столь близкая къ Іудеѣ Африка воспріяли евангельскую вѣсть такъ глубоко, какъ приняли ее юные народы Европы, которые черезъ десять вѣковъ по Рождествѣ Христовѣ почти всѣ безъ исключенія исповѣдывали Христа, между тѣмъ какъ и понынѣ почти вся Африка и Азія, кромѣ европейскихъ поселенцевъ, погружены въ тьму разныхъ заблужденій.

Одною изъ послѣднихъ земель въ Европѣ, просвѣщенною крещеніемъ, была Русская земля, и ея-то молодому народу Господь судилъ стать великимъ избранникомъ Его, и этой-то землѣ готовилось великое и дивное имя „Святой Руси“.

И вотъ отчего эта земля называется святою.

Бывшія раньше великія государства задавались лишь земными цѣлями — славы, внѣшняго благополучія и силы. А русскій народъ такъ глубоко воспринялъ кроткое ученіе Христа, съ главною его заповѣдью любви, что всю жизнь, всѣ стороны жизни этого народа проникъ собою духъ Христовъ. И не внѣшнее величіе, а повиновеніе Христу, не земная слава, а Божья правда, не стремленье къ завоеваніямъ, а настроеніе теплой любви къ другимъ народамъ,— вотъ чего ищетъ и хочетъ Россія. Многомилліонный народъ, всею громадою своею строящій изъ себя зданіе недѣлимой русской Церкви, — многомилліонный народъ, каждый гражданинъ котораго ищетъ Христа и который весь, въ цѣломъ, единодушно и единомысленно ищетъ спасенія души всѣмъ своимъ міромъ: вотъ что такое Россія. И какъ святъ тотъ путь, которымъ достигаетъ спасенія отдѣльный человѣкъ, такъ святъ и тотъ путь, которымъ ведетъ къ завѣтной цѣли Господь довѣрившійся Ему русскій народъ.

Тяжкія испытанія терпятъ обыкновенно на землѣ Божьи избранники, и на этомъ пути очищаются дурныя ихъ стороны, вырабатывается безпредѣльная преданность волѣ Божіей; все мелкое, суетное сходитъ съ души, — и она развивается къ добру въ этой суровой, по великой школѣ.

Таковъ же былъ путь, пройденный и Россіей. Чрезъ два вѣка по принятіи христіанства она подвергается страшному монгольскому игу. Но именно во время этого трехвѣкового бѣдствія на развалинахъ гордой, самоувѣренной, празднующей вѣчный праздникъ и раздробленной Кіевской Руси выростаетъ чудесами Божіими смиренная, тихая, цѣльная Московская Русь. И эта Русь крѣпче Кіевской. И не сломить уже ея никакой силѣ, пока живо въ душѣ русскаго народа то, что сложило эту Русь: вѣра въ Бога.

Такъ тотъ же Промыслъ, который сокрушилъ Русь прошлую, передалъ ея лучшіе завѣты — упованіе на Бога и преданность Церкви—на сѣверъ Руси, и вокругъ безвѣстнаго во время славныхъ дней Кіева селенія Москвы воздвигъ Русское царство.

Если настроеніе вѣры охватывало весь русскій народъ и отдѣльныхъ русскихъ гражданъ на всемъ историческомъ

пути Россіи, то особенно ярко сказывалось оно въ жизни правителей народа, его государственныхъ вождей.

Въ людяхъ, правившихъ Русью, въ противоположность правителямъ Западной Европы, мы видимъ одну замѣчательную черту: преданность своему долгу, убѣжденіе, что дѣло правленія ниспослано имъ отъ Бога, какъ жизненная задача, за которую Богъ спроситъ у нихъ отвѣта, — и всѣми силами души служили они своему народу. Была только одна грустная эпоха, предъ игомъ, когда князья изъ-за личныхъ расчетовъ терзали междоусобіемъ всю Русь. Но зато послѣдующіе князья съ избыткомъ искупили вины отцовъ.

Глубоко вѣруя, — хотя, быть-можетъ, и безсознательно, — что Богъ ведетъ Русь къ великому дѣлу, что служить Руси — значитъ служить славѣ Божіей, вожди русскаго народа отдавали на это служеніе всѣ свои силы, выше любви къ родинѣ ставя только любовь къ Богу, и тогда какъ на Западѣ отношенія народа и правителей представляли собою постоянную борьбу — русскій народъ довѣрчиво и съ любовью повиновался своимъ вождямъ, въ которыхъ видѣлъ Божьихъ избранниковъ.

И по этой вѣрѣ народа Богъ подавалъ ему хорошихъ правителей, сердце которыхъ, воистину, было въ рукахъ Божіихъ и которые, вдохновляемые Богомъ, вели народъ по угодному Богу пути.

Когда Русь расширилась настолько, что ея правители смѣнили титулъ великихъ князей на царское достоинство, тогда установленъ былъ обрядъ вѣнчанія на царство, въ которомъ Господь подаетъ своимъ избранникамъ благодать къ прохожденію ихъ великаго служенія.

Итакъ, подъ водительствомъ любимыхъ, Богомъ избранныхъ вождей, повинуясь имъ не рабскимъ, а радостнымъ сыновнимъ повиновеніемъ, много разъ на своемъ пути видѣвъ непосредственно руководительство Божіе, спокойно и право живетъ великая Русская земля.

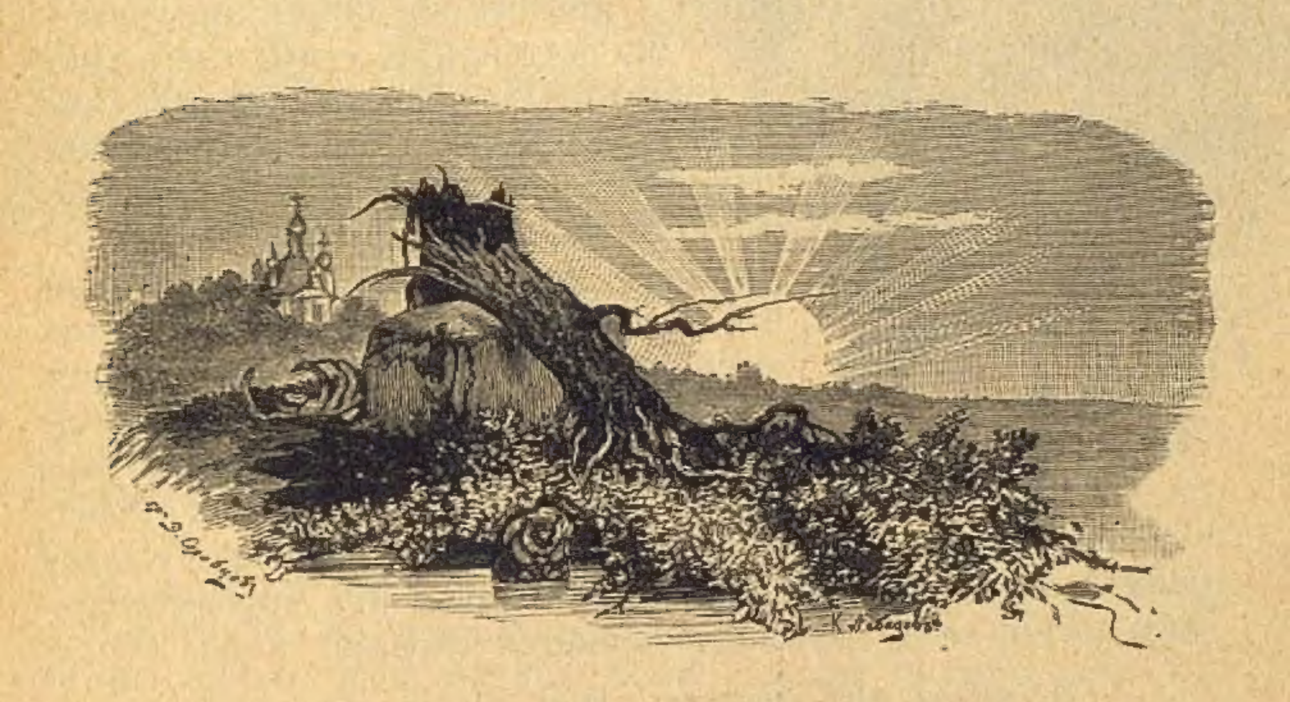
Къ тѣмъ чувствамъ, которыми окружаетъ она Престолъ самодержавныхъ своихъ государей, присоединяетъ она благодарную память и о прежде нихъ потрудившихся самоотверженно и славно вождяхъ русскаго народа. Многіе изъ

этихъ вождей, своими подвигами при жизни свѣтивъ своей родинѣ, теперь сіяютъ вѣчною славой предъ престоломъ Царя царей, своими дерзновенными молитвами служа Руси еще могучѣе и дѣйственнѣе, чѣмъ прежде служили ей земными силами.

А вожди народа въ памяти о великихъ и Богомъ прославленныхъ предкахъ черпаютъ примѣры и бодрость духа.

Въ настоящемъ изданіи собраны сказанія о томъ, какъ, служа Руси, жалѣя и храня ее, русскіе князья достигали вѣнца святости, и о тѣхъ вождяхъ, въ которыхъ особенно сильно было одушевленіе вѣры.

Дай Богъ, чтобъ сказанія эти могли укрѣпить въ читателѣ добрыя чувства къ родинѣ, потому что стоитъ любить Русь за ея прошлое — великое и святое. А не любить ея нельзя, если сколько-нибудь знаешь ее.

II.

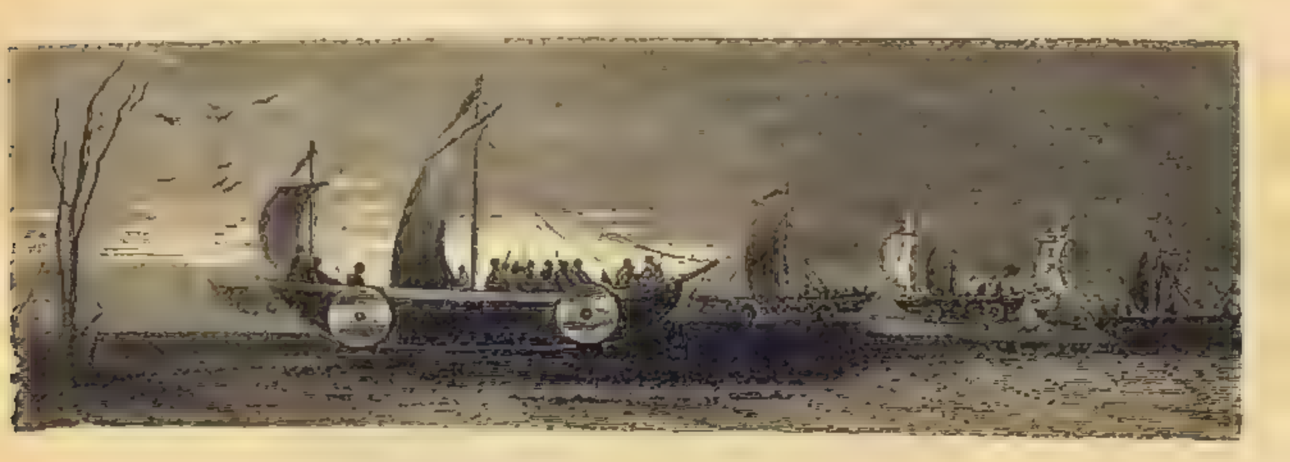
Призваніе Россіи. Св. равноапостольная Ольга, св. равноапостольный Владиміръ.

Русскому народу назначено Богомъ великое призваніе. Оно состоитъ въ томъ, чтобъ хранить въ цѣлости и чистотѣ ученіе Христово и воплотить воочію понятіе о христіанскомъ государствѣ. И когда народы, забывшіе Бога, отрекшіеся въ государственной жизни отъ исканія правды Божіей, стоскуются по Богѣ: тогда Россія и укажетъ имъ на утраченное ими сокровище чистой и теплой вѣры. Всегда стоя одна, чуткая къ волѣ Божіей, Россія подобна пустыннику, вдали отъ людей спасающему свою душу, и ея столь отличная и уединенная отъ другихъ народовъ жизнь такъ глубоко поясняется словами поэта:

И ангелъ мнѣ сказалъ: „Иди, оставь ихъ грады,
Въ пустыню скройся ты, чтобъ тамъ огонь лампады,
Тебѣ повѣренный, до срока уберечь,
Дабы, когда тщету суетъ они познаютъ,
Возжаждутъ истины и свѣта пожелаютъ,
Имъ было бъ чѣмъ свои свѣтильники возжечь“.

И тогда Русь — „Богоносица Святая“ — поведетъ за собой весь міръ къ царствію Божію...

При столь высокомъ удѣлѣ, назначенномъ русскому народу, предстоялъ ему и особый путь. Нужно было создаться государству могучему и великому, которое бы своею силой могло сдерживать обуревающія другіе народы чувства зависти, ненависти, вражды, — какъ и въ наши дни Россія непоколебимо стоитъ на стражѣ міра. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ избранный народъ долженъ былъ быть проникнутъ весь вѣрой въ Бога, стремленьемъ къ Его ученію... И вотъ, развертывается предъ нами путь земли Русской,—путь скорбей, въ которыхъ созрѣла душа, закалилась крѣпость народа, — путь благодѣяній Божіихъ, оправдавшихъ его вѣру; вообще же путь славной избранницы Божіей!

Походъ Олега въ Царьградъ.

То внѣшнее мужество, которое необходимо народу, чтобъ образовать обширное и крѣпкое государство, русское племя выказало съ самыхъ первыхъ шаговъ своихъ на поприщѣ исторіи.

Дважды, въ 866 и 881 гг., русскіе предпринимали походы на Царьградъ. Въ первый изъ этихъ походовъ столица равноапостольнаго Константина была спасена чудомъ: при погруженіи патріархомъ въ море ризы Богоматери, спокойное море взволновалось бурей и раскидало русскіе челны. Вслѣдствіе этого чуда многіе увѣровали во Христа. Вождь русскихъ во второмъ походѣ, князь Олегъ, какъ говоритъ преданіе, подошелъ къ Царьграду на ладьяхъ съ парусами, поставленныхъ на колеса, и прибилъ свой щитъ на вратахъ Царьграда.

Но изъ этой же греческой страны Богъ судилъ вынести русскимъ свѣтъ Христовой вѣры, которая глубоко измѣнила направленіе русской удали. Русь языческая нападала на другія племена для расширенія. Русь христіанская лишь защищалась отъ враговъ, которыхъ Богъ и предалъ ей во власть, давъ ей четверть міра.

Итакъ, богато одаренному, смѣлому и бодрому, полному силъ и задушевному племени, какимъ съ первыхъ дней видѣли мы русь, недоставало главнаго: духа жизни, вѣры.

Сношенія съ православною Греціей ознакомили многихъ русскихъ съ греческою вѣрой; чудо на Босфорѣ поразило

также многихъ, — и начались уже въ IX вѣкѣ отдѣльные случаи крещенія.

Стольному Кіеву надлежало первому принять истину, во исполненіе апостольскаго пророчества.

Хранилось преданіе, что св. апостолъ Андрей Первозванный, обходя вселенную съ проповѣдью, пришелъ на тѣ высоты, гдѣ возникъ впослѣдствіи Кіевъ.

Онъ благословилъ это мѣсто, воздвигъ крестъ и сказалъ:

„На сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія, имать градъ великъ быти, и церкви многи Богъ воздвигнути имать".

Мало-по-малу подготовлялась почва, благопріятная для христіанства, и первою провозвѣстницей его на Руси явилась равноапостольная великая княгиня Ольга.

Св. кн. Ольга убѣждаетъ Святослава принять христіанскую вѣру.

Великая княгиня Ольга происходила изъ окрестностей нынѣшняго города Пскова и за красоту и умъ въ 903 г. избрана была супругой великаго князя Игоря.

Въ 946 г. Игорь былъ убитъ племенемъ древлянъ, и, за малолѣтствомъ сына его Святослава, начала править Ольга. Исполняя языческій обычай, она жестоко отомстила за убійство мужа; сама стала во главѣ набраннаго ею войска и прошла всю землю древлянъ, облагая ихъ данью; затѣмъ она отправилась и въ сѣверные города, въ Новгородскую сторону, гдѣ раздѣлила землю на погосты. Чрезъ 150 лѣтъ по кончинѣ ея тамъ съ благодарностью поминали еще дѣянія Ольги, какъ правительницы.

Установивъ порядокъ въ Русской землѣ послѣ своего воинственнаго супруга, Ольга вернулась въ Кіевъ, гдѣ жила, любимая и чтимая сыномъ и народомъ.

И тутъ, въ тишинѣ, въ лѣтахъ преклонныхъ, душа Ольги почувствовала жажду истины.

Она могла узнать ученіе православія, видѣть чинъ православныхъ обрядовъ у жившихъ въ Кіевѣ христіанъ, а свѣтлый умъ ея изъ бесѣдъ съ пастырями увѣрился въ превосходствѣ христіанства. Съ тою же рѣшительностью, какая отличала всѣ дѣла ея, Ольга въ 957 г. отправилась въ Царьградъ. Тамъ пользовалась она наставленіями патріарха и приняла святое крещеніе съ именемъ Елены. Патріархъ сказалъ ей: „Возлюбивъ свѣтъ и отвергнувъ тьму, благословенна ты между женами русскими. Благословлять тебя будутъ сыны русскіе до послѣдняго рода“.

Императоръ Константинъ Багрянородный былъ воспріемникомъ ея.

Возвратясь въ Россію, св. Ольга старалась о распространеніи христіанства и надѣялась обратить къ вѣрѣ сына своего Святослава. Но въ этомъ безпокойномъ воинолюбивомъ князѣ не было никакихъ духовныхъ расположеній. Во время его походовъ св. Ольга все продолжала править Русью.

Она успѣла посѣтить свою родину и, смотря на ту мѣстность, гдѣ стоитъ теперь Псковъ, а тогда былъ густой лѣсъ, увидѣла три свѣтлые луча, падающіе съ неба на берегъ Великой. Она водрузила тутъ крестъ и предсказала, что

здѣсь возникнетъ городъ великій и славный съ храмомъ св. Троицы. На этомъ мѣстѣ стоитъ теперь часовня св. Ольги. и бьетъ цѣлебный источникъ.

Св. Ольга почила въ Кіевѣ 11 іюля 969 г. Она завѣщала не совершать надъ нею языческой тризны, а послала деньги на помин҃ъ патріарху, и отпѣлъ ее ея духовникъ.

Св. вел. кн. Ольга.

Незабвенна эта жена для русской земли. Она первая *правила* Русью, тогда какъ до нея князья лишь воевали. Исторія назвала ее ***Мудрою,*** Церковь — святою и равноапостольною.

Она была первымъ рѣшительнымъ проблескомъ, возвѣстившимъ Руси конецъ языческой тьмы: первая русская душа, столь торжественно и громко совершившая исповѣданіе Христа. Какъ заря передъ солнцемъ, какъ утренняя звѣзда предъ зарей — она просіяла предъ Владиміромъ.

Славя память ея, Церковь поетъ ей трогательную пѣснь: „Крилами Богоразумія вперивши твой умъ, возлетѣла еси превыше видимыя твари, взыскавши Бога и Творца всяческихъ, и Того обрѣтши, паки рожденіе крещеніемъ пріяла еси, древа животнаго наслаждающися, нетлѣнно вовѣки пребываеши, Ольга приснославная!“

Радуясь благовѣрію нашей земли, не забудемъ ту, которая первая всенародно и торжественно внесла въ Русь безцѣнное сокровище вѣры.

То доброе сѣмя, которое равноапостольная Ольга сѣяла въ своей семьѣ, взошло, принося неисчислимый плодъ.

Одинъ изъ внуковъ ея, Владиміръ, проведя около нея дѣтство, съ 8 лѣтъ былъ отправленъ въ Новгородъ, и здѣсь среди грубаго и сластолюбиваго языческаго быта, казалось, забылъ о наставленіяхъ бабки. По смерти отца, онъ убилъ брата, завладѣлъ Кіевомъ и жилъ, дѣля время между дальними походами и служеніемъ страстямъ.

Но не могла эта жизнь дать покоя душѣ его, которую тревожило раскаяніе. Напрасно ставилъ онъ на берегахъ Днѣпра и Волхова новыхъ кумировъ, украшая ихъ серебромъ и золотомъ, напрасно приносилъ имъ богатыя жертвы. Несмотря на веселый нравъ Владиміра, гостепріимнаго, общительнаго, благодушнаго,—душа его томится неяснымъ сознаніемъ пустоты жизни и жаждетъ чего-то лучшаго. И вотъ, въ эти дни душевной тоски вспомнились ему далекіе дни дѣтства и тихія рѣчи великой Ольги, и, какъ она, сталъ Владиміръ искать вѣры...

Тогда къ нему собрались проповѣдники. Изъ Болгаріи пришли магометане, но ихъ обряды не понравились князю. Посламъ папы онъ сказалъ: „Идите обратно; отцы наши не принимали вѣры отъ папы“. Когда явились іудеи, онъ спросилъ, гдѣ ихъ отечество. „Въ Іерусалимѣ,—отвѣтили они; — но Богъ во гнѣвѣ Своемъ расточилъ насъ по землямъ чуждымъ“. — „И вы, — сказалъ тогда Владиміръ, — дерзаете учить другихъ? Не хотимъ, подобно вамъ, лишиться своего отечества“.

Пришелъ греческій проповѣдникъ. Въ немногихъ словахъ онъ опровергъ другія вѣры и сталъ говорить Владиміру о твореніи міра, первомъ грѣхопаденіи и объ искупленіи, о Христѣ и Его ученіи, и въ заключеніе показалъ картину страшнаго суда съ изображеніемъ праведныхъ, идущихъ въ рай, и грѣшныхъ, осужденныхъ на муку.

Пораженный Владиміръ со вздохомъ сказалъ:

— Благо добродѣтельнымъ и горе злымъ!

— Крестись, — отвѣчалъ проповѣдникъ, — будешь въ раю съ первыми.

Отпустивъ грека съ дарами и честью, Владиміръ созвалъ бояръ и градскихъ старцевъ на совѣтъ. Они посовѣтовали ему послать въ разныя земли умныхъ людей, чтобъ видѣть, гдѣ достойнѣе чтутъ Бога.

И снаряжено было въ путь десять мужей. Послѣ Болгаріи и католиковъ, гдѣ имъ не понравилось, послы прибыли въ Царьградъ.

— Да созерцаютъ они славу Бога нашего,—сказалъ императоръ; и ихъ привели въ знаменитый храмъ Софіи, Премудрости Божіей.

Св. равноапостольный князь Владиміръ.

Въ невыразимо прекрасномъ, какъ чертогъ Божественный, храмѣ шло торжественное богослуженіе. Лучи солнца чрезъ широкій куполъ заливали свѣтомъ это мѣсто славы. Предъ богато убраннымъ алтаремъ, окруженный всѣмъ высшимъ духовенствомъ въ великолѣпныхъ облаченіяхъ, предстоялъ патріархъ, и шла торжественно служба. Ѳиміамы расплывались прозрачными клубами въ просторѣ храма,

таинственно и тихо совершался священный обрядъ, безмолвно молился народъ, а сладкогласные напѣвы клира подымались къ небу, и казалось, Всевышній обитаетъ здѣсь и нисходитъ къ призывающимъ Его людямъ...

Вернулись послы ко Владиміру и сказали:

— Всякій человѣкъ, вкусивъ сладкое, отвращается отъ горькаго. Такъ и мы, узнавъ вѣру греческую, не хотимъ иной. — Потомъ они добавили: — Если бъ законъ греческій не былъ лучше другихъ, то бабка твоя Ольга, мудрѣйшая всѣхъ людей, не приняла бы его.

Владиміръ рѣшился принять христіанство. Но, дѣйствуя еще какъ язычникъ, онъ хотѣлъ „завоевать вѣру". Пошелъ онъ на греческій городъ Корсунь*), взялъ его и отсюда послалъ къ императорамъ въ Царьградъ требовать руки ихъ сестры царевны Анны. Тѣ отвѣтили, что раньше ему нужно креститься. Владиміръ изъявилъ согласіе.

Предъ прибытіемъ невѣсты онъ ослѣпъ. Царевна, пріѣхавъ, совѣтовала ему немедленно креститься. И когда онъ выходилъ изъ купели, совершилось чудо: онъ прозрѣлъ душевно и тѣлесно, и въ восторгѣ воскликнулъ:

— Теперь я увидѣлъ Бога Истиннаго!

Это было, какъ полагаютъ, 8 апрѣля 988 г. Пораженные чудомъ, крестились и русскіе бояре. Св. Владиміръ нареченъ въ крещеніи Василіемъ.

Приведемъ прекрасную пѣсню, сложенную графомъ Алексѣемъ Толстымъ: въ ней превосходно описано то настроеніе, въ которомъ св. Владиміръ возвращался послѣ крещенія въ Кіевъ:

И молвитъ Владиміръ: „Пора мнѣ назадъ:
По Кіевѣ мнѣ встосковалось!

Вы, отроки-други, спускайте ладьи,
Трубите дружинѣ къ отбою,
Кленовыя весла берите свои;
Ужъ въ Кіевѣ, чаю, поютъ соловьи
И въ рощахъ запахло весною!

---

*) Въ двухъ верстахъ отъ нынѣшняго Севастополя. Теперь тамъ монастырь съ великолѣпнымъ соборомъ въ память крещенія св. Владиміра.

Весна, мнѣ невѣдомыхъ полная силъ,
И въ сердцѣ моемъ зеленѣетъ;
Что нудою я и насильемъ добылъ,
Чѣмъ самъ овладѣть я оружіемъ мнилъ,
То мною всесильно владѣетъ!

„Спускайте жъ ладьи, бо и ночью и днемъ
Я гласу немолчному внемлю:
Велитъ онъ въ краю намъ не мѣшкать чужомъ,
Да свѣтъ, озаряющій насъ, мы внесемъ
Торжественно въ Русскую землю!“

* * *

По лону Днѣпровскихъ сіяющихъ водъ,
Гдѣ, празднуя жизни отраду,
Весной все гремитъ, и цвѣтетъ, и поетъ,
Владиміръ съ дружиной обратно плыветъ
Ко стольному Кіеву-граду.

Все звонкое птаmство летаетъ кругомъ,
Ликуючи въ тысячу глотокъ,
А князь многодумнымъ поникнулъ челомъ:
Свершился въ могучей душѣ переломъ,
И взоръ его миренъ и кротокъ.

Забыла княгиня и слезы и страхъ;
Одеждой алмазной блистая,
Глядитъ она, съ юнымъ весельемъ въ очахъ,
Какъ много пестрѣетъ цвѣтовъ въ камышахъ,
Какъ плещется лебедей стая,

Какъ рощи навстрѣчу несутся ладьямъ,
Какъ берегъ проносится мимо,
И, ликъ наклоняя къ зеркальнымъ водамъ,
Глядитъ, какъ ея отражается тамъ
Изъ камней цвѣтныхъ діадима.

Плыветъ и священства и дьяконства хоръ
Съ ладьею Владиміра рядомъ;
Для Кіева синій покинувъ Босфоръ,
Они оглашаютъ Днѣпровскій просторъ
Уставнымъ демественнымъ ладомъ.

Когда жъ умолкаетъ священный канонъ,
Запѣвъ зачинаютъ дружины,
И съ разныхъ кругомъ раздаются сторонъ
Завѣтныя пѣсни минувшихъ временъ,
И дней богатырскихъ былины.

Такъ вверхъ по Днѣпру, по широкой рѣкѣ,
Плывутъ ихъ ладей вереницы,
И вотъ, передъ ними, по лѣвой рукѣ,
Все выше и выше растетъ вдалекѣ
Градъ Кіевъ съ горой Щековицей.

Владиміръ съ княжого сѣдалища всталъ,
Прервалось весельщиковъ пѣнье,
И мигъ тишины и молчанья насталъ,
И князю, въ сознаніи новыхъ началъ,
Открылося новое зрѣнье:

Какъ сонъ, вся минувшая жизнь пронеслась,
Почуялась правда Господня;
И брызнули слезы впервые изъ глазъ,
И мнится Владиміру: въ первый онъ разъ
Свой городъ увидѣлъ сегодня.

Народъ, издалека ихъ поѣздъ узнавъ,
Столпился на берегъ, и много,
Скитавшихся робко безъ крова и правъ,
Пришло христіанъ изъ пещеръ и дубравъ,
И славятъ Спасителя Бога.

И палъ на дружину Владиміра взоръ:
„Вамъ, други, доселѣ со мною
Стяжали побѣды лишь мечъ да топоръ,
Но время настало — и мы съ этихъ поръ
Сильны еще силой иною!

„Что смутно въ душѣ мнѣ сказалось моей,
То ясно вы нынѣ познайте:
Дни правды дороже воинственныхъ дней!
Гребите же, други, гребите сильнѣй,
На весла дружнѣй налегайте!“

Вспипѣла подъ полозомъ, пѣнясь, вода,
Отхлынувъ, о берегъ забила,
Стянулася быстро ладей череда,
Передніе въ пристань вбѣжали суда,
И съ шумомъ упали вѣтрила.

И нà берегъ вышелъ, душой возрожденъ,
Владиміръ для новой державы,
И въ Русь милосердія внесъ онъ законъ, —
Дѣла стародавнихъ, далекихъ временъ,
Преданья невянущей славы!

Корсунь Владиміръ оставилъ греческимъ царямъ и соорудилъ тамъ храмъ. Вмѣсто плѣнниковъ вывелъ изъ него духовенство; вмѣсто дани взялъ церковные сосуды и иконы*), мощи св. Климента и ученика его Фива.

Вернувшись въ Кіевъ, св. Владиміръ спѣшилъ истребить идоловъ; онъ рубилъ, жегъ и топилъ ихъ. Главнаго изъ нихъ, Перуна, влачили за хвостъ лошади, и потомъ сбросили въ Днѣпръ. Народъ кричалъ ему: „выдубай, боже!“ — т.-е. выплывай, — и стоящій теперь на этомъ мѣстѣ монастырь зовется ***Выдубицкій.***

На другой день Владиміръ велѣлъ всему народу собраться на берегъ Днѣпра. Покорно, вѣруя, что князь избралъ лучшую вѣру, шелъ народъ. Вотъ, явился Владиміръ со священствомъ, и все множество народное вступило въ рѣку, взрослые по грудь, отцы и матери съ младенцами на рукахъ. Священники на берегу читали молитвы. Когда крещеніе кончилось, Владиміръ въ восторгѣ души, поднявъ взоры къ небу, громко молился: „Творецъ земли и неба! благослови сихъ новыхъ чадъ Твоихъ; дай имъ познать Тебя, Бога истиннаго; утверди въ нихъ вѣру правую. Будь мнѣ помощію въ искушеніяхъ зла, да восхвалю достойно святое имя Твое!“

Лѣтописецъ говоритъ: „Въ сей великій день земля и небо ликовали“.

Какъ дорогъ русской душѣ Днѣпръ, въ водахъ котораго возродилась Россія!

Высоко передо мною
Старый Кіевъ надъ Днѣпромъ;
Днѣпръ сверкаетъ подъ горою
Переливнымъ серебромъ.

Слава, Кіевъ многовѣчный,
Русской славы колыбель!
Слава, Днѣпръ нашъ быстротечный,
Руси чистая купель!

Слава, Днѣпръ, сѣдыя волны!
Слава, Кіевъ, чудный градъ!

---

*) Иконы эти, подъ названіемъ Корсунскихъ, и понынѣ стоятъ въ московскомъ Успенскомъ и новгородскомъ Софійскомъ соборахъ.

Мракъ пещеръ твоихъ безмолвный
Краше царственныхъ палатъ.

Крещеніе кіевлянъ.

Знаемъ мы: въ вѣка былые,
Въ древнюю ночь и мракъ глубокъ,

Надъ тобой блеснулъ Россіи
Солнца вѣчнаго востокъ *).

Крестивъ кіевлянъ, св. Владиміръ занялся укрѣпленіемъ вѣры. Онъ воздвигалъ въ Кіевѣ храмы на мѣстѣ прежнихъ

Равноапостольный великій князь Владиміръ.

идоловъ и выстроилъ прекрасную церковь, гдѣ стоялъ Перунъ, названную *Десятинною*, такъ какъ на содержаніе ея

*) Стих. Хомякова.

опредѣлена была десятая часть княжихъ доходовъ. Въ Кіевѣ открыты были училища, гдѣ обучали книгамъ Божественнымъ, переведеннымъ на славянскій языкъ просвѣтителями славянъ, свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ. Св. Владимиръ посылалъ проповѣдниковъ въ Новгородъ, Ростовъ, гдѣ народъ былъ тоже крещенъ; посылалъ и въ другіе города духовенство со своими сыновьями.

Нравъ св. Владиміра послѣ крещенія совершенно измѣнился. Ведя чистую жизнь, онъ горько скорбѣлъ о прежнихъ грѣхахъ своихъ; сталъ настолько кротокъ, что духовенство должно было уговаривать его карать разбойниковъ и оборонять свою землю, такъ какъ отъ кротости его умножились злодѣйства, а онъ не рѣшался подымать меча на враговъ. Воюя по необходимости, онъ прилежалъ мѣрамъ мирнымъ, населялъ пустыя мѣста, основывалъ города, призывалъ изъ Греціи художниковъ и былъ отцомъ народа. Созывая бояръ на пиры свои, память о которыхъ навсегда осталась жива, онъ ставилъ трапезу и для нищихъ, которые имѣли право утолять у него на дворѣ голодъ и брать изъ казны деньги. Для больныхъ же, которые не могли дойти до палатъ его, онъ велѣлъ развозить по улицамъ хлѣбы, мясо, рыбу, овощи, медъ и квасъ въ бочкахъ. „Гдѣ недужные?“ — спрашивали посланные князя, и одѣляли ихъ.

Глубоко принялъ св. Владиміръ въ сердце слова Евангелія: „Блажени милостивіи, яко тіи помилованы будутъ“, и показалъ высочайшую степень милосердія.

Какимъ грѣющимъ мягкимъ свѣтомъ сіяетъ въ это время образъ св. Владиміра, и сколько любви и благодарности звучитъ въ прозвищѣ, данномъ ему народомъ, — *„Красное солнышко!“*

Св. Владиміръ преставился лѣтъ 60, 15 іюля 1015 года, и погребенъ въ мраморномъ гробѣ въ Десятинной церкви, рядомъ съ супругой своею Анной. При нашествіи татаръ гробъ его былъ скрытъ подъ развалинами Десятинной церкви и обрѣтенъ въ 1635 г. Глава благовѣрнаго князя находится въ Великой церкви Кіево-Печерской лавры, а часть главы и кисть руки — въ московскомъ Успенскомъ и Кіево-Софійскомъ соборахъ.

Безконечно значеніе святого равноапостольнаго князя Владиміра въ жизни русскаго народа. Онъ сталъ для насъ

воистину животворнымъ „Краснымъ Солнышкомъ", лучами котораго взошло и выращено все то, чѣмъ сильна и славна Россія. Онъ вывелъ ее изъ тьмы язычества, возродилъ къ новому прекрасному быту, поставилъ на тотъ великій ея историческій путь, который ведетъ ее къ великому ея удѣлу — избранной земли Христовой.

Все, что святитъ и крѣпитъ Русь, все, что полно въ ней значенія, все, чѣмъ Русь дорога русскимъ, — начало тому положено св. Владиміромъ.

Помимо того, что вѣра въ Бога указала русскимъ людямъ на земную жизнь какъ на приготовленіе къ будущему раю и тѣмъ принесла свѣтъ и смыслъ земному ихъ существованію, — эта же вѣра осмыслила и освятила и историческую жизнь народа. Какъ праведно и чисто живетъ человѣкъ, поставившій своею задачей спасти свою душу, такъ же праведны и чисты стали пути и того народа, который стремленьемъ своимъ поставилъ стать достойнымъ имени Христа, еще на землѣ заработать для своей земли имя „Святой".

И видя эту горячую ревность къ Себѣ, самоотверженное исполненіе закона Своего, Богъ избралъ и благословилъ этотъ народъ и, кромѣ награды въ будущемъ безконечномъ царствѣ, далъ ему и земное величіе и славу, чтобъ чрезъ этотъ народъ исполнять на землѣ Свои велѣнія.

На такой путь поставилъ Россію Владиміръ Святой.

Отъ этого значенія просвѣтительной дѣятельности св. Владиміра въ общемъ обратимся къ оцѣнкѣ отдѣльно последствій, какія имѣло православіе для Руси.

Оно сплотило въ одну недѣлимую громаду всѣ русскія племена, жившія раньше во взаимной розни и враждѣ. Весь русскій народъ, объединенный одною вѣрой, сталъ какъ одинъ человѣкъ. Въ жаждѣ внести свѣтъ вѣры единокровнымъ своимъ, погруженнымъ въ идолопоклонство, проповѣдники, большею частью иноки, безстрашно углублялись въ малоизвѣстныя мѣста, населенныя племенами полудикими, и, разоряя идоловъ, говорили о Христѣ и учили народъ. Потомъ заводились школы, воздвигались храмы, и крѣпче меча единство вѣры связывало разрозненный доселѣ народъ.

А что, какъ не вѣра, поддерживало Русь въ многочисленныхъ пережитыхъ ею испытаніяхъ? Всѣ свои госу-

дарственныя бѣды, какъ ни казались онѣ ужасны и неисходны, лучшіе русскіе люди принимали спокойно и покорно, какъ Божью кару за свои грѣхи, и, терпѣливо страдая, никогда не отчаявались въ томъ, что силенъ Богъ и помиловать свой народъ и послать ему избавленіе. И эта крѣпкая вѣра освѣщаетъ все пространство нашей исторіи, и была оправдана историческими событіями. По этой вѣрѣ Русской земли въ ведущаго ее Бога, во дни величайшихъ невзгодъ Господь воздвигалъ свои чудеса, которыя спасали Россію, повидимому, безнадежно погибавшую *). И память объ этихъ чудесахъ еще болѣе укрѣпляла въ потомкахъ живую вѣру предковъ.

Наконецъ, православная вѣра утвердила тѣ отношенія между вождями народа и народомъ, которыя представляютъ одну изъ главнѣйшихъ причинъ величія Россіи.

Народъ вѣрилъ всегда, что правящіе Русью вожди (сперва великіе князья, потомъ — цари; наконецъ, императоры) призваны къ этому дѣлу Богомъ,—и, какъ Божьимъ избранникамъ, безпрекословно народъ повиновался имъ. Между тѣмъ какъ въ западныхъ государствахъ народъ и государи вели между собой постоянную ожесточенную борьбу, у насъ, наоборотъ, они представляли одно неразрывное цѣлое — дружную Русскую землю. И, когда угасъ на русскомъ престолѣ родъ Владиміра Святого, народъ избралъ новаго царя, Михаила Романова, принеся ему ту же безграничную самодержавную надъ собою власть, какую имѣли всегда русскіе правители.

Со своей стороны, вожди русскаго народа смотрѣли на свою власть какъ на порученное имъ Богомъ великое дѣло, за которое они по смерти должны дать отвѣтъ, — и ни у одного народа мы не видимъ такого большого числа самоотверженныхъ государей. Забывая свою личную жизнь, всею душой болѣя за свой народъ, они не только правили имъ, но и полагали за него свою жизнь.

Изъ нижеприведенныхъ разсказовъ будетъ видно, какой свѣтлый полкъ святыхъ выставили отъ себя, какъ молитвен-

*) Тѣ чудеса, которыми Богъ спасалъ русскую землю во дни величайшихъ испытаній, описаны въ книгѣ *Е. Поселянина* Повѣсть о томъ, какъ чудомъ Божіимъ строилась Русская земля».

никовъ и ходатаевъ, послѣ земныхъ трудовъ за ту же Русь правители Русской земли. И такое высокое настроеніе души и всей своей жизни русскіе вожди показали съ первыхъ же

Кіево-Печерская лавра со стороны Днѣпра.

временъ православія; уже дѣти Владиміра прославились святостью.

Разставаясь съ чуднымъ обликомъ равноапостольнаго князя Владиміра, приведемъ похвальное слово ему и его

дѣлу, проповѣдника того времени, пресвитера Иларіона (впослѣдствіи митрополита кіевскаго), произнесенное въ созданной св. Владиміромъ Десятинной церкви.

„Всѣ народы помиловалъ благій Богъ, и насъ не презрѣлъ; восхотѣлъ, и спасъ насъ, и привелъ въ познаніе истины. Пуста была земля наша и изсохла; зной идолослуженія изсушилъ ее, но внезапно потекъ источникъ евангелія и напоилъ всю землю нашу... Капища разрушены, и церкви воздвигаются, идолы низвергаются, и явились иконы святыхъ; бѣсы убѣжали; крестъ освятилъ города; пастыри словесъ — епископы и пресвитеры—стали возносить безкровную жертву и клиръ украсился и облекся въ благолѣпіе св. Церкви. Труба апостольская и громъ евангельскій огласили всѣ города; ѳиміамъ, возносимый Богу, освятилъ воздухъ. Поставлены на горахъ монастыри; явились черноризцы; мужи и жены, малые и великіе—всѣ люди наполнили святыя церкви, прославили Господа... Тебя же какъ восхвалимъ, досточтимый и славный отецъ нашъ, премужественный между владыками земными, Василій? Какую воздадимъ благодарность за то, что чрезъ тебя познали мы Господа и избавились заблужденія идольскаго, что по твоему повелѣнію по всей землѣ нашей славится Христосъ... Встань изъ гроба твоего, честная глава, возведи очи и посмотри, какъ Господь, сподобивъ тебя почестей небесныхъ, не оставилъ тебя безъ памяти на землѣ... Посмотри на городъ, сіяющій величествомъ, посмотри на возрастающее христіанство, и, видя все сіе, возрадуйся, возвеселись и восхвали благого Бога, строющаго сіе“.

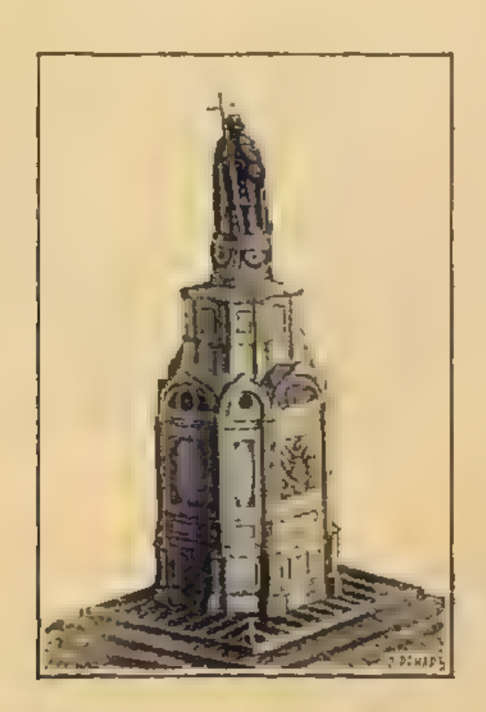
Видимыми памятниками св. Владиміру въ Кіевѣ служатъ Десятинная церковь, воздвигнутая на развалинахъ созданной имъ Десятинной церкви, которую разрушили татары, и освященный недавно Князе-Владимірскій соборъ. Великолѣпный храмъ этотъ украшенъ замѣчательною живописью чрезвычайной силы, въ которой мастерская кисть соединилась съ глубокою вдумчивостью и пламеннымъ одушевленіемъ. Имя художника, наиболѣе украсившаго соборъ, — Васнецовъ.

На высокомъ берегу Днѣпра, лицомъ къ рѣкѣ, послужившей купелью возрожденія Русской земли, воздвигнутъ

величественный памятникъ равноапостольному просвѣтителю Россіи. Св. Владиміръ изображенъ молящимся о своемъ народѣ. Въ рукѣ онъ держитъ животворящій крестъ, знаменіе нашего спасенія. Ночью крестъ этотъ горитъ электрическимъ свѣтомъ, и дивенъ видъ этого сіяющаго въ воздухѣ креста надъ тѣми высотами, гдѣ просіяла Божья благодать.

Дѣло распространенія вѣры продолжалъ сынъ и преемникъ св. Владиміра, Ярославъ Мудрый. Онъ особенно заботился о распространеніи книжнаго ученія и строилъ много храмовъ. При немъ были переведены съ греческаго творенія святыхъ отцовъ и другія благочестивыя книги, которыя составляли единственное и любимое чтеніе русскихъ людей.

И мало-по-малу русскій народъ принялъ тотъ обликъ истово вѣрующаго, безмѣрно усерднаго къ своей вѣрѣ, который такъ изумляетъ иностранцевъ, отзывы которыхъ дошли до насъ.

Памятникъ кн. Владиміру въ Кіевѣ.

III.

Святые мученики князья Борисъ и Глѣбъ.

Святой Владиміръ раздѣлилъ Русь между своими 12 сыновьями при жизни.

Любимые сыновья его были Борисъ и Глѣбъ, во св. крещеніи Романъ и Давидъ. Они были рождены отъ матери-христіанки и по малолѣтству дольше другихъ оставались при отцѣ, когда тѣ уже княжили въ своихъ удѣлахъ *), — именно, въ то время, когда Владиміръ такъ искренно и горячо отдался Богу. Они выросли подъ благочестивымъ настроеніемъ отца и всею душой глубоко восприняли христіанство, съ его правдой, чистотой и кротостью. Старшій, Борисъ, былъ обученъ грамотѣ и очень любилъ читать о подвигахъ и жизни святыхъ, а младшій, Глѣбъ, съ наслажденіемъ слушалъ чтеніе брата. Читая о страданіяхъ мучениковъ, Борисъ, обливаясь слезами, молился: „Господи Іисусе Христе, удостой и меня ихъ удѣла, научи итти по ихъ стопамъ. Молю Тебя, Господи, да не увлечется душа моя суетой этого міра. Просвѣти сердце мое, чтобъ оно знало Тебя и Твои заповѣди!“

Любимые нѣжно отцомъ, крѣпко и они были привязаны къ нему, а между собой соединены горячею дружбой.

Отецъ ихъ любилъ въ нихъ не только сыновей, но и свѣтлыхъ, осѣненныхъ благодатію истинныхъ христіанъ.

Чтобы не разлучать ихъ далеко одного отъ другого, когда пришло время, онъ назначилъ имъ сосѣдніе удѣлы: Борису — Ростовъ, а Глѣбу — Муромъ. Тамъ они занимались распространеніемъ вѣры, сіяли правосудіемъ, кротостью, добротой и попеченіемъ о бѣдныхъ.

---

*) Отдѣльныя княжества, на которыя Владиміръ и послѣдующіе князья дробили Русь.

Незадолго до кончины Владиміра, Борисъ пріѣхалъ къ отцу, силы котораго упадали. Въ это время пришло въ Кіевъ извѣстіе, что печенѣги идутъ на Русь; и, будучи самъ ужъ не въ состояніи итти въ походъ, Владиміръ отрядилъ на нихъ сына. Послѣ напрасной погони за ними Борисъ возвращался въ Кіевъ, когда у рѣки Альты (недалеко отъ южнаго Переяславля) получилъ извѣстіе, что его отецъ

скончался, а братъ его Святополкъ *), скрывъ на нѣкоторое время его смерть, тайно схоронилъ его и завладѣлъ престоломъ.

Зарыдалъ Борисъ, услыхавъ тяжкую вѣсть о смерти любимаго отца: „Увы, — говорилъ онъ, — зашелъ свѣтъ очей

*) Святополкъ былъ племянникъ св. Владиміра, сынъ брата его Ярополка, но усыновленъ св. Владиміромъ. Еще при жизни его онъ выказалъ себя съ дурной стороны, хотѣлъ отложиться отъ Россіи, сидѣлъ въ темницѣ, но потомъ прощенъ отцомъ.

моихъ; горько мнѣ, что я не былъ при твоей смерти, чтобы съ честью схоронить тебя!“

Бояре кіевскіе, ходившіе съ Борисомъ въ походъ, совѣтовали ему: „Иди въ Кіевъ и завладѣй престоломъ отца, — и войско отцово съ тобой и поможетъ тебѣ“. На это князь отвѣчалъ: „Не пойду я на старшаго брата. Онъ мнѣ теперь вмѣсто отца“.

Послѣ такого отвѣта и бояре и ратные люди ушли отъ Бориса, а онъ остался съ одними приближенными и думалъ итти въ Кіевъ и привѣтствовать Святополка, какъ старшаго брата и начальнаго князя.

А Святополкъ, чувствуя себя некрѣпко на престолѣ, такъ какъ всѣ надѣялись видѣть на немъ любимаго Бориса, — замыслилъ убить Бориса, Глѣба и всѣхъ своихъ братьевъ, и нанялъ убійцъ.

Прежде чѣмъ они дошли до мѣста стоянки Бориса, къ нему пришелъ тайно вѣстникъ, предупреждая о томъ, какая ему готовится опасность. Но великодушный князь не повѣрилъ: онъ зналъ, что ничѣмъ не согрѣшилъ противъ брата, и нѣтъ причины тому злоумышлять на него.

Но все же эта вѣсть смутила его. Полный къ тому же скорби по отцѣ, онъ упалъ духомъ и въ молитвѣ искалъ утѣшенія. Была суббота. Онъ вошелъ въ шатеръ свой и съ плачемъ сталъ молиться Христу и Пречистой Его Матери. Такъ молился онъ до глубокой ночи и сталъ пѣть утреню. Когда убійцы приблизились къ шатру, они услыхали голосъ князя.

Борису сказали, что убійцы уже здѣсь. И еще горячѣе полилась тогда къ Богу его молитва. Совершивъ утреню, онъ устремилъ взоръ на икону Христа и въ слезахъ молился такъ: „Ты, пострадавшій за насъ на крестѣ, сподоби меня за имя Твое претерпѣть это страданіе, которое я неповинно принимаю не отъ враговъ, а отъ брата моего, и не поставь ему, Господи, этого во грѣхъ!“

Такъ въ страшный часъ молился онъ о своемъ убійцѣ. Окончивъ молитву и причастившись, Борисъ спокойно легъ, предавъ себя въ руки Божіи...

Съ яростью ворвались убійцы въ шатеръ, стали колоть его копьями, и онъ упалъ, обливаясь кровью...

Любимый отрокъ князя, Георгій *), родомъ изъ венгерцевъ, носившій возложенную ему княземъ на шею гривну, палъ на тѣло своего господина съ крикомъ: „Не оставлю тебя, но гдѣ гибнешь ты, тамъ и я кончу жизнь!“ Его тоже проткнули копьями, и такъ какъ не могли сорвать съ шеи драгоцѣнную гривну, то срубили ему голову и отбросили ее, такъ что потомъ между множествомъ труповъ нельзя было распознать его тѣла.

Чуть дышащаго князя Бориса убійцы завернули въ матерію шатра и положили на колесницу. По дорогѣ встрѣтились посланные Святополка, и одинъ изъ нихъ вонзилъ свой мечъ въ сердце князя. Это было въ воскресенье, 24 іюля. Тѣло его было привезено и тайно схоронено въ Вышгородѣ (село на Днѣпрѣ въ 17 верстахъ отъ Кіева).

Св. Борисъ былъ строенъ и величественъ, плѣнялъ всѣхъ красотой и ласковымъ обхожденіемъ. Взоръ у него былъ пріятный и веселый. Онъ отличался храбростью въ битвахъ и мудростью въ совѣтахъ.

По убіеніи св. Бориса, Святополкъ замыслилъ убить и Глѣба. Онъ послалъ къ нему гонца съ извѣстіемъ, что отецъ ихъ тяжко боленъ и зоветъ его къ себѣ. Быстро собрался Глѣбъ, взялъ съ собой малую дружину и поспѣшилъ выѣхать, чтобъ застать отца въ живыхъ. У Волги конь повредилъ ему ногу, и онъ водой поплылъ къ Смоленску. Противъ урочища Смядинъ князя нагналъ гонецъ отъ княжившаго въ Новгородѣ брата его Ярослава и разсказалъ о кончинѣ Владиміра и убіеніи Бориса.

Огорченъ былъ Глѣбъ смертью отца и еще болѣе гибелью брата. „Не услышу болѣе, — говорилъ онъ, — кроткихъ наставленій твоихъ, братъ мой любимый! Если получилъ ты милость у Бога, моли Его, чтобъ и я пострадалъ, какъ ты. Лучше мнѣ быть съ тобою, чѣмъ въ этомъ зломъ мірѣ“. Такъ рано постигъ онъ суету земную.

Еще плакалъ князь отъ ужасной вѣсти, какъ его настигли посланные Святополкомъ убійцы. Спутники князя увидали ихъ и взялись за оружіе. Глѣбъ сказалъ имъ:

---

*) Отрокъ — приближенный, пользовавшійся довѣріемъ, исполнялъ порученія, былъ оруженосцемъ, тѣлохранителемъ.

„Братцы, если мы не будемъ драться, они возьмутъ меня и поведутъ къ брату, а иначе всѣхъ насъ убьютъ". Приблизившись къ лодкѣ князя, они напали на него. Онъ воздѣлъ руки къ небу и сталъ молиться со слезами. Во время его молитвы стоявшій сзади его поваръ, злобствовавшій на него, вытащилъ свой ножъ и, схвативъ его за голову, вонзилъ ножъ въ горло. Какъ непорочный агнецъ, палъ невинною жертвой юный князь Глѣбъ и соединился навѣки въ небесномъ царствѣ съ любимымъ братомъ. Это было 5 сентября.

Убійцы, не погребая тѣла, бросили его недалеко отъ берега, между двумя колодами, и прикрыли хворостомъ. И на этомъ мѣстѣ стали являться знаменія: иногда загорались огни, иногда слышно было проходящимъ пастухамъ ангельское пѣніе. Чрезъ нѣсколько лѣтъ охотники, занимаясь звѣриною ловлей, нашли честное тѣло. Оно лежало цѣлымъ: ни звѣрь ни птица не коснулись его, не было на немъ тлѣнія. Они разсказали объ этомъ въ Смоленскѣ. Тогда граждане со всѣмъ духовнымъ соборомъ отправились на то мѣсто и узнали въ нетлѣнныхъ мощахъ благовѣрнаго князя муромскаго Глѣба Владиміровича, убитаго на этомъ мѣстѣ; торжественно перенесли они мощи въ Смоленскъ и положили въ храмѣ.

Святополкъ, погубивъ двухъ братьевъ, убилъ еще третьяго, Святослава Древлянскаго, а затѣмъ долженъ былъ вступить въ борьбу съ ополчившимся на него Ярославомъ Новгородскимъ. Четыре года длилась борьба; наконецъ, Святополкъ привелъ печенѣговъ и сошелся съ Ярославомъ на берегу той Альты, гдѣ былъ убитъ св. Борисъ. Предъ битвой Ярославъ, воздѣвъ руки къ небу, помолился такъ: „Владыко Господи! кровь братьевъ моихъ отъ земли вопіетъ къ Тебѣ. Молю Тебя, всемогущій Творецъ, Судья праведный, отомсти за кровь эту праведную, какъ отомстилъ Ты Каину за кровь Авеля... Вы же, братья мои святые, Борисъ и Глѣбъ, помогите мнѣ противъ этого безбожнаго убійцы!"

Съ разсвѣта вступили въ битву, бились до ночи съ ужаснымъ ожесточеніемъ, врагъ сходился съ врагомъ въ рукопашную, кровь текла ручьями по оврагамъ.

Одолѣлъ Ярославъ, и Святополкъ бѣжалъ въ польскую землю.

Отъ страха и угрызеній совѣсти онъ не могъ остановиться нигдѣ: ему всюду чудилась погоня. „Бѣгите, бѣгите, — кричалъ онъ, — за нами гонятся!“ Онъ кончилъ жизнь въ Польшѣ въ страшныхъ мученіяхъ душевныхъ, и, какъ передаетъ лѣтописецъ, долго изъ насыпаннаго надъ нимъ кургана выходилъ смрадъ, какъ свидѣтельство лежавшаго на немъ проклятія. Этотъ злодѣй названъ „Святополкомъ Окаяннымъ“.

Когда, утишивъ землю, Ярославъ утвердился въ Кіевѣ, онъ узналъ, что тѣло св. Глѣба находится въ Смоленскѣ, и послалъ за нимъ священниковъ. По Днѣпру тѣло привезено было къ Кіеву, и всѣ увидѣли благовѣрнаго князя какъ бы спящимъ: тѣло было бѣло, какъ у живого, и источало благоуханіе. Его положили въ Вышгородѣ въ могилу св. Бориса въ 1021 г., и тогда же они оба были причислены къ лику святыхъ. Когда сгорѣлъ храмъ, гдѣ была могила, надъ гробомъ стали появляться огни и слышалось ангельское пѣніе. Тогда надъ святыми мощами воздвигнута новая церковь, и мощи выпуты изъ земли. Тутъ же начали совершаться чудеса исцѣленій. Впослѣдствіи вмѣсто деревянной была сооружена великолѣпная каменная церковь во имя *первыхъ русскихъ чудотворцевъ*. При торжественномъ перенесеніи мощей раку св. Бориса несли князья, а каменную раку св. Глѣба везли на саняхъ.

Во время нашествія татаръ храмъ этотъ былъ разрушенъ до основанія, а мощи благовѣрныхъ князей скрыты въ неизвѣстномъ мѣстѣ, гдѣ остаются и донынѣ. Преданіе говоритъ, что мѣсто это — подъ святымъ колодцемъ, находящимся у алтаря теперешней церкви.

Память св. страстотерпцевъ совершается 27 іюля, перенесеніе мощей — 2 мая.

Вспомнимъ о трехъ святыхъ братьяхъ, вѣрно служившихъ благовѣрному князю Борису.

Изъ Венгріи пришелъ къ нему Ефремъ, съ братьями Моисеемъ и Георгіемъ. Георгій былъ убитъ на Альтѣ, прикрывая собой своего князя. Узнавъ объ ихъ гибели, Ефремъ пришелъ искать тѣло брата, но не могъ узнать его, и нашелъ только главу. Онъ принялъ иночество и тамъ, гдѣ теперь городъ Торжокъ, построилъ страннопріимный домъ,

гдѣ служилъ странникамъ. По открытіи мощей св. князей Бориса и Глѣба, онъ воздвигъ храмъ во имя новоявленныхъ мучениковъ и основалъ при храмѣ иноческую обитель.

Какая радость была для вѣрнаго слуги видѣть церковное прославленіе его любимаго князя!

Мощи почившаго въ глубокой старости преп. Ефрема покоятся открыто въ соборномъ храмѣ новоторжскаго Борисоглѣбскаго монастыря. При нихъ нетлѣнная глава его брата Георгія, по его завѣщанію положенная съ нимъ въ могилу.

Третій братъ, преп. Моисей Угринъ, прославился великими подвигами цѣломудрія, много пострадалъ за душевную и тѣлесную чистоту и былъ однимъ изъ первоначальныхъ подвижниковъ въ кіевскихъ пещерахъ, гдѣ почиваютъ его мощи.

Велико значеніе дивнаго подвига святыхъ князей Бориса и Глѣба, явившихся первымъ пышнымъ цвѣтомъ русскаго православія, первыми угодными жертвами, которыя выставила Богу Русская земля.

Удивительна высота ихъ нравственнаго совершенства: презрѣніе къ смерти, вѣра въ Бога, смиреніе и правда, покорность старшимъ.

Особенно этой послѣдней добродѣтели всегда будетъ поучать ихъ память. Преп. лѣтописецъ Несторъ*) разсуждаетъ такъ объ ихъ кончинѣ и прославленіи: „Видите ли, какъ важна покорность старшему брату? Если бъ они воспротивились ему, то едва ли бы удостоились такого дара отъ Бога. Потому что и нынѣ много юныхъ князей, которые не покоряются старшимъ, сопротивляются имъ и бываютъ убиваемы, но они не удостоиваются благодати, какъ сіи святые братья“.

И особенно во времена взаимныхъ раздоровъ князей кіевской Руси примѣръ св. страстотерпцевъ служилъ важнымъ напоминаніемъ о мирѣ, любви и согласіи, которыхъ не было среди удѣльныхъ князей; ихъ рознь и предала Русь татарамъ.

Какимъ отраднымъ свѣтомъ сіяютъ лики двухъ святыхъ братьевъ; какою они озарены новою для Руси красотой — красотою смиренной и кроткой души! Ихъ короткая жизнь

---

*) Подвижникъ кіево-печерскій, преп. Несторъ, оставилъ сказаніе о первыхъ временахъ Русской земли.

Явленіе свв. кн. Бориса и Глѣба предъ Невскою битвой.

и славная смерть показываютъ, какъ быстро и богато поднялось на русской почвѣ посѣянное ихъ отцомъ сѣмя.

Немного и недолго потрудились для родной земли благовѣрные князья-мученики, но зато явились сильными и теплыми ходатаями за нее на небѣ, и забота ихъ о русской землѣ и помощь подтверждаются слѣдующими знаменіями.

Когда великій князь Александръ Невскій боролся съ нѣмцами и долженъ былъ вступить съ ними въ бой на берегахъ Невы, одинъ изъ военачальниковъ его, стоя ночью на стражѣ, имѣлъ такое видѣніе. Лишь только забрезжилъ свѣтъ, появился на рѣкѣ корабль; гребцы сидѣли какъ бы покрытые тьмой, а посреди корабля въ блестящихъ одеждахъ стояли святые мученики Борисъ и Глѣбъ. И сказалъ св. Борисъ: „Братъ Глѣбъ, вели грести скорѣе, да поможемъ сроднику нашему князю Александру противъ нѣмцевъ".

И въ тотъ день св. Александръ одержалъ великую побѣду.

Также, когда благовѣрный князь Димитрій Іоанновичъ боролся съ нечестивымъ Мамаемъ, стоявшій ночью на стражѣ Ѳома Халцибѣевъ видѣлъ слѣдующее. Въ высотѣ показалось густое облако, и отъ полуденной стороны явились двое свѣтлыхъ юношей: въ рукахъ у нихъ были зажженныя свѣчи и мечи. То были святые мученики Борисъ и Глѣбъ. И сказали они татарскимъ воеводамъ: „Кто послалъ васъ губить наше отечество, данное намъ Богомъ?" и стали рубить враговъ, такъ что ни одинъ не остался цѣлъ.

На утро стражъ повѣдалъ видѣніе великому князю Димитрію, и онъ молился: „Пресильный Боже, подай мнѣ помощь молитвами святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба, какъ Давиду на Голіаѳа, какъ Ярославу на Святополка, какъ пращуру моему Александру на короля нѣмецкаго!"

То былъ день Куликовской битвы, которая положила начало освобожденію Россіи отъ татарскаго ига.

IV.

Семья Ярослава Мудраго.—Св. великая княгиня Анна и св. князь Владиміръ новгородскіе.—Преп. Никола Святоша, князь черниговскій.

Преемникъ и сынъ Владиміра святого, Ярославъ Мудрый, славенъ былъ благочестіемъ, и былъ поборникомъ духовнаго просвѣщенія. Онъ высоко поставилъ русское имя.

Въ его семьѣ было двое святыхъ.

Супруга Ярослава, благовѣрная княгиня Анна, была дочь шведскаго короля Олава; языческое имя ея было Индегерда, и она получила въ приданое отъ отца городъ, по-русски называемый Старою Ладогой. Лѣтописи не оставили намъ подробностей о ея характерѣ. Передъ кончиной своею она постриглась въ монашество (10 февраля 1051 г.).

Благовѣрный великій князь Владиміръ Ярославичъ на 16 году поставленъ отцомъ княжить въ Новгородѣ, гдѣ неотлучно съ нимъ жила до смерти и его мать. Онъ оставилъ о себѣ вѣчную память сооруженіемъ великолѣпнаго собора Софіи, Премудрости Божіей, важнѣйшей святыни Новгорода и одной изъ первыхъ русскихъ святынь, которая уцѣлѣла во всей своей древней красѣ. Послѣ 18-лѣтняго управленія, онъ преставился 33 лѣтъ отъ роду, 4 октября 1052 г. Нетлѣнныя мощи его почиваютъ рядомъ съ мощами его матери въ серебряной ракѣ въ созданномъ имъ соборѣ.

Неясно рисуется чистый образъ этого древняго князя, по скудости свѣдѣній о немъ; но мы можемъ дополнить его по той обстановкѣ, въ какой протекло его дѣтство въ домѣ отца

Созидательная, живая, спокойная, но плодовитая дѣятельность поглощала Ярослава во все его княженіе. Онъ ставилъ новые города и храмы, любилъ церковные уставы, духовенство, особенно иноковъ, понималъ пользу книгъ духовныхъ и читалъ ихъ день и ночь, велѣлъ переводить ихъ. Все это не усыпляло его воинской доблести, когда нужно было ополчиться на врага.

Св. кн. Владиміръ Ярославичъ Новгородскій.

„Ярославъ, — говоритъ одинъ писатель *), — представляется за бесѣдой со смиреннымъ черноризцемъ о церковномъ уставѣ и строеніи или глубоко погрузившимся въ развернутую предъ нимъ хартію... Уже давно ночь, но князь какъ будто и не замѣчаетъ времени. Онъ весь ушелъ умомъ въ письмена, гдѣ черпаетъ уроки мудрости и благочестія, — и, кажется, шепчутъ его уста съ Соломономъ: „Пошли мнѣ отъ святыхъ небесъ присѣдящую престолу Твоему премудрость, чтобъ она споспѣшествовала мнѣ въ трудахъ моихъ!..“

Ярославъ любилъ великолѣпіе храмовъ, выписывалъ для украшенія ихъ греческихъ художниковъ, завелъ стройное церковное пѣніе.

Вотъ, въ какой средѣ росли первые православные русскіе князья.

Такое настроеніе вѣры не могло не образовать людей, не только праведныхъ, но и святыхъ. Мы видѣли уже благочестивую ревность св. княгини Анны, принявшей иночество

*) «Добрый страдалецъ за Русскую землю», протоіерея М. И. Хитрова.

въ послѣдній годъ жизни. Одинъ изъ князей послѣдующаго времени отрекся отъ престола и величія земного и провелъ жизнь въ удивительныхъ подвигахъ иноческаго смиренія.

Князь черниговскій Святославъ (въ сокращеніи Святоша), во св. крещеніи Николай, жилъ счастливо въ міру, имѣя жену и дѣтей. Но душа его жаждала исключительнаго общенія съ Богомъ. Онъ понялъ, что все тлѣнно, что не утолитъ

Софійскій соборъ въ Новгородѣ.

онъ голода души земнымъ величіемъ, что только на небѣ — непреходящее царство славы; и онъ оставилъ все и пришелъ въ 1106 году въ Кіево-Печерскій монастырь.

Забывая прежній санъ свой, онъ прилежнѣе всѣхъ работалъ на послушаніяхъ. Сперва онъ трудился въ поварнѣ, на плечахъ носилъ дрова съ берега Днѣпра въ гору и рубилъ ихъ, дѣлалъ и прочую работу. Его братья, узнавъ объ этомъ, пытались принудить его бросить это дѣло, но онъ умолилъ ихъ оставить ему его труды и три года протрудил-

ся на поварнѣ. Потомъ пробылъ онъ три года при монастырскихъ воротахъ сторожемъ и никуда не отходилъ, кромѣ церкви. Отсюда взяли его на трапезу.

Послѣ этихъ послушаній игуменъ велѣлъ ему трудиться въ безмолвіи, и онъ сталъ насаждать около своей келліи садъ. Никогда не видали его празднымъ, и, съ рукодѣліемъ въ рукахъ, онъ, не переставая, творилъ молитву Іисусову: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя".

Онъ ничего не ѣлъ, кромѣ малой части того, что давали ему на монастырской трапезѣ, а все, что присылали ему родные, раздавалъ нищимъ и странникамъ или на устроеніе церквей; много жертвовалъ также въ храмы книгъ.

Въ міру въ Черниговѣ у князя былъ врачъ, по имени Петръ, родомъ изъ Сиріи. Онъ былъ очень привязанъ къ нему и ради него переѣхалъ въ Кіевъ. Посѣщая св. Николу, видя его постъ и лишенія, заставая его то на поварнѣ, то у воротъ, врачъ сокрушался о немъ.

Ярославъ Мудрый.

— Ты не жалѣешь себя, — говорилъ ему врачъ.—Ты заболѣешь отъ истощенія. Какъ купленный рабъ, работаешь ты на черноризцевъ, непривычный къ этой работѣ. Твои братья скорбятъ, что ты изъ такой славы дошелъ до послѣдняго убожества... Вѣдь тебѣ присѣсть некуда, кромѣ какъ на сорную кучу у поварни или воротъ. Ты самъ моришь себя. Кто изъ князей русскихъ поступалъ такъ?

— Братъ Петръ, — отвѣчалъ ему блаженный Николай, много я думалъ о спасеніи души моей и разсудилъ, что не надо щадить плоти, чтобъ она не тяготила страстями духа. Томимая воздержаніемъ и трудомъ, она смирится, а не изнеможетъ, а если бъ и изнемогла, то апостолъ сказалъ: „Сила моя въ немощи совершается". Богъ хочетъ сердца чистаго и смиреннаго, но безъ поста и труда оно не можетъ быть такимъ... Ты упрекаешь меня, что я сталъ рабомъ этихъ черноризцевъ. Но я пересталъ быть рабомъ міра и благодарю Бога за то, что Онъ мнѣ, рожденному княземъ, далъ работать Царю царей въ лицѣ этихъ иноковъ. Братья мои

пусть не думаютъ обо мнѣ. Съ нихъ довольно заботъ о моей власти, которую я оставилъ въ земномъ княжествѣ, чтобы наслѣдовать въ небесномъ. Я обнищалъ ради Христа, чтобы пріобрѣсти Христа. Зачѣмъ же упрекаешь меня за воздержаніе мое и грубую пищу? Вѣдь, врачуя недуги, ты приказываешь больнымъ воздерживаться отъ нѣкоторыхъ блюдъ, а я этимъ способомъ лѣчу духовные недуги. Ты упрекаешь меня, что я сижу у сорныхъ кучъ,—но чѣмъ я лучше Іова, сидѣвшаго

на гробницѣ. А онъ въ жизни назывался царемъ. Ты говоришь еще, что ни одинъ изъ князей русскихъ не поступалъ, какъ я. Пусть же, подражая Царю небесному, я буду имъ примѣромъ".

Часто, когда блаженный князь заболѣвалъ, врачъ приготовлялъ ему лѣкарство, но, прежде чѣмъ онъ доходилъ до него съ лѣкарствомъ, князь выздоравливалъ и никакъ не позволялъ себя лѣчить. Самъ же онъ молитвами своими исцѣлилъ болѣзнь врача.

Однажды князь призвалъ врача и сказалъ:

— Петръ, тебѣ слѣдуетъ постричься въ ангельскій образъ и работать Господу и Его Пречистой Матери въ этомъ монастырѣ вмѣсто меня, потому что я черезъ три мѣсяца отойду отъ этого міра.

Съ воплемъ врачъ упалъ къ ногамъ его и говорилъ:

— Увы мнѣ, господинъ мой, благодѣтель, драгоцѣнная жизнь моя! Кто позаботится теперь обо мнѣ? Кто пропитаетъ сирыхъ и убогихъ, смилуется надъ просящими помощи? Вѣдь я просилъ тебя цѣлить себя, такъ какъ многимъ ты можешь быть полезенъ, и въ твоей жизни — жизнь многихъ. Откуда эта вѣсть? Если отъ людей — я отдамъ за тебя мою жизнь; если отъ Бога, умоли его, чтобъ я умеръ за тебя. Если ты умрешь, мнѣ негдѣ оплакивать сиротство мое. Птица находитъ себѣ пріютъ, а ты шесть лѣтъ живешь въ монастырѣ, и у тебя нѣтъ пріюта.

Не тужи, Петръ,—отвѣчалъ блаженный князь, подымая врача,—Господь знаетъ, какъ сохранить всю созданную Имъ тварь. Онъ будетъ прибѣжищемъ и тебѣ...

Потомъ святой Никола приготовилъ себѣ мѣсто для погребенія и показалъ врачу, а тотъ умолялъ его:

— Знаю, что если ты захочешь умолить Господа, такъ тебѣ жить еще. Меня же положи здѣсь.

— Да будетъ тебѣ, какъ хочешь, если есть на то воля Божія, — отвѣчалъ князь. — Въ одномъ образѣ иноческомъ послужимъ Богу.

Тогда врачъ постригся и провелъ три мѣсяца въ слезныхъ молитвахъ. По его молитвѣ и предсказанію блаженнаго Николы, онъ, причастившись святыхъ Таинъ, преставился въ назначенное время.

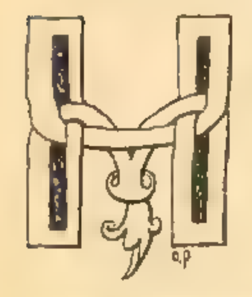
Тридцать лѣтъ послѣ того провелъ еще въ обители святой князь. Въ годъ своей кончины онъ сослужилъ родинѣ послѣднюю службу, примиривъ враждовавшихъ русскихъ князей. Въ день его смерти, 14 октября 1142 г., почти весь городъ собрался къ нему, прося его молитвъ. Братья его горько плакали, узнавъ о его кончинѣ, и одинъ изъ нихъ просилъ отъ игумена себѣ на благословеніе крестъ умершаго, возглавіе и помостъ, на которыхъ почившій клалъ поклоны. Позже онъ получилъ исцѣленіе отъ власяницы, которую носилъ на тѣлѣ блаженный Никола Святоша.

Мощи его почиваютъ въ Антоніевой пещерѣ Кіево-Печерской лавры.

V.

Семья Владиміра Мономаха. Блаженная княжна Анна. Св. Мстиславъ Владиміровичъ Великій.

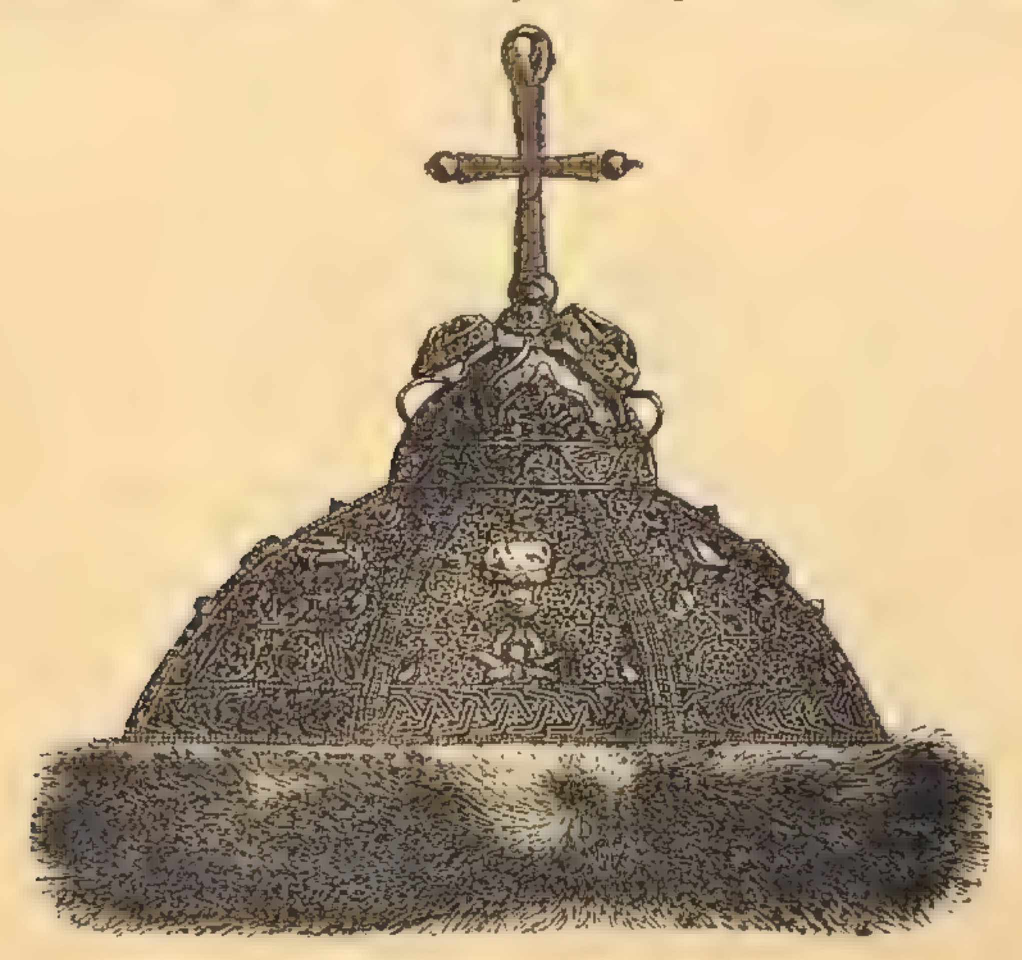
Николa Святоша былъ однимъ изъ немногихъ исключеній по кротости своей среди общаго безпокойнаго нрава князей времени кіевской Руси, проводившихъ свою жизнь въ безпрестанныхъ раздорахъ изъ-за того, кому быть великимъ княземъ.

Столь же рѣдкимъ исключеніемъ является семья великаго князя Владиміра Мономаха.

Внукъ Ярослава, Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ прославился и бранными подвигами за отечество и добрымъ нравомъ, всѣми силами успокоивая Русь и примиряя князей. Онъ творилъ добро врагамъ, одаривалъ ихъ; лѣтописцы славятъ его незлобіе, покорность отцу, котораго онъ ни разу не ослушался, щедрость, милосердіе. Молясь, онъ проливалъ слезы. Яснѣе всего рисуетъ его завѣщаніе, оставленное имъ дѣтямъ, въ которомъ отразились всѣ лучшія черты тогдашняго русскаго князя:

„Приближаясь ко гробу, — пишетъ онъ, — благодарю Всевышняго за умноженіе дней моихъ. Рука Его довела меня до старости маститой. И вы, дѣти мои, помните заповѣди Божіи, ходите по стопамъ отцовъ вашихъ. Страхъ Божій — основаніе добродѣтели. Великъ Господь и чудны дѣла Его! О, дѣти мои! хвалите Бога и любите человѣка. Не постъ, не уединеніе, не монашество спасетъ васъ: спасутъ васъ дѣла добрыя. Не забывайте бѣдныхъ, кормите ихъ и мыслите, что всякое достояніе принадлежитъ Богу, а намъ дано только на время. Не скрывайте богатства въ нѣдрахъ земли.

Сиротамъ будьте отцами, не давайте сильнымъ избить вдовъ и слабыхъ. Не убивайте ни праваго ни виновнаго; жизнь и душа христіанина священны предъ Спасителемъ нашимъ. Принимайте съ любовію благословеніе пастырей духовныхъ; творите имъ добро, да молятся за васъ Всевышнему. Не имѣйте гордости ни въ умѣ ни въ сердцѣ, и думайте: „Мы тлѣнны: нынѣ живы, а завтра во гробѣ". Бойтесь лжи,

Шапка Мономаха.

пьянства и любострастія, равно пагубнаго для тѣла и души. Старцевъ чтите, какъ отцовъ, мудрыхъ слушайте, старшимъ покоряйтесь, съ равными и меньшими имѣйте любовь, бесѣдуйте безъ криводушія, воздерживайтесь отъ смѣха, старайтесь опускать очи къ землѣ, а душу возносить къ небу. Въ пути, на конѣ, не имѣя дѣла, читайте наизусть молитвы или повторяйте чаще „Господи помилуй!" Не засыпайте никогда безъ земного поклона, а когда чувствуете себя нездоровыми, поклонитесь въ землю три раза. Да не застанетъ

васъ солнце на постели. Идите рано въ церковь воздать Богу хвалу утреннюю. Такъ дѣлалъ мой отецъ, такъ дѣлали всѣ добрые люди въ мое время. Когда озаряло ихъ восходящее солнце, они радостно славили Господа".

И дѣти своею жизнью оправдали такого отца, о которомъ лѣтописецъ говоритъ такія глубокія и трогательныя слова: „Бѣ нищелюбецъ и правдолюбецъ и добрый страдалецъ за Русскую землю".

Дочь Владиміра Мономаха Марина, вмѣстѣ со своею теткой, его сестрой Евпраксіей, кончили жизнь въ подвигахъ иночества.

Въ томъ же кіевскомъ Андреевскомъ монастырѣ, основанномъ отцомъ Мономаха, подвизалась его старшая сестра, блаженная княжна Анна, прозванная Янкой. Она занималась тамъ воспитаніемъ дѣвицъ, обучала ихъ грамотѣ, пѣнію и рукодѣліямъ. Она почила 3 ноября 1113 г. и причислена къ лику святыхъ.

Сынъ и преемникъ Мономаха, Мстиславъ, названъ Великимъ, а церковью — Святымъ.

Съ 12 лѣтъ дѣдъ послалъ его княжить въ Новгородъ, и онъ въ юности еще показалъ зрѣлую и великую душу.

Князь черниговскій Олегъ, убивъ его брата Изяслава, захватилъ его удѣлъ — Ростовъ и Суздаль. Избѣгая мести, Мстиславъ, съ горестью схоронивъ брата въ Софійской церкви, послалъ сказать Олегу: „Ты убилъ брата моего, но на войнѣ гибнутъ цари и князья; будь же доволенъ твоею наслѣдственною Рязанью, и я упрошу отца моего помириться съ тобой". Олегъ не хотѣлъ ничего слушать и мечталъ завладѣть еще и Новгородомъ. Тогда Мстиславъ вооружился и принудилъ Олега удалиться въ Муромъ. Великодушный Мстиславъ, уважая въ Олегѣ своего крестнаго отца, снова предложилъ ему миръ, прося только возвратить ему плѣнныхъ, и умолялъ отца забыть поступки Олега. Мономахъ сознался, что сынъ пристыдилъ его своимъ великодушіемъ, и написалъ Олегу предложеніе мира. Обманно принявъ предложеніе, чтобъ усыпить племянника, Олегъ, только что Мстиславъ распустилъ войско, пошелъ на него. Въ одинъ день молодой князь собралъ дружину и разбилъ Олега, который бѣжалъ сперва въ Рязань, а потомъ не зналъ, гдѣ

ему преклонить голову, и скитался въ отчаяніи, боясь Мстислава. И снова благородный князь послалъ сказать ему: „Я буду твоимъ вѣрнымъ ходатаемъ предъ отцомъ, и онъ не лишитъ тебя Русской земли. Властвуй спокойно въ своемъ княженіи, только смирись". И, дѣйствительно, Мстиславъ вышелъ изъ Муромской области, возвратился въ Новгородъ и примирилъ Олега съ отцомъ.

Новгородцы любили Мстислава и дорожили имъ. Когда одинъ князь хотѣлъ прислать имъ, съ согласія Мономаха, своего сына, при чемъ Мстислава предполагалось перевести во Владиміръ, новгородцы отвѣтили: „Если у сына твоего двѣ головы, пришли его къ намъ. Новгороду нуженъ Мстиславъ, котораго ему далъ его дѣдъ, а сына твоего не хотимъ".

Памятниками теплаго усердія Мстислава къ Церкви остались каменные храмы - Благовѣщенскій на Городищѣ, у Новгорода (гдѣ было пребываніе князей), и великолѣпный соборъ на княжемъ дворѣ (называвшемся Ярославово Дворище) въ честь святителя Николая, съ его чудотворною иконой.

Однажды святитель Николай явился въ видѣніи тяжко больному Мстиславу и приказалъ ему отправить въ Кіевъ пословъ за своею иконой, размѣры и видъ которой святитель показалъ князю. Послы отплыли, но поднявшаяся на озерѣ Ильменѣ буря задержала ихъ на три дня у Липнаго острова. Здѣсь они нашли плывущую по водѣ икону — круглую, какъ было въ видѣніи, и того же размѣра. Больной князь, приложась къ иконѣ, получилъ исцѣленіе.

Икона эта нынѣ находится въ Николо-Дворищенскомъ соборѣ, а на островѣ князь поставилъ храмъ и монастырь, отъ котораго остались однѣ развалины.

Княжа въ Новгородѣ, Мстиславъ дважды разбилъ Чудь и завладѣлъ городомъ Оденпе, или Медвѣжьею Головой, въ Ливоніи.

Есть преданіе, что Мстиславъ, по приказанію отца, ходилъ къ Адріанополю, завоевалъ Ѳракію, и устрашенный греческій императоръ прислалъ въ Кіевъ дары: крестъ изъ Животворящаго Древа, вѣнецъ, чашу императора римскаго, кесаря Августа *), золотую цѣпь и бармы императора Констан-

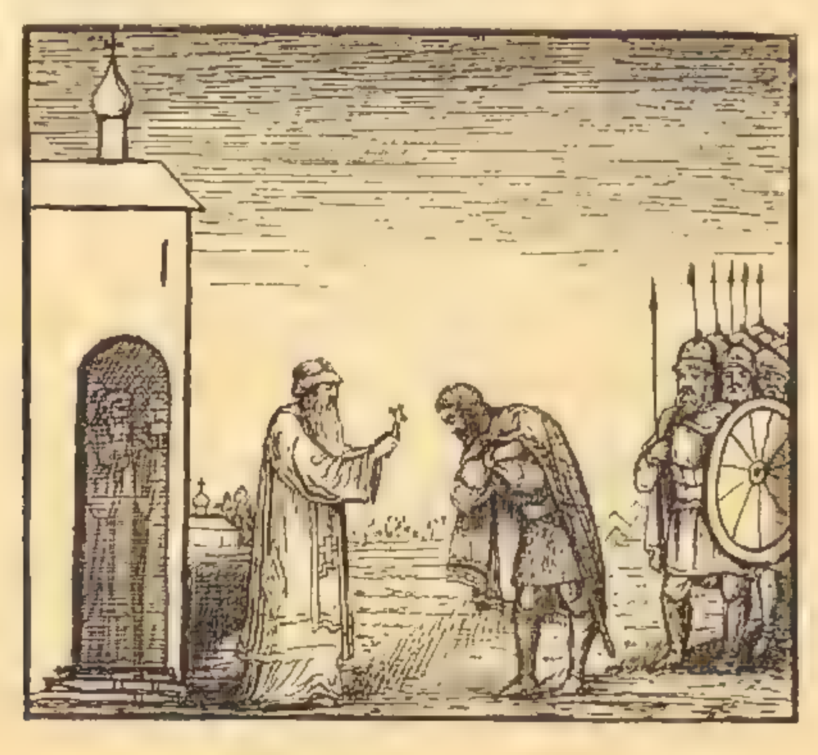
*) Находится въ Успенскомъ соборѣ, изъ нея помазываютъ царей при вѣнчаніи на царство.

тина Мономаха, изъ рода котораго была мать Владиміра Мономаха.

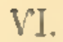
Послѣ Новгорода, по волѣ отца, Мстиславъ перешелъ въ Бѣлгородъ, а по смерти его, въ 1125 г., сѣлъ въ Кіевѣ на престолѣ великокняжескомъ. Здѣсь онъ устроилъ монастырь въ честь ангела своего, великомученика Ѳеодора, и храмъ во имя привезенной изъ Царьграда Пирогощей иконы Богоматери.

Семь лѣтъ княжилъ Мстиславъ въ Кіевѣ. Въ немъ была твердость отца его, соединенная съ нѣжною, чувствительною душой, и онъ старался, не обижая князей, держать ихъ въ повиновеніи. Побѣдоносный вождь, не сокрушая чужихъ государствъ, онъ былъ защитой, славой и утѣшеніемъ собственнаго. При его умѣніи править Русскою землей, если бы онъ прожилъ дольше, онъ могъ бы надолго утвердить въ ней порядокъ. По характеру своему онъ былъ неудержимо милостивъ ко всякому, не принималъ серебра и золота въ руки, потому что не любилъ богатства.

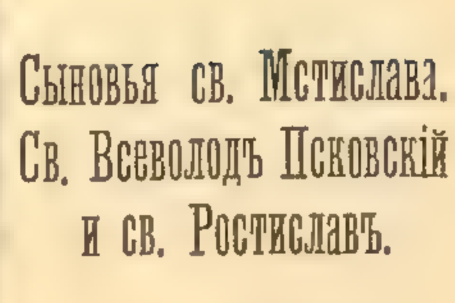
Заранѣе узнавъ день кончины своей, онъ преставился въ одинъ изъ дней святой Пасхи, 15 апрѣля 1132 г., и положенъ въ основанномъ имъ монастырѣ. Современники не только чтили его, но уже и вѣровали въ загробныя молитвы его. Онъ причисленъ къ лику святыхъ.

Выступленіе въ походъ.

VI.

Сыновья св. Мстислава. Св. Всеволодъ Псковскій и св. Ростиславъ.

Въ числѣ сыновей св. Мстислава Великаго двое были святые.

Когда Владиміръ Мономахъ перевелъ сына своего Мстислава поближе къ себѣ, въ Бѣлгородъ, — онъ вмѣсто него прислалъ въ Новгородъ его сына, своего внука Всеволода (въ крещеніи Гавріилъ).

Юный князь положилъ основаніе (или возобновилъ) знаменитому Юрьеву монастырю, заложивъ величественный храмъ св. великомученику Георгію и надѣливъ обитель угодьями, воздвигъ также на Торговой площади храмъ св. Іоанну Крестителю по случаю рожденія сына.

Въ 1126 г. въ Новгородѣ наступилъ, какъ во всѣхъ сѣверныхъ областяхъ, страшный двухлѣтній голодъ. Отъ жестокаго необыкновеннаго холода вымерзли озими, глубокій снѣгъ лежалъ до 30 апрѣля, вода затопила нивы и селенія, и земледѣльцы весной увидѣли на поляхъ вмѣсто зелени одну грязь. Запасовъ не было, а цѣна хлѣба поднялась такъ, что въ 1128 г. осьмина ржи стоила по теперешнимъ деньгамъ свыше двухъ рублей. Народъ питался мякиной, лошадинымъ мясомъ, липовымъ листомъ, березовою корой, мхомъ, древесною гнилью. Изнуренные люди скитались какъ привидѣнія, падали мертвыми на дорогахъ, улицахъ и площадяхъ. Новгородъ принималъ видъ обширнаго кладбища, разлагающіеся трупы заражали воздухъ, и не успѣвали ихъ

вывозить. Отцы и матери отдавали дѣтей въ рабство иностраннымъ купцамъ. И многіе граждане искали пропитанія въ отдаленныхъ странахъ. Въ эти тяжкіе дни Всеволодъ дѣлалъ все, что̀ могъ, для народа, и истощилъ на него всю свою казну, которая не могла, однако, пропитать всѣхъ.

О добродѣтеляхъ его Прологъ говоритъ такъ: „Онъ былъ полнъ всякихъ благихъ дѣлъ: былъ богобоязливъ и правдивъ, тихъ и кротокъ и равно и искренно любилъ всѣхъ. Уважалъ церковный чинъ и иноковъ, почитая ихъ какъ братьевъ Божіихъ. Заступался за сиротъ и вдовъ, миловалъ нищихъ и покоилъ недужныхъ“.

Обороняя Новгородъ отъ враговъ, сіялъ князь и воинскою славой и побѣдоносно ходилъ въ Финляндію, Эстонію и Литву для охраненія новгородскихъ границъ.

Дядя его, Ярополкъ, вступивъ въ 1132 году на кіевскій престолъ, далъ Всеволоду важный удѣлъ переяславльскій, считавшійся первымъ послѣ кіевскаго. Съ сожалѣніемъ прощались съ нимъ новгородцы, упрекая его въ измѣнѣ св. Софіи.

Въ то же время младшій дядя его, князь ростовскій и суздальскій Юрій Долгорукій, завидуя Всеволоду и думая, что Ярополкъ хочетъ провести его въ свои наслѣдники, пошелъ на Переяславль. Всеволодъ, въѣхавъ туда утромъ, до обѣда былъ изгнанъ Юріемъ. Не проливая крови, кротко принялъ это поношеніе богобоязненный Всеволодъ и вернулся въ Новгородъ. Забывъ его благодѣянія и побѣды, одержанныя имъ для Новгорода, новгородцы сперва не хотѣли принять его, говоря: „Ты искалъ другого княжества. Иди же, куда знаешь“. Но потомъ одумались и послали за нимъ, ограничивъ его власть.

Черезъ два года пришелъ къ Всеволоду дядя его Изяславъ, лишенный тѣмъ же братомъ Юріемъ своего удѣла.

Новгородцы шумно вызвались защитить его, и Всеволодъ долженъ былъ вести ихъ на Суздаль противъ Юрія, но, дойдя до рѣки Дубны, вернулся обратно. Недовольные этимъ и ставя свою честь въ возобновленіи похода, новгородцы требовали, чтобы ихъ снова вели на Суздаль. Напрасно отговаривалъ ихъ отъ этого предпріятія кіевскій митрополитъ, пріѣзжавшій въ Новгородъ. Задержавъ у себя митрополита силой, они на святкахъ, въ страшные морозы выступили въ походъ. Черезъ мѣсяцъ на Ждановой горѣ (въ

нынѣшней Владимірской губерніи) произошла кровопролитная битва. Новгородцы бились крѣпко, пали во множествѣ, положили еще болѣе суздальцевъ, но не одержали побѣды. Всеволодъ едва спасся съ небольшимъ остаткомъ дружины.

Тогда безпокойные и самовластные новгородцы выискали за Всеволодомъ разныя вины и торжественно осудили его на изгнаніе. Его заключили въ епископскомъ домѣ съ женой, дѣтьми и тещей (онъ былъ женатъ на дочери святого князя Николая Святоши) и продержали семь недѣль подъ стражей до прибытія новоизбраннаго князя.

Ярополкъ далъ изгнаннику Вышгородъ, но вскорѣ нѣкоторые новгородцы пришли звать его обратно. Выросши въ Новгородѣ, Всеволодъ любилъ его, какъ родину, и неблагодарныхъ новгородцевъ—какъ братьевъ. Онъ тосковалъ вдали отъ Новгорода и съ радостью направился туда.

Псковитяне приняли его съ радостью, но новгородцы не хотѣли слышать о немъ и собрались на Псковъ. Тогда псковитяне завалили всѣ дороги, ведшія по дремучимъ лѣсамъ, устроили окопы и такъ грозно готовились къ защитѣ, что новгородцы вернулись назадъ.

Во Псковѣ Всеволодъ заложилъ каменный храмъ во имя св. Троицы, нынѣ составляющій величайшую святыню Пскова. Не болѣе года онъ княжилъ здѣсь, и это былъ годъ сплошныхъ подвиговъ благочестія.

Всегда набожный, теперь, предчувствуя смерть, онъ усугубилъ строгость жизни; смирялъ себя постомъ и молитвой, питалъ нищихъ, призрѣвалъ странниковъ, ходилъ за больными, перевязывалъ самъ ихъ раны.

Эти христіанскіе подвиги не были нарушены дѣлами воинскими: слава Всеволода сдерживала окрестные народы, трепетавшіе его имени; никто не смѣлъ напасть на Псковъ, и не выдалъ князь никому чести вѣрнаго своего города. 11 февраля 1138 г., послѣ недолгой болѣзни, онъ тихо почилъ въ лѣтахъ нестарыхъ и въ небесныхъ селеніяхъ принялъ успокоеніе отъ той горечи, испытаній и униженій, какія вынесла на землѣ его благородная и кроткая душа.

Когда его не стало, тогда только новгородцы опомнились и поняли, какого праведнаго человѣка они гнали. Они послали въ Псковъ протопопа отъ св. Софіи, именемъ Полюда,

чтобы перенести тѣло князя въ Новгородъ. Но гроба не могли сдвинуть съ мѣста: князь хотѣлъ остаться тамъ, гдѣ его при жизни покоили и любили. Горько плакали послы новгородскіе и молили дать имъ хоть малую часть отъ мощей. Тогда самъ собой отпалъ ноготь отъ руки блаженнаго князя. Въ радости послы понесли эту святыню въ Новгородъ.

Такъ какъ заложенный Всеволодомъ соборъ св. Троицы не былъ еще довершенъ, то псковитяне погребли его мощи въ церкви великомученика Димитрія Солунскаго. Чрезъ 54 года онѣ обрѣтены нетлѣнными, и св. князь, явившись въ видѣніи одному благочестивому мужу, сказалъ: „Объяви властямъ, чтобъ перенесли мои мощи въ храмъ св. Троицы. Тамъ хочу я возлечь. Господь Іисусъ Христосъ предалъ мнѣ градъ мой Псковъ, чтобы хранить его отъ нечестивыхъ нѣмцевъ, и въ немъ хочу пребывать духомъ до скончанія вѣка". 1192 г. 27 ноября (въ этотъ день празднуется перенесеніе его св. мощей) св. мощи перенесены и открыто поставлены въ Троицкомъ соборномъ храмѣ.

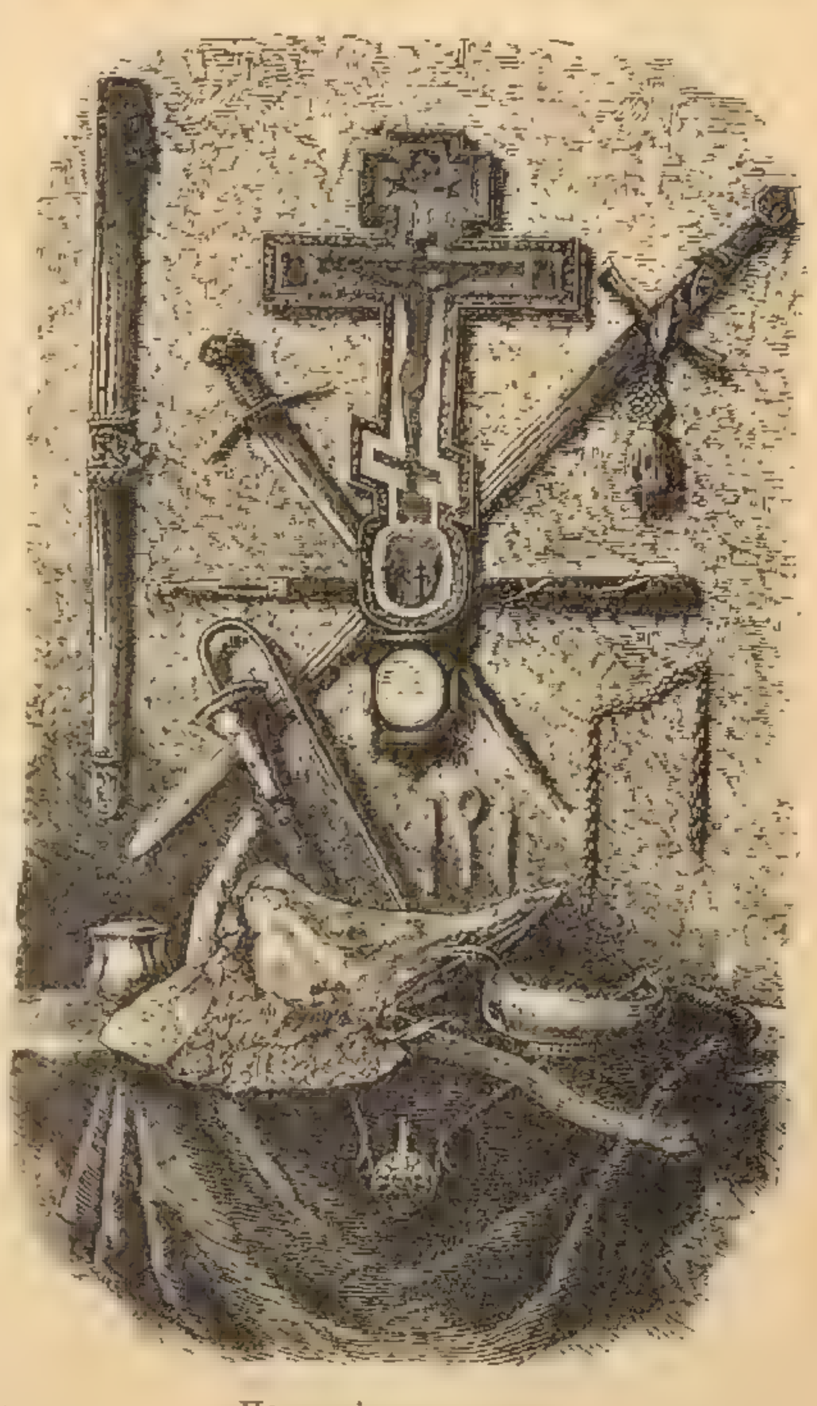
Въ 1363 г. благовѣрный князь, явившись соборному пономарю, спавшему въ притворѣ храма, сказалъ ему: „Завтра объяви причту св. Троицы и городскимъ начальникамъ, чтобы вынесли иконы изъ церкви. Въ слѣдующую ночь Господу угодно явить чудо надъ моими мощами". Приказаніе было исполнено, и ночью обрушился тяжелый сводъ храма и отшибъ малую часть челюстей благовѣрнаго князя, доселѣ сохраняемую въ серебряномъ ковчегѣ.

У раки св. князя стоитъ древняя чудотворная икона его и виситъ огромный (2 арш. 2 верш. длины), тяжелый ($17^1/_2$ фунтовъ вѣсу) крестообразный мечъ его съ надписью на латинскомъ языкѣ: „honorem meum nemini dabo", то-есть чести моей не выдамъ никому. Посѣщая Псковъ, царь Іоаннъ Грозный дивился размѣрамъ и тяжести этого меча.

Братъ Всеволода, благовѣрный князь Ростиславъ (Михаилъ) Мстиславичъ, родоначальникъ князей смоленскихъ, принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ государей, которые въ своемъ блестящемъ верховномъ санѣ находятъ болѣе тягости, чѣмъ удовольствія. Онъ не искалъ великаго княжества и, дважды возведенный на великокняжескій престолъ, искренно желалъ отказаться отъ власти.

Уже въ престарѣлыхъ годахъ, незадолго до смерти, всего болѣе заботясь о судьбѣ своихъ дѣтей, онъ, несмотря на слабость, поѣхалъ въ Новгородъ, чтобъ утвердить княжившаго тамъ сына своего Святослава.

За 300 верстъ отъ Смоленска встрѣтили его смоленскіе послы. Смоляне любили Ростислава и вспоминали съ благодарностью его правленіе. Онъ тоже любилъ Смоленскъ, гдѣ онъ открылъ епископскую каѳедру, поставилъ славный храмъ Петропавловскій, донынѣ уцѣлѣвшій въ первоначальномъ видѣ, несмотря на бурную жизнь этого города. Сынъ его Романъ, внуки, епископъ Мануилъ вмѣстѣ съ народомъ привѣтствовали старца; вельможи и купцы привезли ему подарки. Это вниманіе горожанъ было дорого князю.

Псковскія древности.

Утомленный путемъ, онъ не могъ ѣхать далѣе Великихъ Лукъ и вызвалъ туда къ себѣ знатнѣйшихъ новгородцевъ. Онъ взялъ съ нихъ клятву забыть всѣ неудовольствія

на его сына, никогда не искать иного князя и разлучиться со Святославомъ только смертью. Потомъ онъ успокоенный вернулся въ Смоленскъ. Жившая тамъ его сестра Рогнѣда, видя изнеможеніе брата, совѣтовала ему остаться въ Смоленскѣ, чтобы быть погребеннымъ въ возвигнутомъ имъ Петропавловскомъ храмѣ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ великій князь, — я хочу лежать въ кіевской обители св. Θеодора, вмѣстѣ съ нашимъ отцомъ, а если Богъ исцѣлитъ меня молитвами Пречистой Своей Матери и преп. Θеодосія, то постригусь въ Печерскомъ монастырѣ.

Блаженный князь скончался 14 марта 1168 г. на пути, съ тихою молитвой на устахъ: „Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, съ миромъ".

Это были его послѣднія слова, и слезы остановились на застывшихъ ланитахъ преставившагося князя.

Онъ погребенъ въ Кіевскомъ Θеодоровскомъ монастырѣ.

Блаженный князь Ростиславъ отличался удивительнымъ незлобіемъ. Онъ все прощалъ другимъ, помня только о своихъ грѣхахъ, и, исчисляя долги свои предъ Богомъ, забывалъ о томъ, что должны ему другіе. Часто онъ говорилъ игумену печерскому: „Приготовь мнѣ келью, боюсь смерти неожиданной". Каждый постъ онъ пріобщался святыхъ Тайнъ, а во время Великаго поста всякую субботу и воскресенье онъ звалъ къ себѣ на обѣдъ игумена печерскаго съ 12 братьями этой обители. Онъ бесѣдовалъ съ ними о христіанской жизни и часто говорилъ имъ о намѣреніи удалиться отъ суетнаго міра, чтобъ мимотекущую краткую жизнь посвятить Богу въ безмолвіи монастырскомъ. А благоразумный старецъ, преп. Поликарпъ, отвѣчалъ ему на это: „Богъ требуетъ отъ тебя другихъ подвиговъ: дѣлай правду, блюди землю Русскую".

Ростиславъ уступалъ въ дарованіяхъ отцу своему, св. Мстиславу Великому, и дѣду, Владиміру Мономаху, но всею душой любилъ родину, любилъ миръ и правду, страшился проливать кровь русскую.

VII.

Св. князь Константинъ Муромскій. Мученическая кончина св. великаго князя Игоря.

Просвѣтитель страны Муромской, св. благовѣрный князь Константинъ, былъ сыномъ князя черниговскаго, въ удѣлъ котораго входилъ и Муромъ. Эта страна была населена грубымъ и дикимъ финскимъ племенемъ, чрезвычайно закоренѣлымъ въ язычествѣ. Кудесники финскіе держали народъ въ своей власти и разжигали суевѣрія.

Великая христіанская ревность наполняла сердце князя Константина, и онъ самъ просилъ отца поручить ему Муромскую область. Онъ задумалъ отдать свою жизнь дѣлу просвѣщенія ея жителей. Готовый на все, зная, что, можетъ-быть, придется запечатлѣть свою дѣятельность смертью, св. Константинъ отправился въ Муромъ. Ему сопутствовали его княгиня, два сына, Михаилъ и Ѳеодоръ, дружина и нѣсколько лицъ духовенства.

Немного не доходя Мурома, князь послалъ впередъ своего сына Михаила, убѣдить городскихъ жителей, чтобы они спокойно приняли новаго князя. Но, вмѣсто отвѣта, муромцы убили Михаила, выбросили тѣло его за городъ и приготовились къ сопротивленію.

Тогда князь обложилъ городъ. Муромцы смирились и приняли къ себѣ св. Константина. Только что утвердившись въ Муромѣ, князь сталъ просвѣщать язычниковъ.

Прежде всего онъ построилъ храмы, и первый изъ нихъ въ честь Благовѣщенія Пресвятой Богородицы. Здѣсь было погребено тѣло юнаго убіеннаго князя Михаила.

Спутники св. Константина объясняли муромцамъ заблужденія языческія, говорили о Богѣ и Его правдѣ, о служеніи Ему, о христіанскихъ обрядахъ. Часто и самъ князь приглашалъ къ себѣ старѣйшинъ и убѣждалъ ихъ обратиться ко св. вѣрѣ.

Но на сорной почвѣ трудно было вырасти насажденіямъ истины. Язычники были глухи къ ученію, а нѣкоторые поклялись убить или выгнать изъ города проповѣдника.

Однажды ожесточенная толпа съ оружіемъ подступила къ княжескому двору. Усердно помолившись Владычицѣ, князь съ Ея образомъ въ рукѣ одинъ вышелъ къ возбужденной толпѣ. И тутъ совершилось чудо: во внезапномъ страхѣ бунтовщики пали на землю предъ иконою Богоматери и стали просить у князя крещенія. Св. Константинъ чрезъ нѣсколько дней крестилъ Муромцевъ въ Окѣ, какъ нѣкогда въ Днѣпрѣ св. Владиміръ — кіевлянъ.

Утверждая вѣру и гражданственность въ глухомъ краѣ, св. князь въ то же время оборонялъ предѣлы муромскіе отъ болгаръ и мордвы.

Наслѣдовавъ Черниговское княжество, онъ предоставилъ Муромъ своему племяннику. Онъ скончался, горько оплакиваемый народомъ, въ 1129 г. въ Муромѣ и положенъ тамъ въ Благовѣщенскомъ соборѣ, близъ гробницъ его сыновей — Михаила и Θеодора.

Съ половины XIV вѣка при гробѣ князя стали совершаться чудеса. Предъ Казанскимъ походомъ, молясь у гробницы, Іоаннъ Грозный далъ обѣтъ, въ случаѣ дарованія ему побѣды, воздвигнуть новый храмъ Благовѣщенія. При постройкѣ этого храма обрѣтены мощи святого Константина и чадъ его нетлѣнными и положены въ особомъ мѣстѣ стѣны. Тамъ, гдѣ убитъ былъ благовѣрный князь Михаилъ, поставленъ недавно храмъ его имени.

Посреди тѣхъ междоусобій, которыя велись князьями изъза обладанія кіевскимъ престоломъ, принялъ мученическую кончину св. великій князь Игорь (во св. крещеніи Гавріилъ).

Онъ происходилъ изъ мятежнаго рода князя Олега Черниговскаго, на которомъ св. Мстиславу Великому столько разъ пришлось выказать свое великодушіе. Братъ Игоря, Всеволодъ, восхитилъ кіевскій престолъ у потомковъ Мо-

номаха и, умирая, передалъ его брату Игорю, которому кіевляне и дали обѣтъ вѣрности. При этомъ, однако, они просили, чтобы Игорь смѣнилъ вельможъ брата, которые угнетали народъ; окруженный дурными совѣтниками, несмотря на добрыя намѣренія умирить Кіевъ, Игорь медлилъ исполнить обѣщаніе, и тогда кіевляне, не любившіе олеговичей и желавшіе мономаховичей, предложили тайно престолъ внуку Мономахову, Изяславу Мстиславичу (брату св. Всеволода и Ростислава), который и пошелъ на Кіевъ. По дорогѣ его встрѣтили послы кіевской области и говорили:

— Мы всѣ за тебя; не хотимъ олеговичей. Гдѣ увидимъ твои знамена, тамъ и будемъ.

Между тѣмъ, черниговскіе князья медлили помощью Игорю, торговались съ нимъ, а когда собрались, было уже поздно.

Кіевскіе бояре подъ личиной вѣрности Игорю ссылались потихоньку съ Изяславомъ, и когда началась битва, Игорь увидѣлъ явную измѣну: въ кіевскихъ полкахъ развѣвались знамена Изяслава, и кіевскіе бояре открыто передавались ему. Рать Игоря была разбита, Изяславъ торжественно вступилъ въ Кіевъ и занялъ престолъ, а несчастнаго Игоря, слабаго ногами, схватили въ болотѣ, гдѣ увязъ его конь, держали нѣсколько дней въ подгородномъ монастырѣ на Выдубицахъ, потомъ заключили въ темницу въ Переяславлѣ. Въ своемъ бѣдствіи онъ не имѣлъ и того утѣшенія, чтобы кто-нибудь пожалѣлъ о немъ, кромѣ вѣрнаго его брата. Такъ онъ несъ на себѣ расплату за грѣхи отца.

Вскорѣ, изнуренный печалью и болѣзнію, онъ изъявилъ желаніе отказаться отъ свѣта.

— Давно и въ самомъ счастьи, — говорилъ онъ, — я хотѣлъ посвятить Богу душу мою. Нынѣ, въ темницѣ и при дверяхъ гроба, могу ли желать другого!

Изяславъ отвѣтилъ ему:

— Ты свободенъ; но выпускаю тебя только ради твоей болѣзни.

Его отнесли въ келлію; 8 дней лежалъ онъ, какъ мертвый, но послѣ пострига совершенно выздоровѣлъ и принялъ схиму въ кіевской обители св. Ѳеодора.

Вѣрный братъ его Святославъ желалъ отомстить за него, и Изяславъ долженъ былъ выступить противъ него въ походъ, и прислалъ въ Кіевъ, прося помощи.

— Идемъ за тебя и съ дѣтьми, - кричали кіевляне въ отвѣтъ на рѣчь посла Изяславова.—Но въ это время нашелся человѣкъ, который сталъ разжигать давнюю ненависть къ олеговичамъ.

— Мы рады итти, — говорилъ онъ, — но вспомните, что врагъ князя и народа Игорь не въ темницѣ сидитъ, а живетъ спокойно въ монастырѣ св. Θеодора. Умертвимъ его и тогда пойдемъ спокойно на черниговцевъ!

Народъ безумный, какъ всегда безумна разжигаемая толпа, завопилъ:

— Да умретъ Игорь!

Напрасно братъ Изяслава Владиміръ увѣщевалъ народъ. Бунтовщики кричали:

— Нельзя раздѣлаться добромъ съ племенемъ Олеговымъ, — и толпами бѣжали къ монастырю.

Когда Владиміръ подъѣхалъ къ воротамъ обители, они уже вели князя, котораго схватили за самою литургіей въ храмѣ.

Напрасно тысяцкій и митрополитъ умоляли народъ оставить Игоря.

— Куда ведутъ меня, братъ любезный?—спросилъ Игорь.

Владиміръ закрылъ его своею одеждой, привелъ въ домъ къ своей матери, заперъ ворота, не взирая на ярость мятежниковъ, которые толкали и били его. Наконецъ, разъяренная толпа вломилась въ домъ. Игоря безжалостно убили и влекли нагого по улицамъ до торговой площади.

Потомъ тѣло Игоря перенесено было въ церковь, облачено въ соотвѣтствующую одежду и предано землѣ.

Совершая погребеніе, игуменъ Θеодоровской обители воскликнулъ:

— Горе живущимъ нынѣ! Горе вѣку суетному и сердцамъ жестокимъ!

Въ это время загремѣлъ громъ: народъ ужаснулся и сталъ плакать поздними слезами.

Св. князь Игорь убитъ 19 сентября 1147 г. Въ придѣлѣ св. Іоанна Богослова Великой церкви Кіево-Печерской лавры находится Игоревская икона Богоматери, предъ которою онъ

молился передъ смертью, принятою имъ, послѣ терпѣливыхъ страданій за 14-дневное великое княженіе, столь покорно и кротко.

Память его установлено праздновать 5 іюня.

По лѣтописи. св. Игорь былъ средняго роста, сухощавъ, смуглъ, носилъ длинные волосы и узкую, небольшую бороду.

Въ 1150 г. вѣрный братъ его перенесъ его мощи въ Черниговъ, гдѣ онѣ были погребены въ Преображенскомъ соборѣ. Нынѣ онѣ находятся неизвѣстно гдѣ.

Есть весьма основательное преданіе, что во время нашествія Батыя онѣ съ ракой опущены подъ полъ собора и тамъ стоятъ донынѣ. Въ концѣ прошлаго вѣка оборвалась часть карниза и проломила полъ. Когда спустились въ проломъ, то увидали, что этотъ же кусокъ отшибъ часть стоявшей глубоко подъ поломъ раки, о существованіи которой ничего не знали, и чрезъ отверстіе было видно нетлѣнное тѣло въ княжеской одеждѣ.

VIII.

Суздальско-Владимірское княжество, какъ предтеча Москвы. Его создатель св. Андрей Боголюбскій. Сыновья Андрея: свв. Глѣбъ и Изяславъ.

Тѣ примѣры миролюбія, которые явили Владиміръ Мономахъ, святые Мстиславъ, Всеволодъ, Ростиславъ; такія ужасныя жертвы междоусобій, какъ св. Игорь; страшное пророчество, произнесенное игуменомъ надъ тѣломъ этого убіеннаго князя,— все осталось тщетнымъ, ничто не могло отучить князей отъ ихъ непрерывныхъ распрей.

Вся Русская земля изнывала и слабѣла отъ нескончаемыхъ войнъ, за которыми и услѣдить при изученіи ихъ трудно. Вчерашніе враги становятся сегодня союзниками, чтобъ завтра опять бороться, и въ этихъ постоянныхъ междоусобіяхъ заглушался голосъ совѣсти, ни во что вмѣнялись клятвы, а, главное, забывалась судьба всей земли. Для частныхъ стремленій и отношеній князей приносилось въ жертву общерусское дѣло. И, когда хлынули разрушительнымъ потокомъ съ востока страшные татары, они не встрѣтили предъ собой мощной и грозной стѣны цѣльнаго единаго государства, а кучу разрозненныхъ удѣловъ, — и, не задерживаемые дружнымъ отпоромъ, пронеслись губительнымъ потокомъ почти изъ края въ край Русской земли и покорили ее.

Самому имени земли Русской предстояла бы конечная гибель, если бы Божій Промыслъ заранѣе не подготовлялъ незримо и тихо такую силу, которая должна была спасти погибшую Русь.

Кіевская Русь, еще ранѣе чѣмъ за сто лѣтъ до нашествія татаръ, своими междоусобіями осудила себя на гибель. Она доказала свою несостоятельность. Просвѣтивъ русскій на-

родъ вѣрой заслуга неоцѣненная — она дальше ничего не дала ему. На смѣну ей надлежало выступить новой силѣ.

Мало-по-малу въ сѣверной части Россіи вырабатывается

Видъ г. Владиміра на Клязьмѣ съ восточной стороны.

новое явленіе: князья тихіе, расчетливые, мудрые хозяева, съ дѣятельностью несокрушимо послѣдовательною, безъ шуму совершающіе свое дѣло, отъ отца къ сыну и къ дальнимъ потомкамъ неутомимо и молчаливо стремящіеся все

къ одной цѣли—*объединенію* земли, утвержденію единовластія. Вырабатывается народъ спокойный, стойкій, терпѣливый, безконечно довѣряющій своимъ вождямъ и имъ всецѣло покорный.

Вырабатывается ничѣмъ несокрушимая вѣра и князей и народа въ то, что созданіе русскаго государства есть дѣло богоугодное, святое, что за Русь—Богъ, что работа въ самыя отчаянныя безпросвѣтныя минуты государства не останется безплодною, потому что удѣлъ Руси великъ.

Дружно съ князьями и народомъ, ободряя ихъ, работаютъ святители, духовною властью поддерживая эти выстраданныя жизнью убѣжденія и надежды.

И, мало-по-малу, вмѣсто раздробленныхъ, безсильныхъ удѣловъ является единая Русская земля, стряхиваетъ иго, выростаетъ въ недѣлимое царство, покоряетъ прежнихъ поработителей, раздвигается во всѣ стороны, и предъ изумленнымъ міромъ встаетъ великая, грозная въ своей правдѣ и святая въ своихъ стремленіяхъ Россія.

Это дѣло — было дѣло Москвы, истинной собирательницы земли Русской.

Выработка же новаго строя началась въ княжествѣ Владиміро - Суздальскомъ, послужившемъ переходною ступенью отъ Кіева къ Москвѣ.

Внукъ Мономаха, сынъ безпокойнаго Юрія Долгорукаго, который въ жаждѣ кіевскаго престола наполнилъ междоусобіемъ всю Русскую землю, Андрей Боголюбскій былъ однимъ изъ самыхъ дальнозоркихъ лицъ во всей Русской исторіи и прозванъ современниками за умъ вторымъ Соломономъ.

Оставивъ мысль о кіевскомъ престолѣ, онъ удалился въ наслѣдственную Суздальскую область, гдѣ народъ не мѣнялъ князей, служилъ имъ усердно и сражался за нихъ мужественно. Тутъ онъ положилъ начало великому княженію суздальскому или владимірскому.

Онъ старался не вмѣшиваться въ бурную вражду князей, заботясь о процвѣтаніи своего удѣла. Имѣя не только доброе сердце, но и превосходный разумъ, онъ видѣлъ ясно причину государственныхъ бѣдъ и желалъ спасти отъ нихъ хотя свою область: онъ уничтожилъ порядокъ удѣловъ, княжилъ единовластно, не давая городовъ ни братьямъ ни дѣтямъ.

Глубоко набожный, онъ старался освятить свое княжество святынями.

Онъ принесъ изъ Кіева знаменитую икону Богоматери,

Владимірская икона.

написанную св. евангелистомъ Лукой. На берегу Клязьмы, не доѣзжая Владиміра, кони, везшіе икону, остановились и не могли сдвинуться съ мѣста. Здѣсь Андрей построилъ каменный храмъ и поставилъ на время икону, мѣсто же

назвалъ Боголюбово, такъ какъ Богоматерь возлюбила его. Во Владимірѣ онъ воздвигъ великолѣпный соборъ, перенесъ въ него икону и богато украсилъ ее. Для украшенія собора были выписаны изъ разныхъ земель художники. Его драгоцѣнные сосуды, золотыя двери, паникадила, серебряный амвонъ, живопись, богатые оклады иконъ удивляли русскихъ и иностранцевъ. Имѣя къ иконѣ теплую вѣру, онъ всегда бралъ ее съ собой въ походы. Въ 1164 г. онъ молился предъ нею, готовясь къ битвѣ съ камскими болгарами. Разбивъ ихъ и молясь съ благодарностью предъ иконой и животворящимъ крестомъ, онъ увидѣлъ возсіявшій отъ нихъ свѣтъ, который озарилъ все войско. Въ тотъ же день императоръ греческій Мануилъ видѣлъ свѣтъ отъ креста Господня и разбилъ сарацынъ. Въ память этого двойного событія установленъ 1 августа праздникъ всемилостивому Спасу *).

Св. Андрей надѣялся испросить у царьградскаго патріарха отдѣльнаго митрополита для сѣверной Россіи, съ тѣмъ, чтобы каѳедра его была во Владимірѣ.

Пышно процвѣтало при немъ въ его области православіе. Открыты въ Ростовѣ мощи святителей Леонтія и Исаакія, и всѣ эти святыни также способствовали возвышенію сѣвера.

Лѣтописецъ съ теплотой говоритъ о душевной красотѣ Андрея Боголюбскаго.

„Сей благовѣрный и христолюбивый князь съ юныхъ лѣтъ возлюбилъ Христа и Его Пречистую Матерь, очистилъ умъ свой какъ свѣтлую палату и украсилъ душу всѣми добрыми нравами. Много создалъ онъ церквей и монастырей. Не омрачилъ онъ ума своего пьянствомъ: былъ кормителемъ чернецамъ и черницамъ и для всѣхъ людей любвеобильнымъ отцомъ. Особенно же любилъ подавать милостыню: каждый день приказывалъ возить по городу различную пищу и питье и раздавать больнымъ и нищимъ, и, видя всякаго нищаго, подавалъ ему и говорилъ себѣ: „Не Христосъ ли это пришелъ испытать меня?“ По ночамъ входилъ

*) Икона Владимірская, перенесенная въ московскій Успенскій соборъ, представляетъ величайшую государственную святыню, многократно спасавшую Русскую землю (см. «Повѣсть о томъ, какъ чудомъ Божіимъ строилась Русская земля», *Е. Поселянина*).

Древній Успенскій соборъ во Владимірѣ.

онъ въ церковь, самъ зажигалъ свѣчи и, повергаясь предъ иконами, со смиреннымъ сердцемъ молилъ о прощеніи грѣховъ и плакалъ о нихъ".

Великій князь Андрей, — какъ говорятъ лѣтописцы, — былъ женатъ на дочери боярина Кучки.

Этотъ состоятельный человѣкъ, владѣлецъ селенія Москвы, былъ казненъ отцомъ Андрея, Юріемъ Долгорукимъ, а дочь его выдана за Андрея. Онъ осыпалъ милостями ея братьевъ, но долженъ былъ казнить одного изъ нихъ за злодѣяніе. Другой возненавидѣлъ за это Андрея и подстрекалъ противъ него бояръ, внушая имъ, что ихъ ждетъ та же участь. Это было тѣмъ легче, что строгость Андрея, твердаго и искоренявшаго злоупотребленія бояръ, развела много недовольныхъ.

Нѣкоторые изъ заговорщиковъ были довѣренныя, близкія къ князю лица.

Въ глубокую ночь, съ 29 на 30 іюня 1175 г., они пришли ко дворцу въ Боголюбовѣ, для смѣлости напившись въ княжескомъ погребѣ вина и меду, зарѣзали сторожей, вломились въ сѣни и горницы и стали звать Андрея. При князѣ находился одинъ изъ его отроковъ. Злодѣи отбили дверь ложницы. Андрей хотѣлъ взяться за свой мечъ, принадлежавшій нѣкогда святому Борису, но не нашелъ его, такъ какъ его вытащилъ заранѣе изъ-подъ изголовья измѣнившій князю ключникъ.

Два человѣка бросились на князя. Сильнымъ ударомъ онъ сшибъ перваго съ ногъ, и товарищи въ темнотѣ умертвили его вмѣсто князя. Долго боролся Андрей. Израненный мечами и саблями, онъ говорилъ: „За что проливаете кровь мою? Рука Всевышняго казнитъ убійцъ и неблагодарныхъ". Наконецъ, онъ упалъ на землю. Въ замѣшательствѣ злодѣи схватили тѣло товарища и спѣшили выйти вонъ. Андрей въ безпамятствѣ вскочилъ и побѣжалъ за ними съ громкими стонами. Убійцы воротились, зажгли свѣчу и по слѣду крови Андреевой дошли въ сѣняхъ до столба лѣстницы, за которою сидѣлъ князь. Одинъ изъ нихъ отрубилъ князю правую руку; другіе вонзили мечи въ сердце. Андрей успѣлъ сказать: „Господи, въ руцѣ Твои предаю духъ мой!" и скончался.

Убивъ еще любимца княжескаго, заговорщики овладѣли казной государственною и драгоцѣнностями и послали во Владиміръ объявить боярамъ и дружинѣ о смерти великаго князя, называя ихъ своими единомышленниками.

— Нѣтъ, — отвѣчали владимірцы, — мы не были и не будемъ участниками вашего дѣла.

Но жители Боголюбова взяли сторону убійцъ и разграбили дворецъ.

Убіеніе кн. Андрея Боголюбскаго.

Тѣло Андрея лежало на огородѣ. Преданный слуга убіеннаго стоялъ надъ нимъ и плакалъ. Увидя ключника, онъ требовалъ ковра, чтобъ покрыть обнаженный трупъ. Ключникъ отвѣтилъ:

— Мы готовимъ его на съѣденіе псамъ.

— Извергъ, — сказалъ вѣрный слуга: — государь взялъ тебя въ рубищѣ, а теперь ты ходишь въ бархатѣ, оставляя мертваго благодѣтеля безъ покрова.

Ключникъ бросилъ тогда ему коверъ и мантію. Слуга отнесъ тѣло въ церковь, гдѣ клиросные долго не хотѣли

отперѣть дверей. Отпѣли его на третій день, а еще чрезъ шесть дней владимірскій игуменъ привезъ тѣло во Владиміръ и положилъ въ Златоверхомъ соборѣ Богоматери.

Мощи князя почиваютъ открыто въ серебряной ракѣ, въ посвященномъ его памяти придѣлѣ сооруженнаго имъ собора. „Видомъ, — какъ говоритъ лѣтопись, — князь Андрей былъ невысокъ ростомъ, не широкъ въ плечахъ, красивъ лицомъ, съ волосами черными и кудрявыми, съ высокимъ челомъ и большими свѣтлыми очами".

Онъ умеръ за то стремленіе къ единовластію, необходимость котораго онъ такъ ясно сознавалъ и осуществилъ. Но мысль, до которой онъ додумался, продолжала жить. Оставляя Руси будущаго эту великую и животворную мысль, онъ оставилъ ей и свою завѣтную святыню, икону Владимірскую, ставшую прибѣжищемъ, оплотомъ и завѣтною святыней Русской земли.

Приведемъ слова знаменитаго историка М. П. Погодина.

„Если вы будете во Владимірѣ, ступайте въ Кремль поклониться древнему зданію зодчества въ русскомъ царствѣ (храму святой Богородицы Золотоверхой, — созданіе князя Андрея Юрьевича Боголюбскаго). На правой сторонѣ отъ сѣверныхъ дверей стоитъ серебряная гробница, и недалеко отъ нея виситъ древній шитый образъ во весь ростъ усопшаго. Помолитесь ему и поклонитесь мощамъ благовѣрнаго князя Андрея. Это былъ самый смышленый князь своего времени, который умѣлъ захватить въ свои руки власть почти надъ всею своею братіей, котораго слушались равно и Кіевъ, и Новгородъ, и Ростовъ, и Суздаль, и Владиміръ, князья смоленскіе, полоцкіе, волынскіе и прочіе. Но не тѣмъ онъ заслужилъ особенную память въ лѣтописяхъ отечества, а вотъ чѣмъ: онъ обратилъ средоточіе русской государственной тяжести въ нашу сторону, онъ вывелъ на поприще исторіи другое племя, великорусское, самое младшее изъ всѣхъ племенъ славянскихъ, и — второй Рюрикъ *) — положилъ основаніе другому княжеству, которое приметъ въ одинъ изъ меньшихъ городовъ своихъ **), заложенный отцомъ его, всѣ прочіе и заключитъ въ себѣ судьбы отечества".

*) Рюрикъ — первый русскій князь, съ призванія коего начинается счисленіе русской исторіи (862 г.).

**) Москву.

Имя Боголюбскаго звучитъ еще въ наименованіи иконы, на которой святой князь изображенъ въ колѣнопреклоненной молитвѣ предъ Богоматерью.

За девять дней до убіенія св. Андрея (20 іюня) скончался 20-лѣтній сынъ его, благочестивый, чистый душой и тѣломъ князь Глѣбъ.

Мощи его были открыты въ 1702 г., чрезъ пять слишкомъ вѣковъ по его преставленіи. Онѣ прославлены чудесами и отличаются особою жизненностью: рука князя свободно поднимается, гнется, наклоняется, какъ у живого. Рака стоитъ въ придѣлѣ того же Владимірскаго собора, ему посвященнаго.

Въ томъ же соборѣ почиваетъ благовѣрный князь Изяславъ, другой сынъ св. Андрея Боголюбскаго. На гробовой его плитѣ лежатъ ратный шлемъ и стрѣлы и даруютъ исцѣленіе вѣрующимъ. Богомольцы надѣваютъ на себя шлемъ и держатъ въ рукахъ стрѣлы.

Андрей Боголюбскій.

IX.

Св. Мстиславъ Храбрый.

Теплымъ отраднымъ свѣтомъ сіяетъ жизнь князей, которые въ эти грустныя времена раздѣленія и распрей, подготовившихъ паденіе Руси, сіяли великодушіемъ и правдой.

Внукъ св. Мстислава Великаго, сынъ св. Ростислава, Мстиславъ Ростиславичъ еще въ молодости заслужилъ прозваніе Храбраго столько же по отвагѣ въ битвахъ, сколько по благородству души, какое его отличало. Какъ пишутъ современники, съ юности онъ привыкъ не бояться никого, кромѣ единаго Бога, и всю жизнь вступался за правыхъ противъ виноватыхъ и за слабыхъ противъ сильныхъ.

Когда Андрей Боголюбскій предоставилъ Кіевъ, уже какъ простой удѣлъ, князю, имѣвшему на него менѣе правъ, чѣмъ братья Мстислава, Мстиславъ вступился за ихъ права. На угрозы Андрея онъ отвѣчалъ:

— Не страшимся. Исполни ихъ. Идемъ на судъ Божій.

Собравъ громадную рать, свыше 50 тысячъ воиновъ и болѣе 20 князей, Андрей осадилъ Вышгородъ, гдѣ заперся съ малочисленною дружиной Мстиславъ.

Необозримый станъ осаждающихъ представлялъ невиданное зрѣлище. Ничтожная крѣпость, обороняемая горстью людей, казалась цѣлью, недостойною этого ополченія, которое могло бы разрушить или завоевать сильную державу. Но среди князей осаждающихъ не было согласія. Девять недѣль прошло въ битвахъ, съ большими потерями съ обѣихъ сторонъ.

Когда ко Мстиславу направился неожиданный союзникъ, это незначительное для силы рати Андреевой обстоятельство

произвело среди нея такой переполохъ, что она обратилась безумно въ бѣгство и ночью толпами кидалась въ рѣку. Мстиславъ стоялъ на стѣнѣ Вышгорода и при свѣтѣ зари видѣлъ это непонятное бѣгство многочисленнаго войска, гонимаго какъ бы сверхъестественною силой въ глубину Днѣпра. Онъ едва могъ вѣрить этому зрѣлищу и, поднявъ руки къ небу, восхвалилъ святыхъ заступниковъ Вышгорода, Бориса и Глѣба, сѣлъ на коня и довершилъ пораженіе, взявъ непріятельскій станъ и обозы. Плѣнныхъ же отпустилъ на волю безъ выкупа.

Посадивъ въ Кіевѣ брата своего Романа, онъ отдалъ ему и Смоленскъ, а себѣ не искалъ никакого удѣла: онъ былъ вездѣ, куда звала его правда и слава.

Новгородцы присылали звать его къ себѣ на княженіе, но онъ колебался, говоря, что не хочетъ разстаться съ добрыми братьями и своею отчиной — Смоленскомъ.

— А великій Новгородъ развѣ не твоя отчина?— сказали ему новгородцы.—Иди, князь, поклонись св. Софіи, послужи ей вѣрой и правдой, какъ служили дѣдъ твой и прадѣдъ.

И Мстиславъ пошелъ, потому что добрая душа его всегда рвалась на дѣла великія.

Весь Новгородъ: народъ, бояре, духовенство съ крестами, съ ликованіемъ вышли ему навстрѣчу. Возведенный на престолъ въ Софійской церкви, Мстиславъ далъ слово блюсти честь и пользу Новгорода и сдержалъ это слово.

Узнавъ, что эстонцы осадили Псковъ и постоянно безпокоятъ границы, онъ въ нѣсколько дней собралъ 20.000 войска и пошелъ на нихъ, радуясь столь многочисленной рати. Но эстонцы немедленно побѣжали. Онъ прошелъ ихъ землю до моря, взялъ множество скота и плѣнниковъ и готовился къ другимъ предпріятіямъ, какъ въ цвѣтѣ мужества, силъ и надеждъ былъ сраженъ смертельнымъ недугомъ.

Онъ велѣлъ нести себя въ церковь, причастился послѣ литургіи святыхъ Тайнъ и смежилъ очи предъ дружиной, въ объятіяхъ супруги, поручая дѣтей своимъ братьямъ; и успокоились крестообразно его мощныя руки на широкой груди, вѣрно оборонявшей Новгородъ. Онъ отошелъ 14 іюня 1180 г. Его мощи почиваютъ открыто въ Софійскомъ-Новгородскомъ соборѣ.

Лѣтописцы описываютъ его мужественную красоту, свѣтлый и смѣлый взглядъ голубыхъ очей, исполинскій ростъ, необыкновенную силу—внѣшнюю прекрасную оболочку великой души.

Удача въ побѣдахъ соединялась въ немъ съ младенческимъ добродушіемъ. Новгородъ и вся Русь неутѣшно оплакивали во Мстиславѣ благородныя намѣренія для славы Руси, дѣтское незлобіе и простоту, соединенную съ пылкою гордостью благороднаго сердца, ненависть ко лжи, смиреніе предъ старшими, милосердіе ко всѣмъ несчастнымъ, обездоленнымъ, страждущимъ, гонимымъ, на защиту которыхъ стремилось неудержимо его золотое сердце, одушевленіе горячей вѣры, безпредѣльное усердіе къ Богу и Церкви. Современники называли его украшеніемъ его вѣка и Россіи.

Другіе воевали для корысти, а онъ для правды и славы: презирая опасности, еще болѣе презиралъ онъ золото, и всегда отдавалъ его воинамъ и Церкви. Въ битвахъ ободрялъ людей словами:

— За насъ Богъ и правда; умремъ нынѣ или завтра: умремъ же съ честью.

„Не было такой земли на Руси, — говоритъ лѣтописецъ, — которая не хотѣла бы повиноваться ему, и гдѣ бы о немъ не плакали“.

Одна изъ самыхъ отрадныхъ личностей русской исторіи, Мстиславъ соединилъ въ себѣ всѣ лучшія свойства людей кіевскаго времени русскаго государства. Казалось, предъ тѣмъ, чтобъ уступить мѣсто новымъ временамъ и людямъ иного склада, какихъ требовали иныя обстоятельства жизни, напряженіемъ всѣхъ силъ своихъ кіевская Русь, какъ вѣнецъ свой, выставила это свѣтлое явленіе, сказала имъ послѣднее свое слово.

Не выдающимся государемъ, не дальновиднымъ политикомъ, не мудрымъ преобразователемъ былъ Мстиславъ. Не умомъ поражалъ онъ современниковъ и изумляетъ потомковъ, а дивною правдой горячаго, великаго сердца, что крѣпче и могущественнѣе всего притягиваетъ къ себѣ людей; и вотъ почему біеніе этого золотого безцѣннаго сердца, чистый и цѣльный ликъ этого самоотверженнаго человѣка выдѣляясь особенно ярко на темномъ фонѣ тогдашнихъ распрей и себя-

любивыхъ стремленій, никогда, — пока живетъ и чувствуетъ хоть одинъ русскій человѣкъ, — не будетъ забыть, какъ послѣдній стройный отзвукъ древне-богатырской Руси.

Все то хорошее, что было въ предшествовавшихъ Мстиславу русскихъ поколѣніяхъ, слагаясь изъ задатковъ русской природы, переработанной вліяніемъ вѣры, все это онъ сочеталъ въ себѣ въ удивительномъ согласіи.

Не отыскивая и не прокладая новыхъ путей, онъ всею душой послужилъ той правдѣ, какою научился понимать ее отъ лучшихъ людей своего времени, и, цѣльный въ своемъ постоянномъ воодушевленіи, сумѣлъ всю свою короткую, но полную жизнь провести въ области самыхъ возвышенныхъ и чистыхъ стремленій и подвиговъ.

Кроткимъ, не грустнымъ, не робкимъ и мерцающимъ, но спокойно увѣреннымъ въ себѣ свѣтомъ сіяетъ святой образъ благороднаго русскаго витязя Мстислава на порогѣ къ инымъ ожидавшимъ Россію путямъ и новой труднѣйшей эпохѣ.

X.

Свв. Евфросинія Полоцкая, Евпраксія Псковская, Евфросинія Суздальская, великая княгиня Марія, преп. Харитина, княжна литовская, великая княгиня Өеодосія, св. Өеодоръ Новгородскій.

Пока благовѣрные князья русскіе усерднымъ служеніемъ родинѣ, подвигами молитвы и смиренія среди славы земной достигали святости, — сіяли на Руси праведностью и причислены къ лику святыхъ и жены княжескихъ семей.

Выше было говорено о нѣкоторыхъ святыхъ женахъ рода Владиміра Равноапостольнаго. Вотъ еще имена тѣхъ, которыя принадлежатъ по времени жизни къ кіевской Руси.

Дочь полоцкаго князя Предислава, воспитанная родителями въ страхѣ Божіемъ, съ юныхъ лѣтъ отличалась разумомъ и глубокимъ пониманіемъ книжнаго ученія; и рано созрѣла душа ея, чуждалась она мірской суеты и отвернулась отъ міра, прежде чѣмъ опытомъ вкусила его тщету и горечь. Красота Предиславы привлекала къ ней много жениховъ, но ея сердце уже было всецѣло охвачено любовью Божественною. Она тайно ушла въ монастырь, гдѣ сестра ея отца была игуменьей, и здѣсь, послѣ долгихъ настойчивыхъ просьбъ, приняла постриженіе, съ именемъ Евфросиніи.

Обычная монашеская жизнь не удовлетворяла ея души, жаждавшей суровыхъ подвиговъ. Она испросила позволеніе жить въ пристроенной къ кіевскому Софійскому собору келліи. Тутъ въ полномъ уединеніи предавалась она сосредоточенной молитвѣ, трудилась надъ переписываніемъ книгъ, и ту плату, какую выручала за эту тогда дорого оплачиваемую работу,

раздавала нищимъ. Велика была предъ Богомъ цѣна этой трудовой милостыни. Однажды ей было нѣкотороe видѣніе, и она рѣшилась основать свой монастырь. Отъ епископа она получила для этого мѣсто за городомъ съ находившеюся на немъ Спасскою церковью.

Скоро къ ней стали собираться сестры. Между ними была ея младшая родная сестра, княжна Градислава, въ иночествѣ Евдокія. Ея двоюродная сестра Звенислава тоже отреклась отъ міра и много помогла устройству монастыря, принесши съ собой все имущество, назначенное ей въ приданое. Она наречена въ монашествѣ Евпраксіей.

Св. кн. Евфросинія.

Созидая обитель, св. Евфросинія около 1160 г. вмѣсто деревяннаго храма, бывшаго до основанія монастыря, воздвигла каменный, уцѣлѣвшій до нашего времени. Донынѣ хранитъ онъ признаки древности: живопись на стѣнахъ въ древне-византійскомъ вкусѣ, а на хорахъ двѣ крестообразныя келліи, гдѣ молились преп. Евфросинія и сестра ея. Сохраняется тамъ и драгоцѣнный напрестольный крестъ — даръ основательницы, съ частью животворящаго древа.

Связанная родствомъ съ греческими императорами, преподобная выпросила у нихъ великую святыню — одну изъ иконъ Богоматери, писанную евангелистомъ Лукой, дотолѣ стоявшую въ Ефесѣ. Впослѣдствіи, при выходѣ замужъ полоцкой княжны за благовѣрнаго князя Александа Невскаго, икона эта была принесена невѣстой въ Торопецъ,

гдѣ и пребываетъ нынѣ подъ именемъ Торопецкой или Корсунской.

Заботясь о спасеніи сестеръ своей обители, она часто бесѣдовала съ ними, возбуждая ихъ къ подвижничеству и духовной бодрости. „Я собрала васъ для Бога, — говорила она,—какъ птица собираетъ птенцовъ. Возрастайте же въ добродѣтели отъ силы въ силу, чтобъ я могла радоваться плодамъ трудовъ моихъ. Я стараюсь сѣять въ васъ слово Божіе,—но душевная ваша нива не остается ли въ томъ же видѣ?.. А жатва близка, и лопата отброситъ плевелы отъ пшеницы... Творите же изъ себя спѣлую пшеницу Христову: трудами поста, чистотой, любовью, молитвами измелитесь въ жерновахъ смиренія, да будете Богу, какъ хлѣбъ сладкій..."

Св. Евфросинія памятна еще, какъ одна изъ первыхъ русскихъ паломницъ.

Издавна желая посѣтить Палестину, гдѣ родился и жилъ Спаситель міра, преп. Евфросинія предъ концомъ исполнила это желаніе. Поручивъ монастырь сестрѣ, она съ двоюродною сестрой и братомъ поплыла на Востокъ. Поклонясь святынямъ Греціи, она направилась въ Іерусалимъ. Остановилась она въ русскомъ монастырѣ, нѣсколько разъ была у гроба Господня и поставила надъ нимъ золотую лампаду. Обойдя прочія мѣста, освященныя памятью Спасителя, она возвратилась въ Іерусалимъ, занемогла и 23 мая 1173 г. отошла къ Богу, Котораго съ младенчества искала всѣми силами души. Она была сперва положена въ окрестностяхъ Іерусалима, а впослѣдствіи ея св. мощи перенесены въ кіевскія пещеры, гдѣ и теперь почиваютъ. По мощамъ виденъ величественный ростъ подвижницы.

Супруга великаго князя Всеволода Юрьевича, прозваннаго „Большое гнѣздо", великая княгиня Марія славна была и чадолюбіемъ, какъ мать многочисленной семьи, и мудростью государственною, и благочестіемъ. Она основала во Владимірѣ дѣвичій монастырь, получившій имя ***Княгинина***; тамъ хоронили супругъ и дочерей князей владимірскихъ. Любила украшать храмы золотыми и серебряными сосудами. Не сохранилось о ней подробныхъ свѣдѣній, но лѣтописцы называютъ ее русскою Еленой, Ѳеодорой, второю Оль-

гой. Послѣднія семь лѣтъ жизни она провела въ страданіяхъ отъ тяжкаго недуга и показала примѣръ удивительнаго терпѣнія, часто сравнивая себя съ Іовомъ. Предъ кончиной она призвала сыновей и, точно предчувствуя близкую ги-

Церковь св. Спаса въ монастырѣ св. Евфросиніи.

бель Руси, ослабленной княжескими междоусобіями, заклинала дѣтей жить въ мирѣ, любви и согласіи. Она напомнила при этомъ слова Ярослава Мудраго, что распри княжескія губятъ отечество, возвеличенное трудами предковъ. Она

также совѣтовала дѣтямъ быть набожными, трезвыми, привѣтливыми ко всѣмъ и особенно уважать старцевъ, по изреченію Библіи: „во мнозѣмъ времени премудрость, во мнозѣ житіи вѣдѣніе“. Она приняла постриженіе за 18 дней до кончины и скончалась 19 марта 1206 г. Гробница ея—въ соборѣ основаннаго ею монастыря. Она—мать убитаго въ битвѣ при Сити св. великаго князя Георгія.

Въ Псковѣ, въ Іоанно-Предтеченскомъ монастырѣ, почиваетъ его основательница, память которой почитается псковитянами,—княгиня Софронія (въ иночествѣ Евпраксія). Супругъ ея, сынъ псковскаго князя, Ярополкъ, безпокойно и мятежно провелъ свой вѣкъ; былъ то врагомъ, то союзникомъ нѣмцевъ, постоянныхъ непріятелей Пскова. Онъ, наконецъ, отвергъ свою благочестивую супругу, ушелъ къ рыцарямъ и женился на нѣмкѣ. Княгиня постриглась въ основанномъ ею монастырѣ. Однажды была она вызвана для свиданія съ мужемъ въ Оденпе (Медвѣжья Голова) и здѣсь убита пасынкомъ 8 мая 1243 г.

Чрезъ нѣсколько дней по ея погребеніи въ Псковѣ икона Спаса надъ ея могилой обильно источила миро. Икона и нынѣ находится тамъ. Св. княгиня Евпраксія славилась въ Россіи какъ памятью добродѣтельной и грустной жизни, такъ и чудесами.

Старшая дочь князя Михаила Черниговскаго, который прославился потомъ мученической кончиной въ ордѣ, княжна Ѳеодулія, съ дѣтства благочестивая, не думала о жизни въ міру. Родители ея хотѣли выдать ее замужъ за князя Мину, который жилъ въ Суздалѣ и былъ потомкомъ варяжскаго князя Шимона, много способствовавшаго преп. Антонію и Ѳеодосію Кіево-Печерскимъ въ украшеніи церквей. Не противясь волѣ родителей, покорная княжна въ душѣ тосковала, что этимъ бракомъ она будетъ лишена иночества. Ее везли уже въ Суздаль, какъ женихъ скончался. Принявъ это за указаніе Божіе, она уже не вернулась къ родителямъ. Она доѣхала до Суздаля и приняла здѣсь постригъ въ Ризположенскомъ монастырѣ, съ именемъ Евфросиніи. Всю жизнь провела она здѣсь въ строгомъ подвижничествѣ, была настоятельницей обители и, когда совершилось нашествіе на Русь Батыя, сохранила монастырь своими молитвами отъ

разоренія. Она преставилась 25 сентября 1250 г. Въ 1698 г. ея мощи обрѣтены нетлѣнными и положены въ соборномъ храмѣ ея обители.

Въ двухъ верстахъ отъ Новгорода, въ древней Петропавловской, обращенной въ кладбищенскую, церкви, уцѣлѣвшей изъ бывшаго здѣсь прежде женскаго монастыря, почиваютъ мощи бывшей настоятельницы его преп. Харитины, княжны литовской. Нѣкоторые полагаютъ, что она была невѣстой умершаго передъ самою свадьбой св. князя Θеодора Ярославича.

Внука знаменитаго святого Мстислава Ростиславича Храбраго, дочь праведнаго Мстислава Мстиславича Удалого, великая княгиня Ростислава (въ крещеніи Θеодосія) была супругой великаго князя Ярослава Всеволодовича, перваго великаго князя, занявшаго престолъ уже подъ игомъ татаръ. Вскормивъ большую семью и дѣля съ супругомъ страшное общерусское горе, гибель родныхъ князей, скорбь подневолья, она пережила еще ужасное горе: смерть старшаго, любимаго сына въ цвѣтущей молодости. Покорно приняла она этотъ крестъ, говоря: „Ты, Господи, далъ; Ты и взялъ. Да будетъ благословенно имя Твое“. Въ концѣ жизни постриглась она съ именемъ Евфросиніи и по кончинѣ (4 мая 1244 г.) схоронена близъ сына въ соборной церкви Юрьевскаго новгородскаго монастыря.

Князь Θеодоръ Ярославичъ славился удивительною красотой внѣшнею и возвышенною душой. По волѣ отца, онъ уже долженъ былъ вступить въ бракъ. Уже готова была невѣста, созваны князья и вельможи, какъ вдругъ напала на жениха внезапная болѣзнь и, вмѣсто свадебнаго пира, пришлось положить его въ гробъ (5 іюня 1233 г.). Народъ плакалъ вмѣстѣ съ родителями. Лѣтописецъ въ такихъ словахъ отмѣчаетъ это событіе: „Преставися князь Θеодоръ, сынъ Ярославль вящьшій, и положенъ бысть въ монастыри святого Георгія (Юрьевъ), и еще младъ, и кто не пожалуетъ сего? Сватба пристроена, меды уварены, невѣста приведена, князи позвани, и бысть въ веселія мѣсто плачъ и сѣтованіе за грѣхи наши“.

Когда въ 1614 г. шведы взяли Новгородъ, они вынули гробъ святого князя Θеодора изъ земли и открыли его.

Митрополитъ новгородскій Исидоръ перенесъ гробъ въ Софійскій соборъ. Мощи оказались не только нетлѣнными, но отъ нихъ совершались и многія чудеса. Онѣ почиваютъ открыто въ серебряной ракѣ. Этотъ князь былъ старшій братъ св. Александра Невскаго.

Въ Переяславскомъ (П. Залѣсскомъ) соборѣ почиваютъ нетлѣнныя мощи св. Андрея, князя смоленскаго (XIII вѣка).

XI.

Св. Петръ и Февронія муромскіе. Великій князь Константинъ Всеволодовичъ.

Полна необыкновенныхъ обстоятельствъ была жизнь святыхъ супруговъ князей муромскихъ.

Младшій братъ удѣльнаго князя муромскаго, Давидъ, въ молодыхъ лѣтахъ тяжело заболѣлъ: все его тѣло покрылось струпьями. Въ той странѣ славилась красотой и умомъ дочь пчельника, именемъ Евфросинія. Она вылѣчила его мазью. Князь въ радости далъ обѣщаніе жениться на ней. Но потомъ, какъ прошла первая радость, онъ раздумалъ, находя, что неприлично ему жениться на дѣвушкѣ столь незначительнаго происхожденія. Послѣ такого рѣшенія болѣзнь снова напала на него, и Евфросинія опять излѣчила больного. Тогда Давидъ женился на ней. Пришло время — онъ сталъ послѣ брата наслѣдникомъ престола Муромскаго. Но бояре муромскіе объявили ему: „Твоя жена оскорбляетъ своимъ происхожденіемъ нашихъ бояринь; или отпусти ее, или уходи изъ Мурома“. Хорошо поступилъ тутъ князь—онъ рѣшилъ лучше остаться вѣрнымъ супругѣ, съ которою былъ вѣнчанъ предъ алтаремъ и которая столько сдѣлала для него, чѣмъ безъ нея пользоваться властію, и ушелъ изъ Мурома.

Жертва эта была не легка. Онъ долженъ былъ вести очень скудную жизнь и часто тѣмъ скучалъ. Но его разумная и крѣпко вѣровавшая въ милость Божію княгиня говорила ему: „Не печалься, князь, — Богъ милосердъ и не оставитъ насъ въ бѣдности“. И дѣйствительно, скоро въ Муромѣ пошли неурядицы, и князя Давида просили обратно на княженіе.

Правленіе его было мудрымъ: твердое, но мягкое, милостивое, и не злобное. Во всемъ княгиня помогала ему совѣтами, больше же всего прилежала добрымъ дѣламъ.

Испытавъ униженіе и бѣдность, они не знали ни гордости, ни жадности къ деньгамъ. Зная, что такое нужда, покоили странниковъ, помогали обездоленнымъ, почитали чинъ священническій и иноческій. Въ частномъ быту они жили жизнью чистою, цѣломудренною и постническою. Достигнувъ старости, они единовременно приняли монашество. Князь — съ именемъ Петра, а княгиня — съ именемъ Февроніи. Скончались они на пасхальной недѣлѣ 1228 г. и положены, какъ завѣщали, въ одномъ гробѣ.

Св. князь Петръ муромскій.

Преподобный князь Петръ и преподобная княгиня Февронія, муромскіе чудотворцы, почиваютъ въ муромскомъ соборѣ.

Остановимся на жизни еще одного праведнаго великаго князя Константина Всеволодовича.

Сынъ знаменитаго государственнымъ разумомъ великаго князя Всеволода Юрьевича и праведной Маріи, родной по отцу племянникъ св. Андрея Боголюбскаго, онъ съ раннихъ лѣтъ слышалъ и видѣлъ вокругъ себя примѣры доброй жизни.

Двадцатилѣтнимъ отецъ отправилъ его княжить въ Новгородъ, уже славнаго мудростью, великодушіемъ и добродѣтелями христіанскими. Его такъ любили во Владимірѣ, что отъѣздъ его всѣхъ опечалилъ. Бѣдные въ особенности горевали, что лишаются своего благотворителя. Отпуская его, отецъ вручилъ ему крестъ и мечъ. „Иди править народомъ, — сказалъ онъ, — будь его судьей и защитникомъ. Новгородъ Великій

есть древнѣйшее княженіе въ нашемъ отечествѣ. Богъ, государь и родитель твой даютъ тебѣ старѣйшинство между всѣми князьями русскими. Гряди съ миромъ. Помни славное имя свое и заслужи его дѣлами".

Трогательно выразилась любовь народная при проводахъ Константина. Собрался весь городъ, вельможи, купцы и простые люди. Народныя толпы громко осыпали его благословеніями.

Въ Новгородѣ князь, твердый, несмотря на юность и доброту души, зорко оберегалъ свою власть. Горожане засыпали покойно; мятежные страшились.

Но и въ этой свѣтлой жизни было пятно. Въ годъ смерти отецъ вызвалъ къ себѣ Константина и далъ ему въ удѣлъ Ростовское княжество, а потомъ назначилъ его преемникомъ достоинства великокняжескаго, съ тѣмъ, чтобъ онъ уступилъ Ростовское княжество слѣдовавшему за нимъ брату Георгію. Но сынъ ослушался отца, желая наслѣдовать великое княжество Суздальское въ цѣлости. Раздраженный Всеволодъ въ торжественномъ и многочисленномъ собраніи объявилъ своимъ наслѣдникомъ Георгія, которому онъ и поручилъ великую княгиню и младшихъ сыновей. Всѣ безмолвствовали, какъ ни любили Константина.

Св. княгиня Февронія муромская.

Послѣ распрей и столкновеній Константинъ, съ помощію вступившаго съ нимъ въ союзъ князя Мстислава Мстиславича Удалого (сына св. Мстислава Храбраго), въ страшномъ бою при Липецкѣ, гдѣ пало 10.000 суздальцевладимірцевъ, одержалъ рѣшительную побѣду надъ Георгіемъ и занялъ великокняжескій престолъ.

Но, достигнувъ своей цѣли, Константинъ сталъ дѣйствовать великодушно: призвалъ Георгія къ себѣ, объявилъ его на-

слѣдникомъ великаго княженія и далъ ему Суздаль. Братья искренно примирились.

Чувствуя слабость, Константинъ три года своего великаго княженія заботился больше о небесномъ, чѣмъ о земномъ. Можно предполагать, что память о неповиновеніи отцу, распрѣ съ братомъ, пролитой крови — тягостнымъ бременемъ лежала на его душѣ и сокрушила, изожгла горячимъ раскаяніемъ его великодушную природу. И послѣдніе годы его жизни мы видимъ его въ томъ исключительно высокомъ настроеніи души, какое обѣщали чудные годы его юности. Простимъ же солнцу то, что иногда его заволакиваютъ тучи, и будемъ помнить при ясномъ и величавомъ закатѣ о безоблачномъ восходѣ и радостномъ полуднѣ.

Великій князь Константинъ покоилъ несчастныхъ, раздавалъ милостыню, строилъ церкви, съ восторгомъ встрѣчалъ святыни, которыя ему привозили изъ Греціи. Незадолго до кончины онъ отправилъ въ Ростовъ старшаго сына, именемъ Василькó, оставившаго по себѣ въ русской лѣтописи столь же сочувственный отзывъ, какъ отецъ; другого, Всеволода — въ Ярославль; приказалъ имъ жить согласно, благотворить сиротамъ, вдовамъ и духовенству, чтить Георгія какъ второго отца. Онъ преставился на 33 году, 2 февраля 1219 г. И плакали по немъ бояре, слуги, нищіе и монахи. Супруга его немедленно постриглась надъ его гробомъ и черезъ два года отошла въ вѣчность.

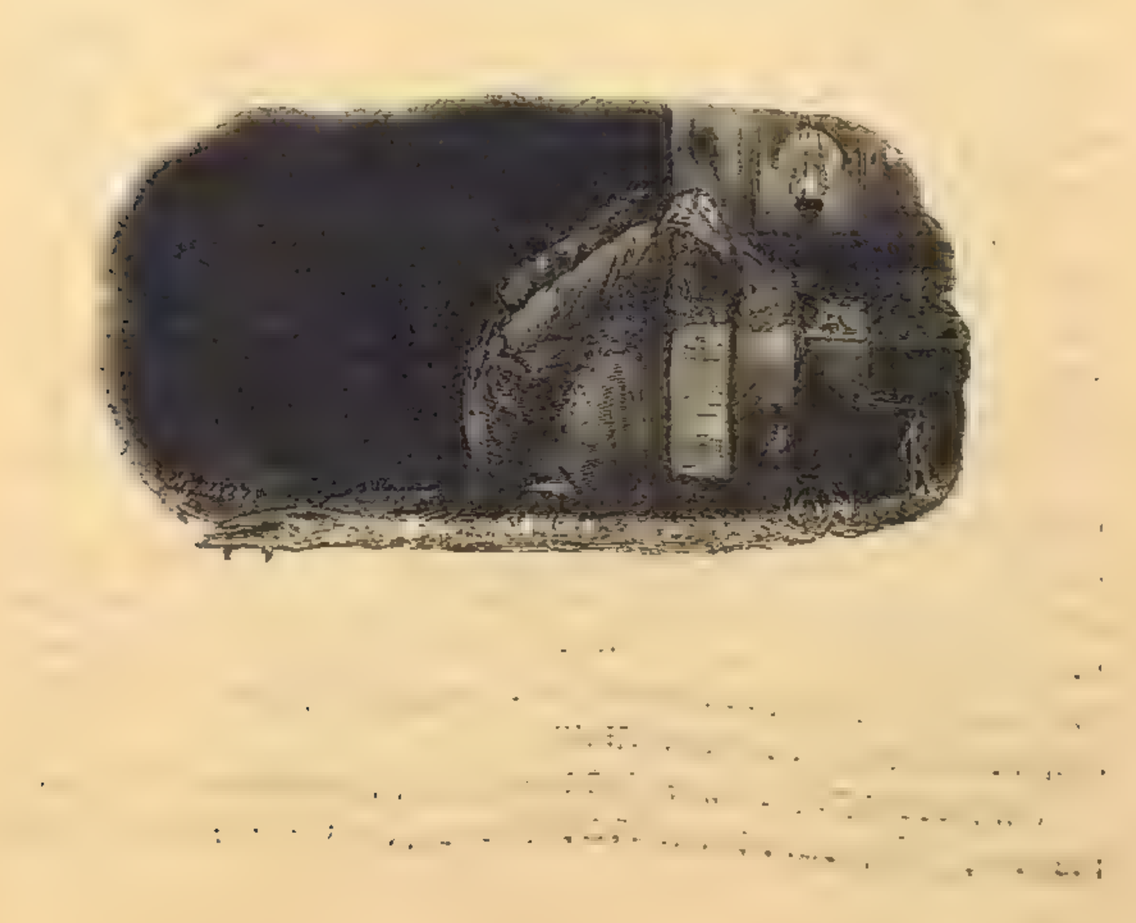
Восхваляя мудрость и добродѣтель этого князя, лѣтописецъ говоритъ, что онъ не только читалъ многія душеспасительныя книги, но и исполнялъ ихъ на дѣлѣ. Онъ весь дышалъ вѣрой; а кротость его была такъ велика, что онъ старался не опечалить ни одного человѣка, а словомъ и дѣломъ утѣшить всякаго.

Вещественнымъ памятникомъ по себѣ онъ оставилъ начатый имъ и достроенный его сыномъ, святымъ Василькóмъ ростовскимъ, великолѣпный храмъ Успенія Богоматери. Онъ славенъ былъ и просвѣщеніемъ. Когда вся Европа коснѣла въ невѣжествѣ, у Константина были писцы, которые списывали для него множество рукописей, и онъ всѣ ихъ съ любовію читалъ.

Праведный великій князь Константинъ Всеволодовичъ погребенъ во Владимірскомъ соборѣ, въ придѣлѣ св. князя Глѣба Андреевича.

Великое милосердіе Божіе къ погрѣшившему, но великодушному князю не допустило его видѣть гибель Руси, ослабленной княжескими распрями. Онъ былъ отозванъ туда, гдѣ нѣтъ борьбы, предъ тѣмъ самымъ временемъ, какъ страшная гроза неслышно надвигалась на Русь.

Онъ умиралъ великимъ княземъ отечества вольнолюбиваго и еще свободнаго. И когда ему въ день Срѣтенія Господня отверзлось небо, и онъ лицомъ къ лицу воспѣлъ пѣснь Срѣтенія, пѣснь освобожденія отъ земли со всею ея горечью, въ числѣ пережитыхъ имъ страданій онъ не могъ назвать ужаснѣйшаго, потому что былъ смертью избавленъ отъ него. Онъ не успѣлъ узнать тогда, какъ узнала вся оставшаяся жить и вскорѣ за нимъ преставившаяся мученическая рать его князей-собратій, величайшаго и неисцѣлимаго земного горя: крушенія отечества.

XII.

Приближеніе татарскаго ига.

Мы доселѣ слышали лишь о распряхъ междоусобныхъ, которыя терзали Русь, и набѣгахъ другихъ племенъ. Но эти набѣги не оставляли неизгладимыхъ послѣдствій.

Теперь надо приступить къ описанію громаднаго бѣдствія, которое изпурило государство, наложило страшную печать безпросвѣтнаго страданія на многія поколѣнія и оставило надолго неизгладимые слѣды въ народѣ.

То было татарское иго.

Въ первой четверти тринадцатаго вѣка повелитель монголовъ, или татаръ, завоевалъ большую часть Азіи.

Около 1223 г. дикія татарскія орды стали окружать Половецкія степи. Тогда множество половцевъ, ища спасенія, бѣжали въ Кіевъ и принесли вѣсть о нашествіи невѣдомаго грознаго и опаснаго врага.

Въ Кіевѣ собрался совѣтъ нѣсколькихъ князей, на которомъ рѣшили, что лучше итти прямо на врага и стараться одолѣть его внѣ предѣловъ Русской земли, чѣмъ ждать его вторженія. Особенно настаивалъ на этомъ князь галицкій Мстиславъ Удалой.

Къ русской рати, стоявшей у Днѣпра, явились послы отъ татаръ, объясняя, что они не злоумышляютъ на русскую землю, а желаютъ только раздѣлаться съ половцами; предлагали даже помочь имъ въ этомъ и воспользоваться добычей. Князья вмѣсто всякаго отвѣта велѣли убить пословъ. Тогда новые послы объявили, что желаніе русскихъ сбудется: они потягаются съ монголами.

Съ любопытствомъ встрѣтившись съ невиданнымъ доселѣ врагомъ, Мстиславъ одолѣлъ передовой его отрядъ. Затѣмъ

на берегу рѣки Калки (въ нынѣшней Екатеринославской губерніи), 31 мая 1223 г., произошла великая битва.

Желая одинъ предвосхитить побѣду, Мстиславъ Удалой вступилъ въ битву, не извѣстивъ отдаленныя части русскаго стана. Русскіе бились съ мужествомъ чрезвычайнымъ. Но половцы не выдержали удара монголовъ, смѣшались и побѣжали, чѣмъ и разстроили совершенно русскіе ряды, которые тогда не могли устоять: не могла удержать татаръ и застигнутая врасплохъ отдаленная часть русскаго стана. Все обратилось въ бѣгство. Среди множества убитыхъ было 6 князей, 70 богатырей. Лѣтописецъ говоритъ, что русская земля отъ начала своего не видала такого бѣдствія. Мощное, бодрое ополченіе было скошено съ земли. О его размѣрахъ и количествѣ нашей потери можно понять уже изъ того, что одинхъ кіевлянъ легло на мѣстѣ 10 тысячъ. Вообще, спаслась едва десятая часть рати.

Между тѣмъ, у береговъ Калки князь Мстиславъ кіевскій отбивался еще на укрѣпленной горѣ. Послѣ трехдневной битвы съ нимъ татары предложили ему—выпустить его свободно, если онъ дастъ выкупъ за себя и дружину. Но онъ былъ обманутъ: его, еще двухъ князей и всѣхъ русскихъ, бывшихъ съ ними, изрубили, на ихъ трупы настлали доски и стали пировать.

Такъ закончилось это грозное событіе — послѣднее предупрежденіе Русской землѣ предъ великимъ бѣдствіемъ.

Вся южная Россія въ трепетѣ молилась Богу — и внезапно татары повернули къ востоку и пошли въ Великую Бухарію.

Еще дымились въ развалинахъ опустошенныя татарами селенія, отцы, матери оплакивали убитыхъ; а легкомысленный народъ и князья уже успокоились, и вскорѣ опять начались междоусобныя распри послѣ общей радости сѣверныхъ князей, что не на нихъ пало нашествіе.

Между тѣмъ, необыкновенныя явленія въ природѣ точно предвѣщали страшныя событія. Явилась комета,—звѣзда необыкновенной величины,—и цѣлую недѣлю въ сумерки показывалась на западѣ, озаряя небо блестящимъ лучомъ. Сдѣлалась лѣтомъ необыкновенная засуха; загорѣлись лѣса и болота, густыя облака дыма скрывали свѣтъ солнца, воздухъ

былъ полонъ удушливой мглы, и птицы падали на землю мертвыя. Это все было въ годъ битвы на рѣкѣ Калкѣ.

Въ 1230 году по всей Россіи случилось 3 мая землетрясеніе, такъ что каменныя церкви разсѣдались. Въ Кіевѣ, въ минуту этого землетрясенія праздновали день преп. Θеодосія, и въ лаврѣ князь, бояре и митрополитъ собирались сѣсть за трапезу, какъ зданіе поколебалось въ своемъ основаніи, и сверху стали падать на полъ кирпичи. Черезъ десять дней произошло необыкновенное затменіе солнца, и въ небѣ, гонимыя рѣзкимъ вѣтромъ, появились разноцвѣтныя облака. Народъ ждалъ конца міра, на улицахъ стенали и прощались другъ съ другомъ.

Въ томъ же году морозъ побилъ въ сѣверной Россіи всѣ озими, и насталъ страшный голодъ, болѣзни и моръ.

Ѣли трупы человѣческіе; нѣкоторые убивали людей, чтобы добыть себѣ ужасную пищу; люди потеряли всѣ хорошія чувства. Въ одномъ Смоленскѣ умерло до 30 тысячъ, въ Новгородѣ—до 42. На площадяхъ псы пожирали неубранные трупы и живыхъ младенцевъ. Лѣтописецъ приводитъ ужасное слово: „Новгородъ уже кончался".

Но иноземные купцы подвезли хлѣбъ и, не заботясь о корысти, помогли въ бѣдствіи.

Всѣ эти ужасы были какъ бы предзнаменованіемъ крушенія Руси.

Мы приблизились теперь къ той грозѣ, которая постепенно, при глухихъ и далекихъ раскатахъ грома, при видныхъ вдалекѣ зловѣщихъ молніяхъ, надвигалась на русскую землю.

Взысканный безсчетными милостями Бога, поселенный въ странѣ, богатой дарами природы, получивъ въ удѣлъ силу тѣлесную, удивительный разумъ, быстрыя способности, душу глубокую, благородныя стремленія, просвѣщенный, наконецъ, благодатнымъ свѣтомъ вѣры, русскій народъ не сумѣлъ достойно пользоваться всѣмъ этимъ.

Не думая о томъ, что задача правителя—мирнымъ и тихимъ житіемъ покоить народъ и въ этой тишинѣ вести его къ спасенію вѣчному, князья раздирали Русь междоусобіями, а народъ, не видя благихъ примѣровъ, своевольствовалъ и мятежничалъ. Провидѣніе могло предоставить

народъ его грустной участи — постепенному самоистребленію, или исправить его жестокою карой. И вотъ, зная сокровен-

ныя силы русскаго народа, Провидѣніе испытываетъ его грознымъ вѣковымъ наказаніемъ — предаетъ его во власть

чуждаго народа. Здѣсь, въ этомъ плѣну, въ страшное время, выясняется вся любовь этого народа къ Богу, вѣрность Его Церкви. Все хорошее, что было затоптано раньше проявленіемъ взаимной вражды, теперь является въ чудномъ свѣтѣ, въ особенности въ лицѣ вождей народа — его князей.

Когда вожди стараго времени, старыхъ порядковъ полегли на поляхъ битвъ и въ сожженныхъ городахъ: тогда во главѣ кончавшейся кіевской Руси выступили новые дѣятели, понесшіе на своихъ плечахъ расплату за грѣхи отцовъ. Какъ тѣ въ себялюбивыхъ стремленіяхъ терзали Русь, такъ эти, забывая себя, жертвами своихъ силъ и жизни — покоили ее, израненую, изстрадавшуюся, больную, безнадежно унылую, отхаживая ее, какъ мать отхаживаетъ любимое дѣтище. И здѣсь совершилось одно изъ величайшихъ историческихъ чудесъ: на святыхъ жертвахъ этихъ подвигоположниковъ русскаго государственнаго величія — изъ жалкой татарской данницы выросла недѣлимая Россія, изъ трупа кіевской раздробленной Руси послѣ ига воскресла съ задатками безсмертія недробимая, крѣпкая, неудержимо, какъ половодье могучей рѣки, рвущаяся къ развитію московская Русь.

XIII.

Нашествіе Батыя. Мученики: князья Романъ, Олегъ, Θеодоръ, Евпраксія, Іоаннъ рязанскіе; Владиміръ, Всеволодъ, Мстиславъ, Агаθія, Марія, Христина, Θеодора владимірскіе. Св. великій князь Георгій Всеволодовичъ, св. Василій Константиновичъ ростовскій, Василій козельскій.

По смерти Чингисхана, орда котораго произвела избіеніе русскихъ у Калки, ему наслѣдовалъ сынъ его Октай. Октай далъ своему племяннику Батыю полмилліона войска и велѣлъ ему итти на покореніе сѣверныхъ береговъ Каспійскаго моря и дальнѣйшихъ странъ.

Едва достигла, въ 1237 г., области Рязанской вѣсть о нашествіи Батыя на закамскихъ болгаръ, какъ сквозь густые лѣса монголы вступили въ Рязанскую область.

На берегу рѣки Воронежа татарскіе послы встрѣтили рязанскихъ князей, желавшихъ узнать ихъ намѣренія. Теперь татары не искали уже, какъ прежде, въ русскихъ друзей, а требовали отъ князей одну десятую часть достоянія ихъ. Отвѣтъ князей былъ: „Когда изъ насъ никто въ живыхъ не останется — берите все“.

Послы поѣхали далѣе, во Владиміръ, къ Георгію, который думалъ управиться одинъ съ врагами и, несмотря на просьбы рязанскихъ князей, оставилъ ихъ безъ помощи.

Князь Юрій Рязанскій, оставшись безъ помощи, послалъ къ Батыю сына своего Θеодора, жена котораго изъ царскаго (вѣроятно, византійскаго) рода славилась красотой. Θеодоръ жилъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь городъ Зарайскъ и гдѣ онъ воздвигъ храмъ святителя Николая для его чудо-

творной иконы, принесенной въ землю Рязанскую въ 1224 г. Предъ тѣмъ князь Θеодоръ видѣлъ во снѣ святителя Николая, который сказалъ ему, что невидимо сопутствуетъ своей иконѣ, приближающейся къ его удѣлу, и обѣщалъ испросить царство небесное ему, его женѣ и сыну. Между тѣмъ, Θеодоръ тогда еще не былъ женатъ.

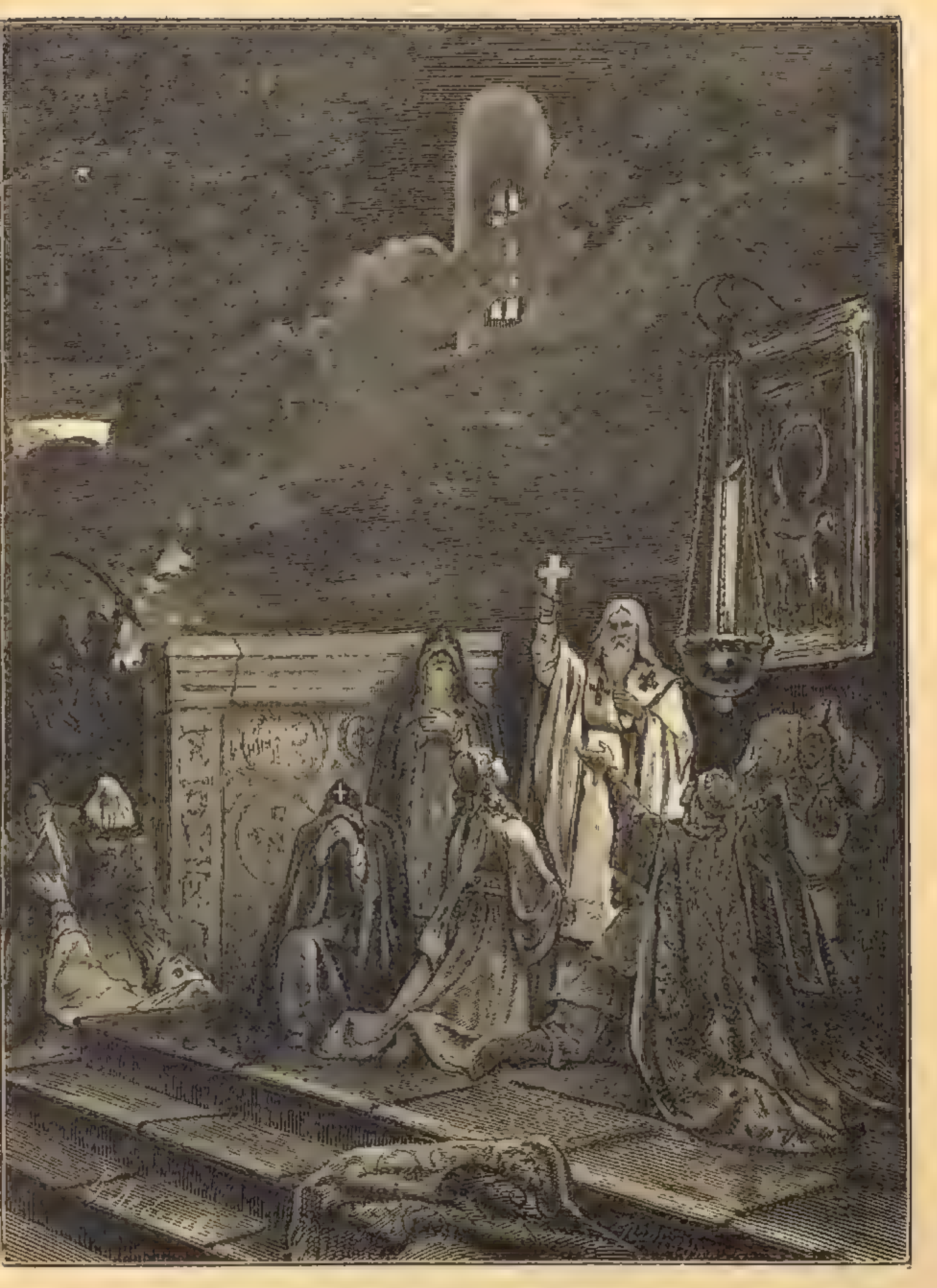
Когда Θеодоръ прибылъ съ дарами къ Батыю, Батый изъявилъ желаніе видѣть его жену. Князь отвѣчалъ, что христіане не показываютъ женъ нечестивымъ язычникамъ. Батый велѣлъ умертвить его. Княгиня Евпраксія, супруга его, получивъ извѣстіе о гибели любимаго мужа, въ безпамятствѣ ринулась съ высоты терема на землю съ младенцемъ на рукахъ, и оба разбились до смерти, почему это мѣсто и названо *Заразомъ*, или убоемъ. На трехъ могилахъ были поставлены каменные кресты.

Отецъ Θеодора, князь Юрій съ малочисленнымъ войскомъ отважился на битву въ полѣ, и здѣсь легли всѣ витязи рязанскіе и князья. Только одного князя — Олега Ингваревича Краснаго привели къ Батыю. Пораженный мужествомъ и красотой его, Батый предлагалъ ему дружбу свою, если онъ перемѣнитъ вѣру. Олегъ съ презрѣніемъ отвергъ это предложеніе, и Батый приказалъ распять его по частямъ.

Затѣмъ Батый двинулся на Рязань, обложилъ ее и оградилъ тыномъ. Кровь лилась пять дней; воины Батыя перемѣнялись, а граждане стояли все тѣ же, не выпуская оружія изъ рукъ.

Наконецъ, зажгли городъ, татары ворвались, неся съ собою смерть. Варвары распинали плѣнниковъ или, связавъ ихъ, стрѣляли въ нихъ, какъ въ цѣль. Оскорбляли женщинъ и дѣвицъ на глазахъ умирающихъ мужей и отцовъ, жгли священниковъ или закалывали ихъ у алтарей. Весь городъ обратился въ пепелъ. Послѣ нѣсколькихъ дней убійства все стихло: *некому было стенать и плакать*.

Вскорѣ возвратился въ Рязань изъ Чернигова князь Ингварь. Вмѣсто Рязанской области предъ нимъ было неизмѣримое кладбище. Гдѣ цвѣли города и селенія, тамъ остались кучи пепла и труповъ, терзаемыхъ хищными звѣрями и птицами. Занесенные снѣгомъ, на мерзломъ ковылѣ убитые князья и воеводы. Изрѣдка изъ лѣсовъ прокрады-

Сожженіе татарами собора во Владимірѣ.

вались рѣдкіе люди, съ ужасомъ глядя на страшную пустыню.

Въ древнихъ рукописныхъ святцахъ помѣщены въ числѣ святыхъ князья рязанскіе: Романъ Олеговичъ, Олегъ Красный и Ѳеодоръ Юрьевичъ съ супругой Евпраксіей и младенцемъ Іоанномъ.

Изъ Рязани Батый пошелъ дальше, разгромилъ Коломну, сжегъ Москву, гдѣ взялъ въ плѣнъ сына великаго князя, Владиміра. Георгій содрогнулся, видя великую опасность Руси, и, поручивъ Владиміръ двумъ сыновьямъ съ племянниками, дѣтьми великаго князя Константина, пошелъ въ область Ярославскую, сталъ тамъ на берегахъ рѣки Сити, впадающей въ Мологу, и началъ собирать войско.

Второго февраля татары подступили къ Владиміру. Народъ съ ужасомъ смотрѣлъ на ихъ неисчислимую силу. Татары, подъѣхавъ къ воротамъ, спрашивали, гдѣ великій князь. Въ отвѣтъ имъ пустили стрѣлы.

— Не стрѣляйте,—кричали они, и русскіе увидѣли предъ собой неузнаннаго ими отъ происшедшаго въ немъ страшнаго измѣненія князя Владиміра.

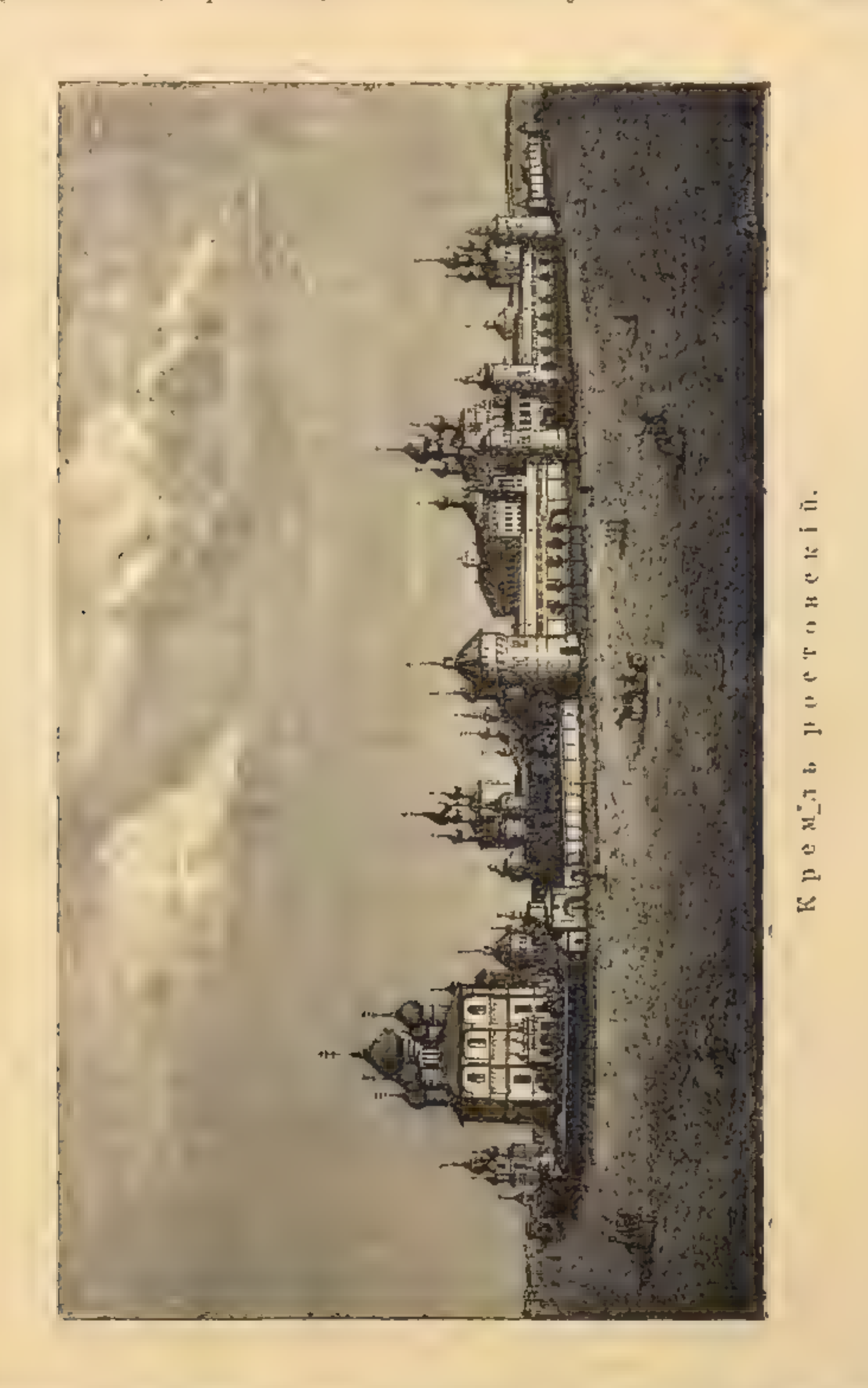
Отправивъ отрядъ на Суздаль, гдѣ были истреблены всѣ жители, 6 февраля Батый открылъ приступъ на городъ. Хотя можно было еще спасти жизнь цѣной рабства, князья и бояре предпочли смерть.

Настали торжественные часы. Княгиня, супруга Георгія и вся семья его, бояре, высшія лица собрались въ храмъ Богоматери, гдѣ епископъ облачилъ ихъ въ схиму. Въ великой тишинѣ совершался священный обрядъ. Прощаясь между собой, съ надеждой скораго соединенія въ спокойной вѣчности, разставаясь съ жизнью и родиной, одною ногой въ гробу, эти люди молились о томъ, чтобы Господь воздвигъ когда-нибудь погибавшую русскую землю, чтобы не сгинули навѣкъ ея имя и ея слава. То было зрѣлище невыразимаго величія и невыразимой скорби: эти люди, обрекшіе себя на смерть.

Седьмого февраля, послѣ заутрени начался приступъ. Татары съ нѣсколькихъ сторонъ вломились въ городъ. Великая княгиня Агафія съ дочерью, снохами и внучатами, множество бояръ и народа затворились въ соборѣ. Непріятель зажегъ его. Тогда епископъ произнесъ громко и внятно:

— Господи, простри невидимую руку Твою и пріими души рабъ Твоихъ, — и благословилъ всѣхъ на смерть.

Клубы дыма, проникнувъ въ окна, душили находившихся

Кремль ростовскій.

въ храмѣ. Наконецъ, татары отбили двери и ворвались во внутрь собора. Семья великаго князя съ хоръ, куда ходъ былъ заложенъ и куда изверги не могли проникнуть, видѣла

гибель находившихся въ соборѣ. Наконецъ, дымъ, поднявшись на хоры, задушилъ всѣхъ.

Въ древле-русскихъ святцахъ помѣщены между святыми: святитель Митрофанъ, князья — Владиміръ, Всеволодъ и Мстиславъ Георгіевичи, мать ихъ, великая княгиня Агаѳія, со снохами Маріей и Христиной и дочерью, княжной Ѳеодорой.

Когда до великаго князя дошла ужасная вѣсть, — онъ, хотя и проливалъ горькія слезы, принялъ вѣсть со смиреніемъ и молилъ Бога даровать ему терпѣніе Іова.

Изъ Владиміра, разоряя по дорогѣ города, татары дошли до рати, собранной Георгіемъ у береговъ Сити. Тутъ произошла битва. Долго и мужественно бились русскіе. Но, наконецъ, обратили тылъ. Георгій и его племянникъ, Всеволодъ Константиновичъ ярославскій, пали въ битвѣ. Другой его племянникъ Василько Константиновичъ ростовскій былъ взятъ въ плѣнъ.

Изнуренный жестокимъ боемъ, невыразимою скорбью и голодомъ, князь не хотѣлъ принять пищи изъ рукъ враговъ.

Любуясь его величественнымъ видомъ, зная на опытѣ мужество и силу его, татары говорили ему:

— Будь нашимъ другомъ и воюй подъ знаменами великаго Батыя.

— Лютые кровопійцы,—отвѣчалъ онъ, — враги моего отечества и Христа не могутъ мнѣ быть друзьями. Темное царство не разлучитъ меня съ моимъ Христомъ. Любя насъ и даруя намъ жизнь вѣчную, онъ предалъ насъ въ ваши скверныя руки. Есть Богъ, и ты погибнешь, когда исполнится мѣра твоихъ злодѣяній.

Татары отъ ярости скрежетали зубами. А мученикъ молился о судьбѣ Россіи и православной Церкви и о двухъ своихъ юныхъ сыновьяхъ, Борисѣ и Глѣбѣ. „Господи, — говорилъ онъ, — Ты знаешь тайны сердца моего, знаешь всю нечистоту мою. Очисти мя отъ грѣховъ моихъ“. Онъ славилъ Бога за то, что въ юныхъ лѣтахъ умираетъ мученикомъ, и что память о немъ не будетъ безславною. Татары умертвили его въ Шеренскомъ лѣсу (между Кашинымъ и Калязинымъ) и бросили тутъ его трупъ.

Тѣло святого Василія Константиновича было перевезено въ Ростовъ. Княгиня, дочь Михаила черниговскаго, епископъ и народъ встрѣтили его со слезами и положили его въ княжеской усыпальницѣ подъ сводами алтаря ростовскаго соборнаго храма.

Лѣтописецъ съ восторгомъ говоритъ о этомъ князѣ и описываетъ его такъ: „Онъ былъ красавецъ лицомъ, съ очами свѣтлыми и грозными, былъ храбръ, добръ сердцемъ, ласковъ съ боярами. Кто изъ бояръ служилъ ему, кто ѣлъ хлѣбъ его и пилъ изъ его чаши: тотъ не могъ забыть его и быть слугою другого князя. Въ немъ мужество соединено

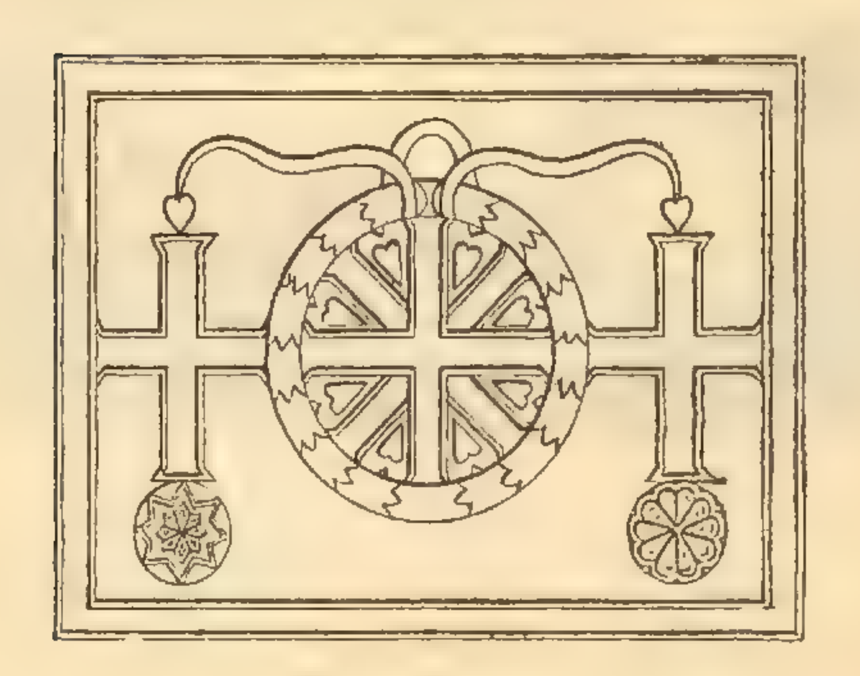
Развалины Кіева.

было съ умомъ и правдивость со знаніемъ. Онъ былъ во всемъ свѣдущъ и на все способенъ. Это былъ отецъ и кормитель сиротъ, великое утѣшеніе печальнымъ“.

Епископъ ростовскій Кириллъ посѣтилъ мѣсто битвы при Сити и въ числѣ павшихъ отыскалъ по одеждѣ обезглавленное тѣло великаго князя, и съ великою честью привезъ его въ Ростовъ, гдѣ и схоронилъ. Глава святого Георгія отыскана послѣ и положена въ гробъ. На второмъ году послѣ этихъ событій его тѣло перенесено было во Владиміръ, и тогда увидѣли великое чудо: глава прильнула къ мощамъ, такъ что не осталось и слѣда отсѣченія. Св. мощи почиваютъ открыто во Владимірскомъ соборѣ.

Батый шелъ дальше, къ Новгороду. Головы жителей падали на землю, какъ трава скошенная. Не доходя ста верстъ до Новгорода, татары повернули назадъ и пошли къ Козельску (нынѣшней Калужской губерніи). Семь недѣль не могли они взять этого города, наконецъ, овладѣли имъ и перерѣзали всѣхъ. Малолѣтній князь козельскій Василій пропалъ безъ вѣсти. Говорили, что онъ *утонулъ въ крови.*

Въ 1240 г., послѣ страшнаго сопротивленія, татары взяли Кіевъ и почти смели его съ лица земли.

XIV.

Подвиги князей русскихъ во время ига. Св. Василій и Константинъ ярославскіе. Подвигъ мученичества св. князя Михаила Черниговскаго, внукъ его св. Олегъ брянскій. Кончина вел. князя Ярослава Всеволодовича.

Совершилась кара Божія. Иго монгольское пало на русскую землю.

Тяжелые дни начались для тѣхъ, кто уцѣлѣлъ.

Страшнымъ воспоминаніемъ стояли призраки убитыхъ, сожженныхъ, замученныхъ князей, бояръ, избіеннаго населенія. Непокрытыя бѣлѣли на равнинахъ кости сраженныхъ русскихъ бойцовъ. Города стояли испепеленные въ развалинахъ. Все скопленное раньше трудами поколѣній: довольство, образованіе, бодрость,— исчезло. За сердце хватаетъ перезвонъ колоколовъ, зовущихъ на молитву. Припадаетъ народъ къ землѣ, чтобъ подслушать, не придетъ ли откуда вѣсть облегченія. А вѣтеръ несетъ все старую вѣсть: русская земля стонетъ.

Тяжело, безпросвѣтно... Вотъ въ какихъ обстоятельствахъ пришлось дѣйствовать русскимъ князьямъ времени татарскаго ига.

Несокрушимая сила духа, безконечная бездна вѣры нужны были, чтобъ спокойно и твердо дѣлать свое возрождающее дѣло. И князья вѣровали. Какъ ни ужасно было положеніе народа порабощеннаго, стоявшаго безъ защиты и друзей, напитаннаго горючими слезами, въ эти страшные годы князья не утратили вѣры въ Русь, какъ избранницу Божію.

Пусть вздымаются волны и хлещутъ, и почти потопили корабль... Живо еще русское имя. Ему, скорбному племени, поручено Христомъ дивное сокровище: чистота и цѣлость Христова ученія. И если выше всѣхъ земныхъ благъ онъ поставитъ это сокровище и изберетъ свой путь по евангельской хартіи — Богъ будетъ вѣренъ.

И этою вѣрой изъ слезъ, крови и невыразимыхъ бѣдствій татарской данницы выросла неодолимая русская сила.

Но сколько благородныхъ усилій, невидныхъ жертвъ самолюбія, законной гордости принесено было для блага народа князьями времени ига. Неодолимые витязи, какъ Александръ Невскій, смиряются предъ ханами, отмаливая землю, и истекаетъ незримою мученической кровью богатырское сердце. Не выразить словами всей святости государственнаго подвига лучшихъ русскихъ князей того времени, и только у престола Божія оцѣнены въ праведной мѣрѣ ихъ дѣла и зачтены дорогой искупительной жертвой за грѣхи прошлыхъ поколѣній. Не щадя себя, они полагали свою душу за народъ и, въ цвѣтѣ лѣтъ, какъ Александръ Невскій, Дмитрій Донской, отходили къ Богу съ молитвою цѣлить и врачевать ту Русь, всѣхъ ранъ которой при жизни не могли заживить никакими усиліями. А намъ, пожинающимъ теперь плоды ихъ святого страданія, должно въ душевномъ волненіи чтить память этихъ великихъ родныхъ людей.

Какъ страданія тогдашнихъ поколѣній, такъ великая сила вѣры и надежды на конечное Божье милосердіе, позволявшая существовать русскимъ людямъ, прекрасно выражены въ стихотвореніи поэта Майкова „Упраздненный монастырь“, представляющемъ также вѣрную картину того, чѣмъ былъ монастырь для средневѣковаго общества.

...Я живо вижу, какъ сюда
Пришелъ спасаться мужъ святой,
Въ тѣ времена еще, когда
Кругомъ шумѣлъ здѣсь боръ густой.

И, вѣковымъ объята сномъ,
Вся эта дикая страна

Казалась людямъ — волшебствомъ
И чародѣйствами полна...

И келью самъ въ горѣ изсѣкъ,
И жилъ пустыннымъ житіемъ
Въ той кельѣ Божій человѣкъ,
На козни бѣса глухъ и нѣмъ.

И что свѣча въ ночи горитъ,
Онъ въ этомъ мракѣ просіялъ,
Училъ народъ, устроилъ скитъ,
И утѣшалъ и просвѣщалъ...

И вотъ — вкругъ валятся лѣса!
И монастырь здѣсь возстаетъ...
Надъ гробомъ старца чудеса
Пошли твориться... и растетъ

За храмомъ храмъ, встаетъ стѣна,
Встаетъ гостиницъ длинный рядъ:
И въ погреба течетъ казна,
И всюду трудъ и всюду ладъ!

Идутъ обозы вдоль горы;
Хлопочетъ келарь, казначей...
Варятъ меды, творятъ пиры,
Всечасно братья ждетъ гостей...

А эти гости — то князья,
Въ орду идущіе съ казной...
То ихъ княгини, ихъ семья,
Въ разлукѣ плачущія злой...

И черный людъ, безвѣстный людъ,
Со всей Руси идетъ, бредетъ...
Въ грѣхахъ всѣ каяться идутъ —
Да страшный гнѣвъ Свой Богъ уйметъ...

Идутъ съ пожарищъ, съ поля битвъ,
Ища исхода хоть слезамъ —
Подъ чтенье сладостныхъ молитвъ,
Подъ пѣнье ангельское тамъ...

И въ темныхъ маленькихъ церквахъ
Душистый воскъ горитъ, какъ жаръ.
Предъ образами въ жемчугахъ —
Сердецъ скорбящихъ чистый даръ...

И чуть звонятъ, народъ—во храмъ,
Вопитъ, какъ жаждущій въ степи:
„Когда жъ, Господь, конецъ бѣдамъ!“
И клиръ въ отвѣтъ ему: „Терпи!“

Терпи! — и вытерпѣла ты,
Святая Русь, что посылалъ
Тебѣ Господь—всѣ тяготы
Насильствъ и казней и опалъ...

Тяжелый млатъ ковалъ тебя
Въ одинъ народъ, ковалъ вѣка;
Но вѣришь ты, что Богъ любя
Тебя каралъ,—и тѣмъ крѣпка!

Въ 1243 г. Батый назначилъ въ русскіе города своихъ надзирателей—баскаковъ и приказалъ князьямъ явиться къ нему съ изъявленіемъ покорности. Первымъ долженъ былъ отправиться къ нему великій князь Ярославъ Всеволодовичъ, братъ и преемникъ Георгія. Его примѣру послѣдовали и другіе князья.

Мало-по-малу князья начали устраиваться въ своихъ удѣлахъ, стали оживать города и селенія въ безлюдной, обращенной въ развалины пустынѣ.

Между прочимъ, въ Ярославлѣ стали княжить сыновья погибшаго при Сити Всеволода Ярославича, святые князья Василій и Константинъ.

Старшій изъ нихъ, Василій, собралъ разсѣянный народъ и заботился о вдовахъ и сиротахъ ратныхъ людей, павшихъ съ отцомъ его на берегахъ Сити. Онъ окончилъ жизнь въ 1249 г., оставилъ одну дочь, Марію, которая, принося съ собою Ярославское княжество, вышла замужъ за святого князя Ѳеодора Чермнаго, ярославскаго и смоленскаго.

Другой братъ, св. Константинъ, убитъ въ 1257 г. близъ Ярославля въ битвѣ съ шайками татарскихъ грабителей. Гора, гдѣ онъ убитъ, нынѣ зовется Туговою, какъ мѣсто туги, т.-е. горести народа.

Оба святые брата погребены въ соборной церкви г. Ярославля. Мощи ихъ обрѣтены въ 1501 г.

Князья должны были возобновлять храмы, изъ которыхъ многіе представляли изъ себя груды камней. Священная утварь, иконы и книги сдѣлались добычей татаръ. Но вели-

чайшимъ благодѣяніемъ было то, что татары не воздвигли явнаго гоненія на Церковь, какъ было въ первые вѣка христіанства при римскихъ императорахъ.

Они имѣли обычай чтить всякую вѣру и уважать всякихъ жрецовъ. Ханы выдавали русскимъ святителямъ ярлыки, въ которыхъ, подъ страхомъ смертной казни, запрещалось хулить русскую вѣру. Хотя иногда князья и платились смертью за отказъ исполнить языческій обрядъ: народъ безпрепятственно соблюдалъ свою вѣру, и эта вѣра, съ покаянными чувствами и смиреннымъ несеніемъ скорбей государственныхъ, сохранила Русь.

Св. князь Михаилъ Черниговскій.

Въ первые годы ига принялъ въ ордѣ мученическую кончину св. князь Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій.

Собираясь, по требованію Батыя въ орду, онъ принялъ благословеніе у духовника своего, епископа Іоанна, и тотъ сказалъ ему:

— Многіе князья ѣздили въ орду и, прельстясь славою міра сего, ходили сквозь огонь, вкушали оскверненную пищу. Но ты, князь, не подражай имъ.

Онъ отвѣчалъ:

— Я желаю пролить кровь мою за Христа и за вѣру чистую.

То же сказалъ сопровождавшій своего князя вѣрный бояринъ Ѳеодоръ. Епископъ отпустилъ ихъ съ молитвою, далъ имъ на случай часа смертнаго запасные Св. Дары.

Когда Михаилъ прибылъ въ орду съ юнымъ внукомъ Борисомъ Ростовскимъ *) и бояриномъ Ѳеодоромъ, Батый приказалъ исполнить надъ Михаиломъ

*) Сынъ св. мученика-князя Василька Ростовскаго, женатаго на дочери св. Михаила.

всѣ языческіе обряды, и жрецы потребовали, чтобы князь и бояринъ прошли сквозь огонь.

Михаилъ отказался. Раздраженный Батый предложилъ ему выбрать между поклоненіемъ богамъ и смертью.

— Я готовъ поклониться царю, — отвѣчалъ Михаилъ; — ему вручилъ Богъ судьбу царствъ земныхъ. Но я христіанинъ и не могу поклониться, чему кланяются жрецы.

Княжичъ Борисъ со слезами умолялъ дѣда поберечь жизнь. Бояре Ростовскіе вызывались принять на себя и на весь народъ епитимію за князя. Но Михаилъ, котораго поддерживалъ бояринъ Ѳеодоръ, не слушалъ ихъ. Онъ сбросилъ съ плечъ знакъ земного, преходящаго сана, шубу княжескую и сказалъ:

— Не погублю души моей. Прочь слава міра сего тлѣннаго. Не хочу ея!

Вельможи Батыя пошли съ этимъ отвѣтомъ къ хану, а исповѣдникъ вѣры съ бояриномъ своимъ стали пѣть псалмы и потомъ причастились бывшими съ ними Св. Дарами. Еще стали уговаривать ихъ татары.

— Не слушаемъ васъ, не хотимъ славы міра сего!—воскликнули мученики.

Подъѣхали убійцы. Соскочивъ съ коней, палачи растянули Михаила за руки и за ноги по землѣ, стали бить кулаками и палками по груди, затѣмъ, повернувъ лицомъ къ землѣ,— ногами. Наконецъ, одинъ русскій измѣнникъ отрѣзалъ князю голову ножомъ. Его послѣднее слово было: „Христіанинъ есмь!“

Послѣ него замученъ былъ св. Ѳеодоръ. День страданія ихъ — 20 сентября 1246 года. Тѣла были брошены въ пищу псамъ, но остались невредимы. Надъ св. мощами, въ прославленіе святыхъ, явилось знаменіе — стоялъ столпъ свѣтлый, горѣли огоньки и слышалось небесное пѣніе. Тѣла мучениковъ были принесены въ Черниговъ, откуда въ 1572 г., при переходѣ Чернигова къ полякамъ, перенесены въ Москву. Съ 1774 года св. мощи покоятся въ Архангельскомъ московскомъ соборѣ.

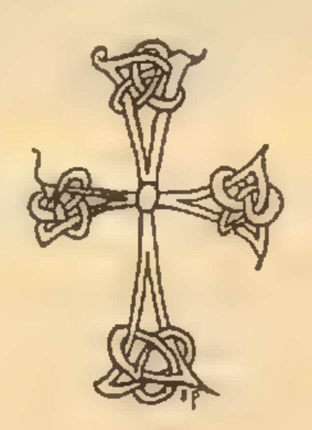
Вскорѣ по кончинѣ, святый князь съ бояриномъ Ѳеодоромъ явился въ сіяніи жившей въ Суздалѣ дочери своей, святой Евфросиніи, и возвѣстилъ, что они оба стяжали вѣчное блаженство.

Потомство святого князя, донынѣ многочисленными княжескими родами *) процвѣтающее на Руси, пользовалось видимымъ благословеніемъ Божіимъ.

Изъ пяти сыновей св. Михаила особенно въ благочестіи подражалъ отцу Романъ Брянскій. Сынъ его Олегъ Романовичъ уступилъ княжество Черниговское брату, а самъ удалился отъ міра. Онъ принялъ постриженіе съ именемъ Василія, построилъ у Брянска Петропавловскій монастырь и послѣ строгихъ подвиговъ скончался въ концѣ XIII вѣка. Память преподобнаго князя Олега Брянскаго 20 сентября.

Преемникъ и братъ св. великихъ князей Константина и Георгія, первый понесшій санъ князя плѣненной страны, великій князь Ярославъ Всеволодовичъ отличался твердостью, дѣятельнымъ умомъ, бодростью въ несчастіи. Въ послѣдній годъ жизни онъ былъ вызванъ въ Орду, гдѣ успѣлъ оправдаться во взведенныхъ на него какихъ-то обвиненіяхъ. Мать хана предъ отъѣздомъ предложила Ярославу изъ собственныхъ рукъ пищу, заранѣе отравленную. Выѣхавъ изъ Орды, великій князь сталъ слабѣть и на седьмой день окончилъ жизнь. На тѣлѣ умершаго ясно были видны послѣдствія отравы—пятна. Тѣло его привезено во Владиміръ. Въ одной древней русской книгѣ разсказъ о Ярославѣ заключается словами: „Причте его Богъ ко избранному своему стаду".

Въ рукописныхъ святцахъ онъ включенъ въ число святыхъ.

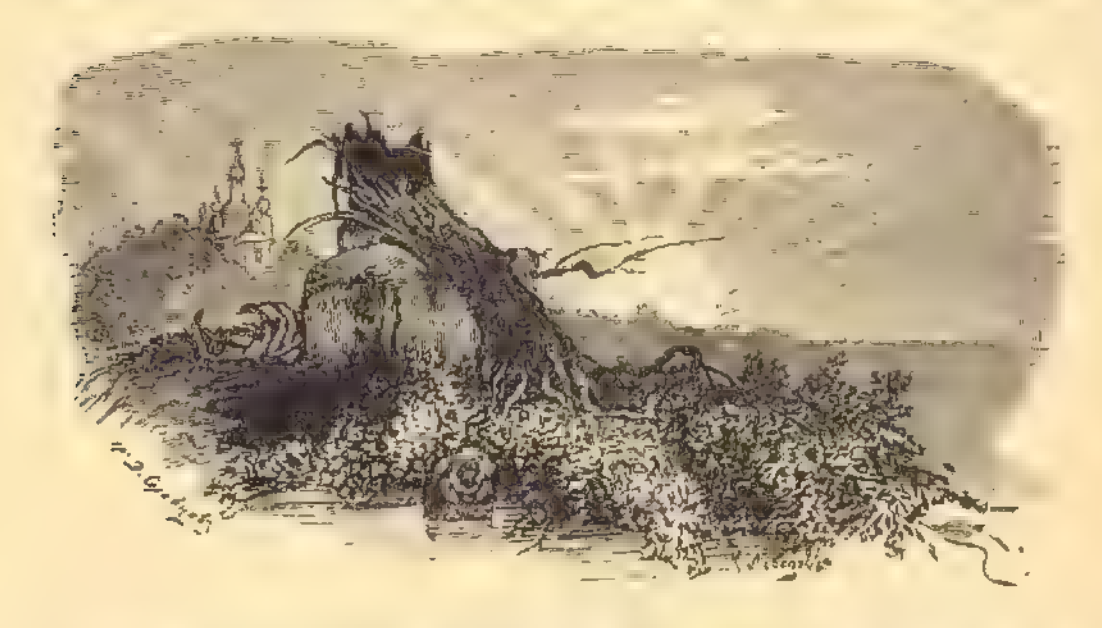

*) Барятинскіе, Волконскіе, Горчаковы, Долгорукіе, Елецкіе, Звенигородскіе, Кольцовы-Мосальскіе, Оболенскіе, Одоевскіе, Щербатовы.

XV.

Святый благовѣрный великій князь Александръ Ярославичъ Невскій.

Прошумѣла гроза, утихла буря, замолкли грозные раскаты грома, занялась на небѣ заря, и надъ мѣстностью, опустошенной стихійнымъ раздоромъ природы, медленно выплываетъ ясное солнце... И свѣтитъ оно на долины, залитыя водой, свѣтитъ

на размытыя пашни, на поваленныя вѣтромъ строенія, льетъ тепло на деревья со сломанными вѣтвями, на погибшую жатву и всѣ бѣдствія, принесенныя бурею людямъ... И свѣтитъ, свѣтитъ солнце, подымаясь все выше и выше. Все жарче лучи его грѣютъ землю, и подъ ихъ тепломъ воды впитываются въ почву, просыхаютъ дороги, прибитая трава выпрямляется, свернувшіеся листья развертываются, зеленѣя еще веселѣе, чѣмъ прежде, и люди бодро принимаются за работу, и исчезаютъ одинъ за другимъ слѣды отжитаго

бѣдствія... А солнце все свѣтитъ, все свѣтитъ и грѣетъ и озаряетъ сочувственно и радостно жизнь людскую.

Таково же воздѣйствіе тѣхъ людей, которые появляются послѣ великихъ историческихъ несчастій и, какъ ясное солнце, грѣютъ обездоленный народъ, поддерживаютъ въ немъ силы для лучшаго будущаго и, умирая, оставляютъ за собою безцѣнную и плодотворную работу нравственнаго солнца.

Такимъ лучезарнымъ свѣтиломъ взошелъ надъ русской землей въ бѣдственнѣйшіе дни благовѣрный святой великій князь Александръ Ярославичъ Невскій.

Великій князь Александръ былъ сыномъ великаго князя Ярослава Всеволодовича и родился въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ, гдѣ въ то время его отецъ былъ удѣльнымъ княземъ, 30 мая 1219 г.

Какъ видно изъ дѣятельности св. Александра, онъ чуднымъ сочетаніемъ соединилъ въ себѣ лучшія качества своихъ предковъ съ отцовской и материнской стороны.

Со стороны отца онъ является потомкомъ того колѣна Владиміра Мономаха, котораго яркимъ представителемъ былъ св. Андрей Боголюбскій. Отличительныя семейныя черты съ этой стороны: мудрая расчетливость, послѣдовательность, умѣніе пользоваться обстоятельствами и стремленіе къ неуклонному собиранію земли вокругъ одного престола. Князь-хозяинъ, князь-строитель, съ оттѣнкомъ непреклонной суровости, — таковъ характеръ отца Александра, Ярослава, и дѣдовъ его — родного Всеволода и двоюроднаго Андрея Боголюбскаго.

Со стороны матери, родной внукъ св. Мстислава Храбраго, — Александръ унаслѣдовалъ черты витязя кіевскаго времени: беззавѣтное мужество, трогательное мягкосердечіе, высокое довѣріе къ людямъ, безконечное состраданіе ко всему страдающему, голубиную кротость при орлиномъ полетѣ, не знающее удержу стремленіе къ славѣ родной земли.

И сочетаніе этихъ рѣдко въ одномъ человѣкѣ уживающихся качествъ составило явленіе чрезвычайное, необыкновенное, которое произвело сильнѣйшее благотворное впечатлѣніе на современниковъ и оказало счастливое вліяніе на ходъ русской исторіи.

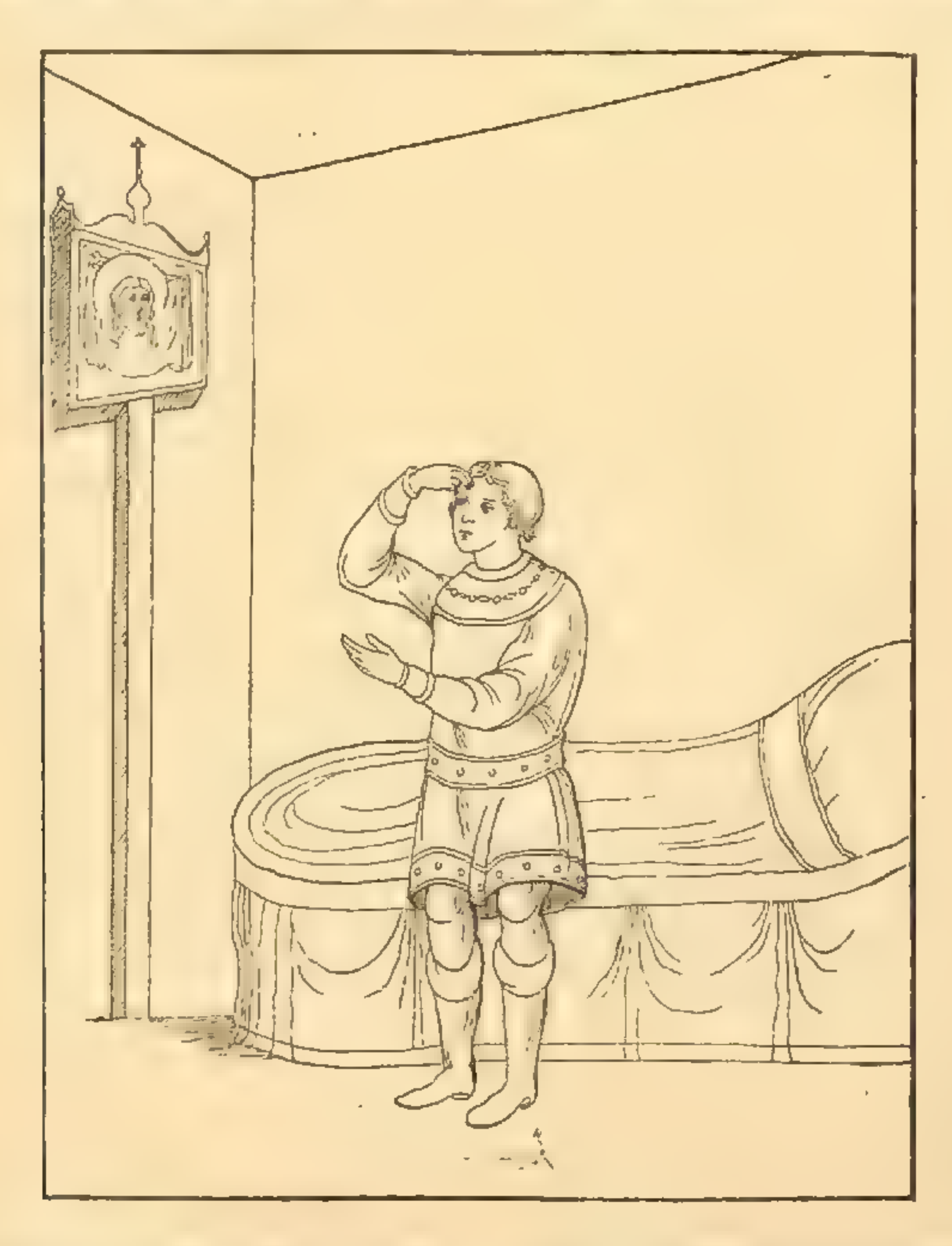
Въ томъ яснѣе всего и видна направляющая Русь рука Божія, что въ нужныя времена Богъ посылаетъ своихъ избранниковъ, точно созданныхъ по обстоятельствамъ и требованію времени. Таковъ былъ и Александръ — то грозный и побѣдоносный вождь русскихъ противъ сѣверныхъ недруговъ нѣмцевъ, то смиряющій свою богатырскую душу и отмаливающій Русь отъ гнѣва ханскаго. И какъ ни высоки воинскіе подвиги во славу отечества: еще выше смирить и унизить себя для блага родины.

Св. Александръ выросъ среди благочестивой семьи; и среди самыхъ первыхъ, на всю жизнь остающихся впечатлѣній, главными были впечатлѣнія святой вѣры. Какимъ искреннимъ благочестіемъ былъ онъ окруженъ съ дѣтства, видно изъ того, что мать его считалась современниками святою; дѣдъ по матери, Мстиславъ Удалой, и восходящіе предки — Мстиславъ Храбрый, Ростиславъ и Мстиславъ Великій—окружены сіяніемъ святости; дяди со стороны отца— Константинъ и Георгій—также; старшій братъ Ѳеодоръ—святой. И вотъ въ этомъ незамѣнимомъ для развитія ребенка благодатномъ воздухѣ, среди такихъ преданій подрасталъ Александръ.

Не сохранилось подробностей объ его воспитаніи, но несомнѣнно, что князь Александръ росъ серіознымъ, вдумчивымъ отрокомъ. Избѣгая пустыхъ забавъ, онъ любилъ чтеніе священныхъ книгъ и пѣніе церковныхъ пѣснопѣній. Отъ первыхъ до послѣднихъ лѣтъ своей жизни онъ велъ себя воздержно, обуздывая тѣло постомъ и суровыми трудами:

охотою, ѣздою, стрѣльбою. Все это закалило его и развило его природную богатырскую силу.

Набожность Александра уже съ этихъ поръ выражалась тѣмъ, что онъ любилъ часто ходить въ храмъ и по ночамъ

наединѣ долго-долго молиться предъ иконами Спасителя и Божіей Матери.

О чемъ такъ жарко, лишая себя ночного покоя, молился онъ, кому съ колыбели были даны всѣ земныя блага? Или были у него желанія, которыхъ некому было разсказать,

кромѣ какъ Богу, или уже и въ тѣ годы несъ онъ на себѣ такое великое горе, которое онъ долженъ былъ изливать въ горячей молитвѣ, чтобъ оно не сушило душу?

Вспомнимъ, что князю Александру было 14 лѣтъ во время нашествія Батыя, что до того онъ зналъ о первомъ столкновеніи съ татарами, и что на его чуткую душу тяжело ложились эти ужасныя событія. И если вдумаемся, что долженъ былъ переживать богато одаренный, впечатлительный мальчикъ, назначенный рожденіемъ на дѣло правленія, что онъ переживалъ при плѣненіи родины,—намъ станетъ тогда ясенъ этотъ самоотверженный образъ. Въ школѣ грустной, но великой—бѣдствій своего народа — сложилась нравственная личность Александра, и несчастія Руси опредѣлили направленія его жизни: отдать ей всѣ силы души, всякое біеніе сердца, всѣ помышленія. Выступая служить родной землѣ, онъ долженъ былъ быть готовъ не щадить за нее своей жизни. И не разомъ, не на плахѣ подъ топоромъ татарскихъ палачей, не въ грозной сѣчѣ битвы пришлось сложить ему молодецкую голову. Скорбь по родной землѣ высосала каплю за каплей кровь изъ его сердца; силу за силой положилъ онъ на труды для родного народа, пока не пала на него предсмертная слабость; до глубокаго дна испилъ онъ полную чашу униженій за родную Русь и тогда, сокрушенный невзгодьемъ, но не побѣжденный богатырь прилегъ и заснулъ вѣчнымъ сномъ.

Съ юныхъ лѣтъ благовѣрный князь Александръ былъ поставленъ княжить въ Новгородѣ. И первую половину своей жизни онъ посвятилъ побѣдоносной борьбѣ съ сѣверными врагами Руси.

Эти враги были, быть-можетъ, еще болѣе опасны для Руси, чѣмъ татары. Татары посягали на государство, на внѣшнюю силу, а тѣ враги хотѣли похитить у насъ самую нашу вѣру. Римскіе папы, видя ослабленіе нашей земли, подымали на нее походы то изъ Швеціи, то изъ Ливоніи чрезъ ливонскихъ рыцарей, которые старались подчинять Римскому папѣ новыя земли. Цѣль Шведовъ и Ливонцевъ была завоевать насъ и обратить въ латинскую ересь.

Съ первыхъ дней княженія своего въ Новгородѣ Александръ старался окружить себя храбрыми людьми. Самъ же

онъ былъ точно созданъ для побѣдъ, кромѣ великаго благоразумія, одаренный мужествомъ, величавой красотой и звучнымъ могучимъ голосомъ. Народъ съ гордостью и радостью любовался имъ и съ почтеніемъ внималъ его рѣчамъ, *гремѣвшимъ какъ труба*, говоритъ лѣтописецъ.

Св. Александръ Невскій.

Въ 1240 г., подстрекаемый папою, шведскій король снарядилъ многочисленное войско, посадилъ его на лодки и подъ начальствомъ зятя своего Биргера послалъ въ Неву. Биргеръ думалъ дойти Ладожскимъ озеромъ и по Волхову до Новгорода и послалъ сказать Александру: „Ратоборствуй со мной, если смѣешь. Я уже стою на землѣ твоей“.

Ни страха, ни гордости не изъявилъ посламъ Александръ. Онъ поспѣшно собралъ войско, съ горячею вѣрой помолился въ храмѣ св. Софіи, принялъ благословеніе архіепископа.

„Боже хвальный, Боже праведный, Боже великій и крѣпкій,—молился Александръ,—Боже предвѣчный, сотворивый небо и землю и поставивый предѣлы языкомъ и жить повелѣвый не преступая въ чужая части: суди, Боже, обидящимъ мя и возбрани борющимся со мною. Пріими оружіе и щитъ, стани въ помощь мою!" Отирая на порогѣ храма слезы умиленія, онъ предалъ исходъ дѣла волѣ Божіей и съ веселымъ лицомъ вышелъ къ дружинѣ. Тутъ онъ сказалъ ей краткое, но великое историческое слово, которое много разъ было подтверждено въ жизни русскаго народа:

— Насъ немного, а врагъ силенъ. Но *не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ*. Идите съ вашимъ княземъ!

Не имѣя времени дождаться помощи отъ отца, великаго князя Ярослава, Александръ выступилъ въ походъ и 15 іюля 1240 года пришелъ къ берегу Невы. Здѣсь встрѣтилъ его съ донесеніями одинъ изъ военачальниковъ его Пелгусъ и разсказалъ ему чудное явленіе, которое онъ видѣлъ ночью, ожидая князя и погруженный въ молитву на берегу Финскаго залива.

Уже начинало свѣтать, какъ по простору морскому пронесся шумъ. Показалась большая ладья, сидѣвшіе у веселъ гребцы были какъ бы одѣты мглою. Посреди лодки стояли въ великомъ сіяніи, въ червленыхъ ризахъ два витязя, первые князья-мученики, Борисъ и Глѣбъ. И раздался голосъ Бориса: „Братъ Глѣбъ, поможемъ сроднику своему великому князю Александру Ярославичу на неистовыхъ нѣмцевъ".

Когда видѣніе кончилось, Пелгусъ пошелъ отъ берега и встрѣтилъ Александра. Князь запретилъ Пелгусу разглашать это видѣніе. Какъ молнія, ударилъ онъ на шведовъ и быстрымъ, внезапнымъ ударомъ привелъ ихъ въ смятеніе. Самъ онъ добрался до Биргера и своимъ копьемъ ***возложилъ печать*** на лицо ему.

Шведы были разбиты наголову. Темная ночь спасла ихъ остатки. Они нагрузили, не дожидаясь утра, двѣ лодки тѣлами знатнѣйшихъ лицъ, зарыли прочихъ въ яму и поспѣшно удалились. Главный воевода, также епископъ ихъ, были убиты. Наша же убыль была едва замѣтна.

Невская битва.

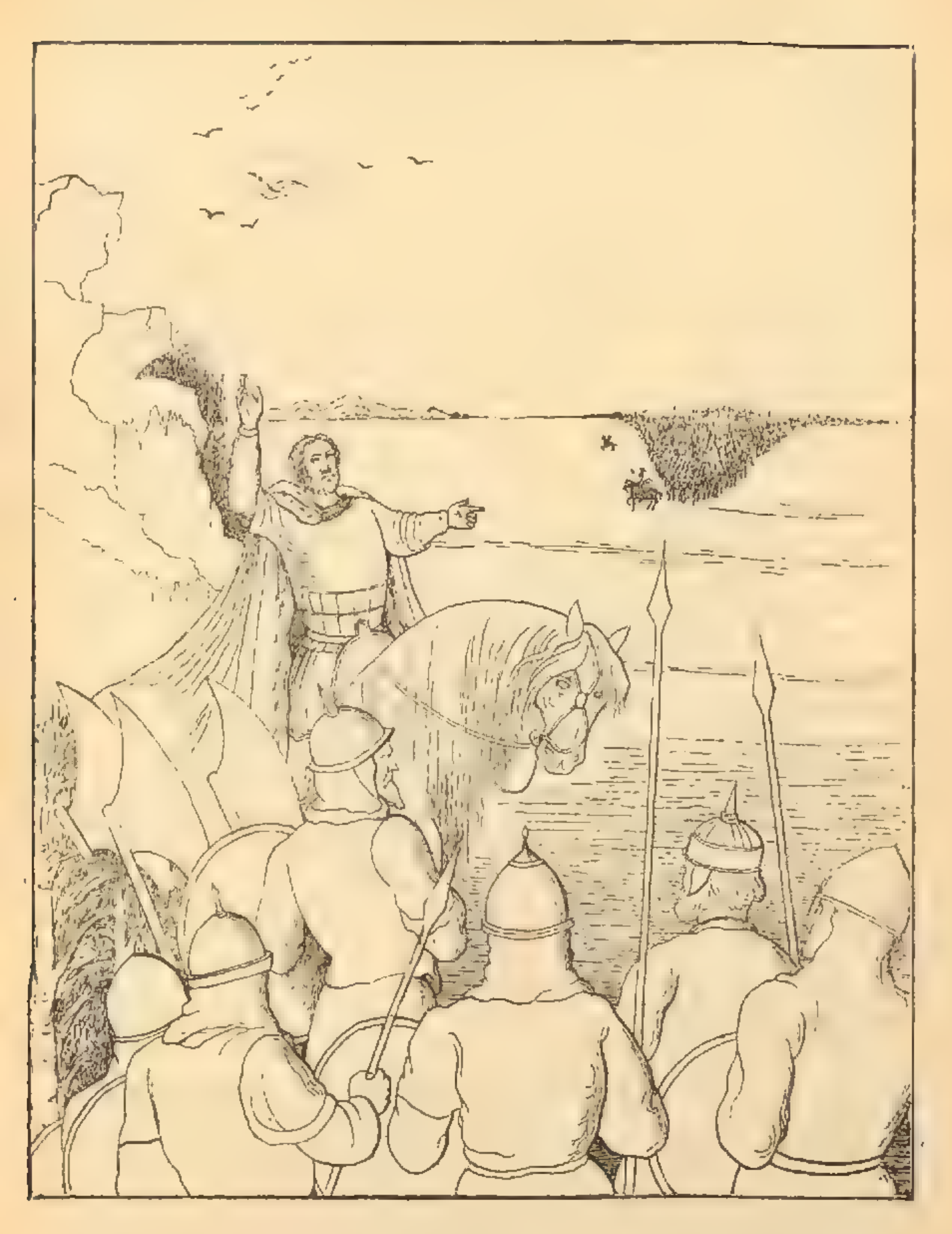
Великою радостью пронеслась по Руси вѣсть объ этомъ одолѣніи врага. За побѣду Александръ получилъ прозвище Невскаго. Какъ эта, такъ и послѣдующія побѣдоносныя битвы, гдѣ участвовалъ св. Александръ, были невыразимымъ утѣшеніемъ для униженной, бѣдствующей Россіи. Въ самые дни ига онъ доказывалъ, что русская воинская слава не сгинула, что русскій мечъ такъ же грозно обороняетъ русскую землю на сѣверѣ, какъ въ ясные дни Мстиславовъ и Всеволодовъ.

Сохранилось сказаніе современниковъ о Невской битвѣ. Подвиги русскихъ богатырей въ ней были такъ изумительны, что имъ съ трудомъ вѣрили даже очевидцы. Новгородцы прямо говорили, что съ ними сражались ангелы Божіи, что силы небесныя избивали шведовъ.

Между тѣмъ, ливонскіе рыцари ворвались въ предѣлы Псковской земли и заняли самый Псковъ. Многіе псковитяне кинулись въ Новгородъ, но Александра тамъ не было: недовольный новгородцами, онъ уѣхалъ отъ нихъ въ Переяславль, а литва, нѣмцы, чудь стали уже безпокоить земли новгородскія. Тогда архіепископъ со многими боярами отправились къ Александру и умолили его простить Новгородъ.

Съ его прибытіемъ все перемѣнилось. Немедленно собралось войско и весело съ Александромъ пошло къ Финскому заливу и взяло поставленную нѣмцами крѣпость Копорье; потомъ нѣмцы прогнаны были изъ Пскова. Затѣмъ Александръ вступилъ въ Ливонію и нашелъ выгодное для битвы мѣсто на льду Чудскаго озера, еще крѣпкомъ (5 апрѣля 1242 г.). Нѣмцы врѣзались въ наши ряды, но Александръ, ударивъ съ боку, смѣшалъ ихъ, сломилъ и истреблялъ рыцарей, а чудь грозно гналъ до вечера. Трупы чуди лежали на 7 верстахъ, пало 400 рыцарей. Начальникъ ордена съ трепетомъ ожидалъ появленія Александра подъ стѣнами Риги и умолялъ короля датскаго о помощи.

Однако, Александръ, довольствуясь страхомъ нѣмцевъ, вложилъ мечъ въ ножны, вернулся во Псковъ. Плѣнники нѣмецкіе шли съ потупленными глазами, въ своей рыцарской одеждѣ за нашими всадниками. Съ крестами и пѣніемъ церковнымъ встрѣчало послѣ Ледоваго побоища побѣдителя духовенство, народъ стремился къ нему толпами, называя отцомъ и спасителемъ.

Леловое побоище.

Затѣмъ заключенъ былъ съ рыцарями выгодный миръ.

Вскорѣ литовцы завладѣли Торопцомъ. Александръ пришелъ и истребилъ ихъ до единаго. Возвращаясь съ малой дружиной, онъ увидѣлъ новыя толпы непріятеля и разсѣялъ ихъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ одержалъ семь побѣдъ надъ литовцами.

Но Богъ готовилъ Александру высшую славу — побѣду духовную надъ самимъ собой. Этой великой душѣ назначено было показать самую рѣдкую и трудную добродѣтель: смирить себя безпредѣльнымъ смиреніемъ, забыть голосъ своего самолюбія и цѣною своихъ униженій сохранить родину.

Еще прежде, чѣмъ престолъ великокняжескій перешелъ къ Александру, онъ долженъ былъ отправиться на поклонъ къ Батыю.

Слава объ Александрѣ и удивленіе ему достигали вообще отдаленныхъ странъ, до насъ дошелъ отзывъ одного чужеземца: „Я прошелъ многія страны, знаю свѣтъ, людей и государства, но съ изумленіемъ видѣлъ и слушалъ Александра Новгородскаго“.

Вообще, бывалые люди говорили, что не встрѣтить подобнаго Александру мужествомъ и видомъ: ни въ царяхъ — царя, ни въ князьяхъ — князя. Его достоинства возвышались тѣмъ, что онъ не кичился ни положеніемъ, ни дарами внѣшними, ни умомъ, а со всѣми былъ привѣтливъ, всѣмъ былъ прибѣжище. И надъ всѣми его добродѣтелями, какъ и во дни юности, выдѣлялось благочестіе.

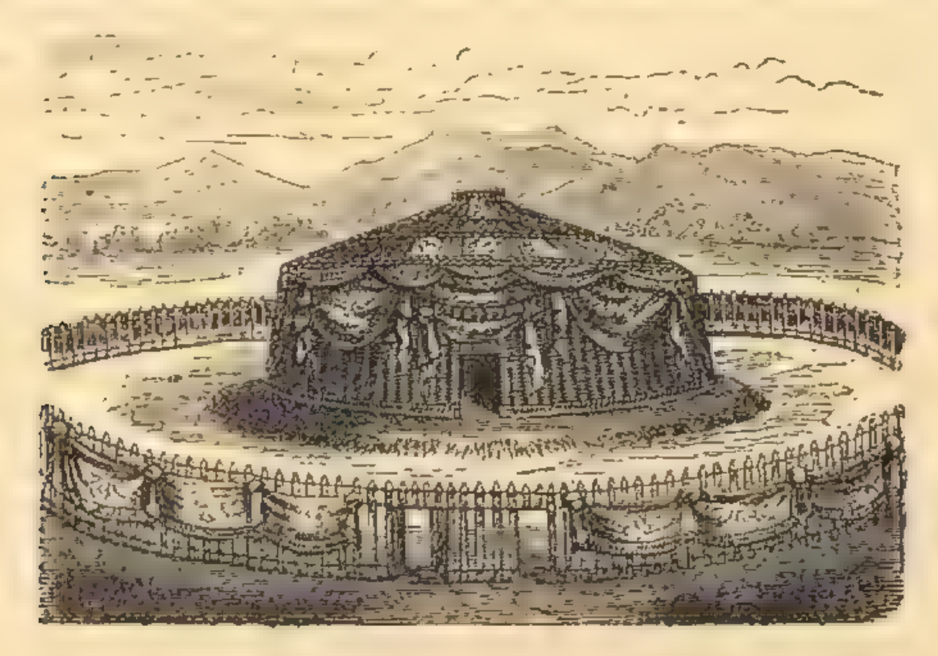
Русскіе гордились Александромъ, называя его независимымъ княземъ, и стращали имъ татаръ.

Слыша много объ Александрѣ, Батый велѣлъ сказать ему: „Князь Новгородскій, извѣстно ли тебѣ, что Богъ покорилъ мнѣ множество народовъ. Ты ли одинъ будешь независимымъ? Если хочешь властвовать спокойно: явись въ моемъ шатрѣ“.

На этотъ зовъ можно было отвѣтить гордымъ отказомъ и подвергнуть за то всю Русь гнѣву Батыя и опустошенію. Александръ же любилъ Россію болѣе, чѣмъ княжескую и богатырскую честь, и сознательно вступилъ на тотъ путь самоуничиженія для спасенія родины, отъ котораго его освободила лишь смерть.

Онъ отправился къ Батыю, который ласково принялъ его и сказалъ, что молва не увеличила его достоинствъ. Онъ съ удивленіемъ внималъ его мудрымъ рѣчамъ, горѣвшимъ любовью къ родинѣ.

Изъ орды надо было ѣхать далѣе, въ Татарію, къ великому хану. Это было ужасное путешествіе. Простясь съ отечествомъ на долгое время, надо было терпѣть голодъ и жажду, отдыхать на снѣгу или раскаленной землѣ. Кругомъ одна безотрадная унылая степь, усѣянная костями путниковъ. Вмѣсто селеній—одни кладбища кочующихъ племенъ. И въ этомъ безотрадномъ пути мучительныя думы о своемъ

Юрта Чингисъ-хана.

униженіи, бѣдствіи отечества, воспоминаніе объ отцѣ, умершемъ въ такомъ же путешествіи въ безпріютной степи...

Ханъ отнесся къ Александру съ благоволеніемъ и поставилъ его надъ всею южною Россіей. Къ этому же времени относится посольство папы къ Александру.

Папа римскій прислалъ Александру письмо, съ убѣжденіемъ принять католичество, обѣщая ему за то помощь. Не надменно, но твердо отвѣтилъ папѣ князь: „Мы знаемъ истинное ученіе Церкви, а вашего не пріемлемъ и знать не хотимъ“.

Вскорѣ послѣ возвращенія Александра въ Новгородъ, при общемъ ликованіи города, онъ опасно (1251—1252 г.) забо-

могъ. Вся русская земля съ трепетомъ ждала исхода болѣзни и неотступно молилась за него. Онъ былъ надеждою Россіи. Его дѣлали безконечно дорогимъ народу и прежнія его незабвенныя побѣды, и обнаруженное имъ теперь умѣніе обходиться съ татарами, и его сострадательность. Онъ всячески благотворилъ бѣдствующимъ, посылалъ въ орду золото для выкупа плѣнныхъ. Богъ услышалъ всенародную молитву, Александръ выздоровѣлъ. Скоро онъ былъ признанъ великимъ княземъ.

При общемъ ликованіи въѣхалъ онъ во Владиміръ и сталъ продолжать дѣло отца: заживленіе прежнихъ ранъ. Когда въ 1256 г. шведы, финны и нѣмцы явились на берегахъ рѣки Наровы *), встревоженные Новгородцы послали за Александромъ, и онъ повелъ рать и опустошилъ значительную часть Финляндіи.

Это было послѣднимъ военнымъ подвигомъ Александра.

Умеръ Батый, и Александръ долженъ былъ отправиться къ его преемнику въ орду, которая навсегда осталась кочевать въ окрестностяхъ Волги и Дона. Тутъ тщетно просилъ онъ освободить сѣверныя княжества отъ обложенія подушною данью, подобно тому, какъ еще раньше были обложены южныя. Вскорѣ были посланы татарскіе чиновники въ области: Суздальскую, Рязанскую, Муромскую, и переписали жителей.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Александръ совершилъ новое путешествіе въ орду: теперь обложенъ былъ поголовною данью и Новгородъ, и великому князю предстояло дѣло, мучительное для его чувствъ. Ему, прославленному поборнику новгородской вольницы и чести, предписывали теперь склонить къ рабству гордый, пылкій народъ, который величался своею независимостью. Что̀ переживалъ въ эти дни Александръ, извѣстно одному Богу.

Въ 1259 г. съ татарскими чиновниками онъ прибылъ въ Новгородъ. Жители пришли въ ужасъ. Какъ ни уговаривали нѣкоторые граждане смириться, народъ отвѣчалъ грознымъ воплемъ, умертвилъ посадника **) и выбралъ другого. Юный

---

*) Рѣка Нарова течетъ изъ Чудскаго озера, при которомъ стоитъ Псковъ, въ Финскій заливъ.

**) Посадникъ — первое послѣ князя лицо въ Новгородѣ.

князь Василій Александровичъ уѣхалъ изъ Новгорода во Псковъ, объявивъ, что не хочетъ повиноваться отцу, везущему съ собою оковы и стыдъ для людей вольныхъ. Хотя новгородцы и отпустили чиновниковъ татарскихъ съ дарами они рѣшительно отказались отъ дани.

Великому князю представлялось — принять рѣшительныя мѣры или предать Россію новому разоренію. Выбора не было.

Онъ велѣлъ схватить ослушнаго сына и подъ стражею везти его въ Суздальскую землю. Потомъ онъ остался въ Новгородѣ, выжидая хода событій. Распространилась вѣсть, что войско хана уже готово итти на Новгородъ. Народъ тогда въ страхѣ согласился на дань, и Александръ поспѣшилъ увѣдомить татаръ о покорности Новгорода. Явились татарскіе переписчики и своими утѣсненіями настолько раздражили народъ, что вспыхнулъ мятежъ. Народъ снова не хотѣлъ слышать о дани и собирался вокругъ Софійской церкви, объявляя, что желаетъ умереть за честь и свободу.

Наконецъ, Александръ употребилъ послѣднее средство. Онъ выѣхалъ изъ дворца съ татарскими чиновниками, объявивъ, что предаетъ мятежныхъ гражданъ гнѣву хана и навсегда покидаетъ Новгородъ... Это смутило народъ, и вельможи воспользовались этою минутой, чтобъ уговорить его.

Не успѣлъ князь опомниться отъ этихъ тягостныхъ событій, гдѣ его разумъ и благо Руси заставляли его дѣйствовать противъ влеченія сердца, какъ въ 1262 году возникли новыя страшныя непріятности въ срединной Руси.

Доселѣ дань сбирали татарскіе сборщики, которыхъ народъ терпѣлъ. Но потомъ татары стали отдавать дань на откупъ бесерменскимъ купцамъ, хивинцамъ, опытнымъ въ торговлѣ и наживѣ. Эти откупщики выдумали цѣлую сѣть вымогательствъ для увеличенія барышей. Подъ видомъ облегченія плательщиковъ, они назначали разныя разсрочки, но съ громаднымъ ростомъ, и въ концѣ-концовъ, у бѣдныхъ людей счета съ бесерменами запутывались до такой степени, что уже не было никакой возможности разсчитаться. Тогда они забирали должниковъ, безпощадно били ихъ на площадяхъ палками, выпытывая, не спрятали ли они гдѣ-нибудь свое имущество. Не добившись толку, бесермены забирали

сыновей, дочерей или самихъ должниковъ въ рабство и въ чужихъ странахъ продавали ихъ съ великою выгодой.

У самыхъ трудолюбивыхъ людей отбивало охоту къ труду. Всякій страшился за будущее — не уведутъ ли его дѣтей въ рабство. Кромѣ всѣхъ этихъ ужасовъ, бесермены возбуждали ненависть еще тѣмъ, что ихъ сопровождали татарскіе наѣздники, которые грабили дома, оскорбляли женщинъ и всячески глумились надъ населеніемъ. Мѣра терпѣнія истощилась, когда затронуто было чувство вѣры.

Какой-то монахъ Зосима, въ 1262 г., въ Ярославлѣ, въ угоду бесерменину и магометанину Тетяму, отрекся отъ Христа, вступилъ въ магометанство и началъ ругаться надъ своею прежнею вѣрой... Не могъ осилить народъ негодованія при поруганіи того послѣдняго сокровища, которое во всѣхъ своихъ испытаніяхъ онъ хранилъ не нарушеннымъ, надъ вѣрой святою. Вскипѣлъ народъ бурнымъ, неудержимымъ гнѣвомъ при видѣ того, какъ „окаянный лишенникъ" вѣры поноситъ святый крестъ и ругается церквамъ Божіимъ. Его схватили, убили, и псы влачили по городу его трупъ. И въ отвѣтъ на эту месть народа, мстившаго за поруганіе завѣтной святыни своей, — поднялся народъ по всѣмъ городамъ суздальской и ростовской земли. Загудѣли призывные колокола, пошли слухи, что самъ Александръ разослалъ приказъ бить татаръ, и стала расти и расти буря народнаго негодованія.

Лѣтописцы съ сочувствіемъ отмѣчаютъ эти событія. Народъ истреблялъ однихъ бесерменовъ, хивинскихъ откупщиковъ. Собственно же изъ татаръ никто не пострадалъ. Русскіе дали доказательство тому, что всему есть мѣра, и что, хотя и побѣжденный, народъ не свыкся съ рабствомъ.

Но страшная расплата должна была постигнуть землю, все не примирявшуюся съ потерею воли. Шли слухи, что татарскія полчища готовы ворваться въ русскіе предѣлы. Можно было ожидать поголовнаго избіенія, худшей грозы, чѣмъ нашествіе Батыя.

Какія страшныя минуты переживала земля русская, на то нѣтъ словъ. И тутъ великій князь Александръ просіялъ своей родинѣ своимъ послѣднимъ подвигомъ.

Онъ готовился раньше въ походъ на ливонскихъ нѣмцевъ, но тутъ поручилъ полки сыну и отправился въ орду отмаливать свой народъ.

Это былъ вѣнецъ его жизни и его самоотверженія. Хотя онъ не былъ виноватъ въ происшедшихъ событіяхъ, онъ шелъ въ орду на вѣрную смерть въ то время, какъ ханъ уже двигалъ войско на Русь, шелъ къ тому хану, предъ которымъ онъ же, вымаливая оставить нѣкоторую самостоятельность Руси, ручался за ея покорность. Онъ шелъ съ явнымъ намѣреніемъ принять на себя все раздраженіе хана и погибнуть, лишь бы отвести или смягчить грозу для Россіи.

Объ этомъ рѣшительномъ отъѣздѣ среди обстоятельствъ столь страшныхъ —и теперь, чрезъ шесть слишкомъ вѣковъ, нельзя вспоминать безъ волненія. Что же испытывалъ провожавшій Александра народъ?

Провожаемый какъ на смерть, онъ поѣхалъ.

Незадолго до того, какъ до хана Беркая дошла вѣсть объ избіеніи сборщиковъ, онъ пришелъ въ ярость отъ неудачнаго похода, поднятаго имъ на Персію, и собралъ вновь 300 тысячъ; рѣшилъ также послать туда и русскихъ... Русскимъ предстояло сражаться за татаръ! И вотъ тутъ-то получилъ онъ вѣсть о событіяхъ въ Суздалѣ, Ярославлѣ и Ростовѣ.

Ханскому гнѣву, казалось, не было предѣловъ... Онъ готовъ былъ выпустить 300 тысячъ на Россію и совсѣмъ заклевать ее. Въ эти-то дни и прибылъ Александръ.

Какъ молилъ онъ хана, что говорилъ ему, неизвѣстно: но онъ и на этотъ разъ отвелъ грозу. Россія была спасена. Вслѣдъ затѣмъ власть принялъ новый ханъ, и долго пришлось ждать Александру въ ордѣ, прежде чѣмъ ханъ успѣлъ выслушать Александра. Онъ такъ сумѣлъ поставить дѣло, что и прежнее было забыто, и русскіе освобождены отъ обязанности воевать за монголовъ.

Болѣе года пробылъ Александръ въ ордѣ и здѣсь допилъ послѣдніе капли того кубка униженій, страданій и горечи, который едва ли когда у кого изъ другихъ русскихъ князей былъ такъ глубокъ и такъ горекъ. Но, уѣзжая, онъ везъ съ собою вѣсть избавленія, лучъ радостнаго солнца въ ту обездоленную страну, которую онъ такъ умѣлъ любить и кото-

рая такъ въ него крѣпко вѣрила. Измученный, изнуренный, онъ спѣшилъ съ благою вѣстью къ томившемуся безъ него и за него народу... Но тѣ силы, которыя онъ столько лѣтъ напрягалъ безъ жалости къ себѣ, уже измѣняли: богатырь былъ сраженъ непомѣрной работой, душа истощена вѣчнымъ страданіемъ. Четыре поѣздки въ орду, — двадцать битвъ... Вѣнецъ столь тяжелый, вѣнецъ терновый, который убилъ избранника, едва достигшаго 43 лѣтъ.

Въ Нижнемъ Александръ разболѣлся и долженъ былъ остановиться. Потомъ его повезли дальше. Стояла глубокая осень. Въ Городцѣ онъ окончательно занемогъ. Сознавая, что смерть близка, онъ просилъ о постриженіи.

Ѳедоровскій Городецкій монастырь Нижегородской губерніи, гдѣ скончался св. Александръ Невскій.

Долго сдерживали себя окружающіе, о которыхъ лѣтописецъ говоритъ, что имъ бы легче было лечь съ нимъ во гробъ, чѣмъ пережить его. Наконецъ, зарыдали. Тогда кротко сказалъ имъ князь: „Удалитесь и не сокрушайте души моей жалостью!“

Чрезъ нѣсколько минутъ снова созвалъ онъ къ себѣ приближенныхъ и у всѣхъ, бояръ и простыхъ, сталъ трогательно просить прощенія... Потомъ онъ затихъ. Слеза скатилась изъ глазъ его. Онъ открылъ глаза и пожелалъ пріобщиться въ послѣднюю минуту. Когда это совершилось, онъ тихо предалъ духъ Богу.

То было 14 ноября 1263 года.

…. Много любезныхъ лицъ въ тихомъ, немеркнущемъ сіяніи свѣтятъ русскому народу изъ да́ли его прошлаго. Много великихъ событій, дорогихъ, возвышенныхъ, чудныхъ, совер-

Кончина св. Александра.

шилось въ нашей землѣ. Но межъ всѣхъ историческихъ лицъ, уступая мѣсто одному, Богомъ Руси дарованному, неизглаголанному игумену Сергію — сіяетъ на первомъ мѣстѣ благовѣрный Александръ.

Что можетъ быть чище и святѣй этой тихой смерти въ пути послѣ величайшаго, никогда и никѣмъ изъ правителей не превзойденнаго, подвига? Эта смерть вдали отъ спасенныхъ, когда напряженіемъ всего существа только-что избавленъ отъ гибели весь народъ, обезпечена ему возможность продолжать существовать, спасена надежда на далекую волю.

Велика прозорливая мудрость Ольги, безцѣнное одушевленіе равноапостольнаго Владиміра, горячая правда Мстислава... Но это вольное и безропотное мученичество богатыря, это истекшее святою кровью сердце, вмѣстившее и пригрѣвшее Русь въ самые безотрадные ея дни... Эта неустанная работа всей жизни; эта ничѣмъ незагасимая вѣра въ свой народъ, въ священное призваніе той Руси, которая нѣкогда изъ рабства, пепла и крови встанетъ необоримой и славной!..

Есть чувства, для которыхъ на языкѣ нѣтъ словъ. Есть образы непонятной силы, отъ которыхъ трепещетъ въ восторгѣ, удивляясь имъ, душа. Есть событія, память о которыхъ точно расширяетъ эту душу умиленіемъ, — что Богъ помогъ человѣку достичь въ жизни такихъ нравственныхъ высотъ.

Таковъ этотъ богатырь русскаго народа, и такова его смерть.

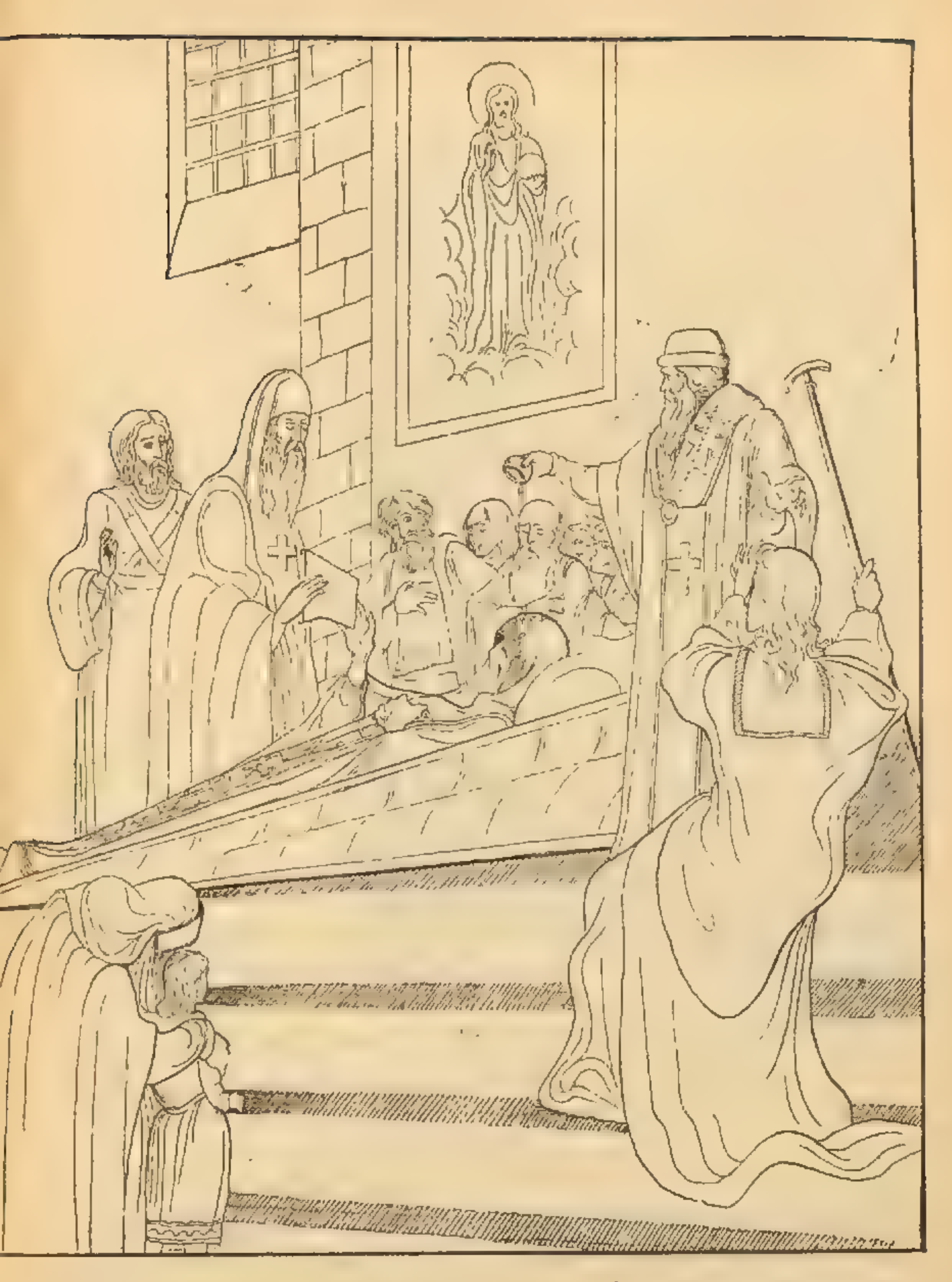
... Кончина благовѣрнаго князя была возвѣщена во Владимірѣ чудеснымъ образомъ.

Въ соборѣ митрополитъ Кириллъ совершалъ службу и стоялъ у алтаря, какъ передъ нимъ словно живой, но озаренный не здѣшнимъ свѣтомъ, предсталъ князь Александръ. Будто несомое ангельскими крылами, поднялось къ небу свѣтлое видѣніе. Лицо святителя выражало великое волненіе, замѣченное предстоявшими. Онъ понялъ все... Слезы показались въ старыхъ очахъ, и, опустивъ голову, онъ сказалъ: „Солнце земли Русской закатилось!“

Не поняли люди ужаснаго смысла этихъ словъ... Наконецъ, собрался святитель съ силами и, сдерживая рыданія, громко возгласилъ: „Чада моя милая, знайте, что нынѣ благовѣрный великій князь Александръ преставился“.

Въ ужасѣ, столь же сильнымъ воплемъ отчаянія отвѣтилъ народъ. Изо всѣхъ грудей вырвалось: „Погибаемъ!“

. . . .

Погребеніе св. Александра.

Владиміръ опустѣлъ. Всѣ пошли навстрѣчу долго жданному великому князю. Митрополитъ съ духовенствомъ остановился въ Боголюбовѣ... Пылали свѣчи, курился ѳиміамъ... Народъ безъ числа покрылъ окрестность. А онъ все приближался.

Тотъ, который такъ часто несъ избавленіе своей землѣ, идетъ въ нее съ новымъ избавленіемъ и чтобы никогда не уходить... Идетъ онъ, разрѣшенный отъ тягостей жизни, замученный непомѣрнымъ подвигомъ... Показался великокняжескій стягъ.

И при видѣ этого предшественника лежащаго въ гробѣ вождя — зарыдалъ весь народъ... За стягомъ и гробъ — и кинулись къ умершему отцу осиротѣлыя дѣти, чтобъ еще пригрѣлъ и поберегъ ихъ...

И сталъ тогда надъ народомъ, говоритъ лѣтописецъ, великій плачъ и крики горя и тоски, какихъ никогда не бывало, и содрагалась отъ воплей этихъ земля.

23 ноября совершено было отпѣваніе. Плачъ и стонъ народа заглушалъ церковное пѣніе. Наконецъ, и пѣвчіе замолкли отъ рыданій. Князя положили въ монастырѣ Рождества Богородицы.

При отпѣваніи совершилось чудо: когда усопшему вкладывали разрѣшительную молитву, онъ протянулъ за нею руку и опять сложилъ руки на груди.

Это событіе увѣрило народъ, что Богъ прославитъ благовѣрнаго князя и положило начало его посмертному почитанію.

Оно оправдалось при великомъ князѣ Димитріи Донскомъ, въ 1380 г. Тогда, предъ битвою съ Мамаемъ, ночью въ томъ храмѣ, гдѣ была могила св. Александра, загорѣлись сами собою двѣ свѣчи, изъ алтаря показались два честные старца и, приблизившись ко гробу, сказали: „О, господине Александре, возстани и ускори на помощь правнуку своему, великому князю Димитрію, одолѣваемому отъ иноплеменныхъ“. И въ тотъ часъ благовѣрный князь возсталъ изъ гроба и съ обоими старцами сдѣлался незримъ. Явленіе это было донесено въ Москву митрополиту, и тогда совершилось обрѣтеніе св. мощей. На московскомъ соборѣ 1547 г. великій князь Александръ Невскій въ виду многократныхъ чудесъ причисленъ къ лику святыхъ.

Въ 1723 году императоръ Петръ Великій перенесъ самъ мощи благовѣрнаго князя Александра изъ Владиміра въ Петербургъ, для утвержденія новой столицы, основанной на берегу той самой Невы, гдѣ святой витязь славилъ Русь своими побѣдами. Шествіе мощей продолжалось болѣе года. Въ Новгородѣ раку поставили на лодку, а близъ Петербурга ее принялъ на торжественную галеру царь и самъ сталъ у руля.

Рака мощей св. Александра Невскаго.

Мощи благовѣрнаго князя покоятся въ соборномъ храмѣ святой Троицы, Александро-Невской лавры, въ драгоцѣнной серебряной ракѣ. Она сдѣлана изъ перваго серебра, найденнаго въ царствованіе императрицы Елисаветы. Близъ раки находится Владимірская икона Богоматери, по преданію принадлежавшая св. Александру; въ ризницѣ — его великокняжеская шапка.

Поэтъ Майковъ въ превосходномъ стихотвореніи описываетъ предсмертныя думы и кончину благовѣрнаго великаго князя Александра. Эта проникновенная картина совмѣстила, кажется, всю скорбь души благовѣрнаго Александра.

Въ Городцѣ въ 1263 году.

Ночь на дворѣ и морозъ.
Мѣсяцъ — два радужныхъ свѣтлыхъ вѣнца вкругъ него...
По небу словно идетъ торжество;
Въ кельѣ жъ игуменской зрѣлище скорби и слезъ...
Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ:
Тихо игуменъ предъ нимъ на молитвѣ стоитъ;
Тихо бояре стоятъ по угламъ;
Тихъ и недвижимъ лежитъ, головой къ образамъ,
Князь Александръ, черной схимой покрытъ...
Страшнаго часа всѣ ждутъ; нѣтъ, надежды ужъ нѣтъ!
Слышится въ кельѣ порой лишь болящаго бредъ.

Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ...
Князь неподвижно во тьму, въ безпредѣльность глядитъ...
Сонъ ли проходитъ предъ нимъ, иль видѣній таинственныхъ цѣпь —
Видитъ онъ — степь, безпредѣльная, бурая степь...
Войлокъ разостланъ на выжженной солнцемъ землѣ.
Видитъ: отецъ! смертный потъ на челѣ,
Весь изможденъ онъ и блѣденъ и слабъ...
Шелъ изъ орды онъ, какъ данникъ, какъ рабъ...
Въ сердцѣ, знать, силъ не хватило обиду стерпѣть...
И простоналъ Александръ: „Такъ и мнѣ умереть..."

Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ...
Князь неподвижно во тьму, въ безпредѣльность глядитъ...
Видитъ шатеръ дорогой, злототканный шатеръ...
Тронъ золотой на пурпурный поставленъ коверъ...
Ханъ возсѣдаетъ средь тысячи мурзъ и князей...
Князь Михаилъ передъ ставкой стоитъ у дверей.
Подняты копья надъ княжеской свѣтлой главой...
Молятъ бояре горячей мольбой...
„Не поклонюсь истуканамъ вовѣкъ", онъ твердитъ...
Мигъ — и поверженъ во прахъ онъ лежитъ...
Топчутъ ногами и копьями колютъ его...
Ханъ изумленный глядитъ изъ шатра своего...

Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ...
Князь неподвижно во тьму, въ безпредѣльность глядитъ...
Снится ему Ярославовъ въ Новгородѣ дворъ...
Въ шумной толпѣ и мятежъ и раздоръ...
Всѣ собралися концы и шумятъ...

„Всѣ постоимъ за святую Софію! — вопятъ. —
Дань ей несутъ отъ Угорской земли до Ганзы...
Нѣмцамъ и шведамъ страшнѣй нѣтъ грозы...
Самъ ты водилъ насъ, и — Биргеръ твое
Помнитъ досель на лицѣ, чай, копье!..
Рыцари — памятенъ имъ пооттаявшій ледъ!..
Конница словно какъ въ морѣ летитъ кровяномъ!..
Бейте, колите, берите живьемъ
Лживый, коварный, пришельческій родъ!..
Намъ ли баскаковъ пустить
Грабить казну, на правежъ насъ водить?
Злата и сёребра горы у насъ въ погребахъ, —
Намъ ли валяться у хана въ ногахъ!
Бей ихъ, руби ихъ, баскаковъ поганыхъ татаръ!..“
И разлилася рѣка, взволновался пожаръ...

Князь приподнялся на ложѣ своемъ: очи сверкнули огнемъ,
Грозно сверкнули всѣмъ гнѣвомъ высокоя души —
Крикнулъ: „Эй вы, торгаши!
Богъ на всю землю послалъ злую мзду.
Вы ли одни не хотите Его покориться суду?
Ломятся тьмами ордынцы на Русь — я себя не щажу,
Я лишь одинъ на плечахъ ихъ держу!..
Бремя нести—такъ всѣмъ міромъ нести!
Дружно, что боръ вѣковой, подыматься, расти,
Вѣруя въ чаянье лучшихъ временъ, —
Все лишь въ конецъ претерпѣвый — спасенъ!..“

Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ...
Князь неподвижно во тьму, въ безпредѣльность глядитъ...
Тьма, что завѣса, раздвинулась вдругъ передъ нимъ...
Видитъ онъ: облитый, словно лучомъ золотымъ,
Берегъ Невы, гдѣ разилъ онъ врага...
Вдругъ возникаетъ тамъ городъ... народомъ кишатъ берега...
Флагами вѣютъ цвѣтными кругомъ корабли...
Громъ раздается; корабль показался вдали...
Правитъ имъ кормчій съ открытымъ высокимъ челомъ...
Кормчаго всѣ называютъ царемъ...

Гробъ съ корабля поднимаютъ, ко храму несутъ,
Звонъ раздается, священные гимны поютъ...
Крышу открыли... Царь что-то толпѣ говоритъ...
Вотъ — передъ гробомъ земные поклоны творитъ...
Слѣдомъ — всѣ люди идутъ приложиться къ мощамъ...
Въ гробѣ жъ — князь видитъ — онъ самъ...

Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ...
   Князь неподвиженъ лежитъ...
Словно какъ свѣтъ надъ его просіялъ головой, —
   Чудной лицо озарилось красой...
Тихо игуменъ къ нему подошелъ и дрожащей рукой
Сердце ощупалъ его и чело —
И, зарыдавъ, возгласилъ: „Наше солнце зашло!“

Александровская церковь въ Александро-Невской лаврѣ.

XVI.

Благовѣрные князья: Романъ Рязанскій, Романъ Углицкій, Василій и Владиміръ Волынскіе, Ѳеодоръ, Давидъ и Константинъ Ярославскіе, Довмонтъ Псковскій, Михаилъ Тверской и Анна Кашинская.

Въ княженіе брата св. Александра Невскаго совершился мученическій подвигъ св. князя Романа Олеговича Рязанскаго.

Св. Романъ въ ближайшихъ предкахъ своихъ видѣлъ примѣры ревностной вѣры. Его два дѣда, Юрій и Олегъ Ингваревичи, страдальчески кончили жизнь въ борьбѣ съ Батыемъ. Отецъ его болѣе 10 лѣтъ протомился въ тяжелой неволѣ въ ордѣ, и св. Романъ возросъ среди скорбей за родину среди того одушевленія вѣры, какое процвѣло въ эти трудныя времена: и весь свой вѣкъ онъ провелъ въ слезахъ и молитвахъ за родину. Сколько могъ, онъ облегчалъ участь угнетаемыхъ и разоренныхъ своихъ подданныхъ и погибъ онъ за свое заступничество, за народъ.

Одинъ изъ татарскихъ сборщиковъ, сбирая дань, прибѣгалъ къ безчеловѣчнымъ насиліямъ. Князь старался обуздать его. Тогда сборщикъ донесъ хану, что князь рязанскій поноситъ царя и его вѣру. Вызвавъ Романа въ орду, ханъ объявилъ ему, что ему должно выбрать одно изъ двухъ — мучительную смерть или вѣру татаръ.

— Я покоренъ волѣ Божіей,— отвѣчалъ князь,— и повинуюсь власти хана. Но никто не принудитъ меня измѣнить моей святой вѣрѣ.

Татары начали бить исповѣдника.

— Я христіанинъ! — повторялъ онъ.

Тогда его уста заткнули платкомъ, сковали его и бросили въ темницу, а ханъ произнесъ приговоръ: „Пусть умретъ мучительною смертью!"

Когда князя привели на мѣсто казни, онъ сталъ говорить собравшемуся для зрѣлища народу о вѣрѣ Христовой. Тогда ему отрѣзали языкъ, потомъ стали мучить съ ухищренною лютостью. Сперва вырѣзали ему глаза, потомъ обрубили пальцы рукъ и ногъ, обрѣзали уши и губы, отсѣкли руки и ноги. Онъ оставался еще живъ.

Тогда взяли туловище, содрали кожу съ головы и тогда лишь отрубили голову и воткнули ее на копье. Это неизреченное страданіе совершилось 19 іюля 1270 г.

Память св. Романа всегда была почитаема на Руси. До насъ дошло описаніе его древнихъ иконныхъ изображеній. Князь не старыхъ лѣтъ, русые кудрявые волосы падаютъ на плечи тонкой волной. На немъ накинута соболья шуба, подъ нею бархатная поддевка. Лѣвою рукой онъ держитъ городъ съ церковью, правая поднята на молитву.

Гдѣ находятся мощи св. Романа, о томъ не сохранилось свѣдѣній. Преданіе говоритъ, что онѣ были тайно унесены въ Рязань и преданы землѣ въ неизвѣстномъ мѣстѣ.

Въ томъ же вѣкѣ нѣсколько благовѣрныхъ князей прославились тихими подвигами благочестія.

Внукъ незабвеннаго и праведнаго великаго князя Константина Всеволодовича, святой князь Романъ Владиміровичъ Углицкій — былъ добрымъ отцомъ своего княжества. Въ его обладаніи находились города: Угличъ, Кашинъ, Бѣжецкъ, Устюжскъ, Дмитровъ, Звенигородъ. Кромѣ того, онъ на высокомъ берегу Волги построилъ новый городъ Романовъ (противъ слободы Борисоглѣбской, почему онъ зовется теперь Романовъ-Борисоглѣбскій). Мудрый хозяинъ, онъ въ разныхъ мѣстахъ своего княжества воздвигъ до 15 храмовъ, устроилъ страннопріимные дома и богадѣльни.

Ведя жизнь строгую, праведный князь ежедневно слушалъ церковную службу, любилъ бесѣды съ иноками и чтеніе божественныхъ книгъ. Оставшись одинокимъ, вдовый и бездѣтный, онъ послѣдніе годы жизни весь ушелъ въ подвиги молитвы, поста и милосердія и среди нихъ тихо почилъ 3 февраля 1285 г.

Въ 1486 г. при копаніи рвовъ для фундамента Угличскаго собора, гдѣ былъ схороненъ князь Романъ, его мощи обрѣтены нетлѣнными. Онѣ обгорѣли въ 1609 г., когда ляхи зажгли соборъ. Останки св. мощей хранятся въ соборѣ.

На югѣ Россіи въ это время сіяли благочестіемъ Василій Романовичъ, князь Волынскій, и его сынъ.

Василій Романовичъ былъ братомъ и вѣрнымъ сподвижникомъ знаменитаго Даніила, короля Галицкаго, славнаго столько же воинскими и государственными заслугами, сколько великодушіемъ, милосердіемъ, твердостью. По смерти брата Василій—или, какъ звали его, Василько—остался усерднымъ и опытнымъ руководителемъ его сыновей. Этотъ храбрый воинъ и добрый князь окончилъ (около 1270 г.) дни свои инокомъ. Онъ удалился въ дикую, заросшую кустарникомъ пещеру и здѣсь, посвятивъ себя суровымъ подвигамъ, оплакивалъ то, что было грѣшнаго въ его быломъ мірскомъ властолюбіи и въ его бранной жизни.

Наслѣдникъ его области и сынъ его, Владиміръ-Іоаннъ, былъ горячимъ сторонникомъ правды, кротокъ, милостивъ, воздерживанъ, строгъ къ себѣ, смѣлъ въ бою и очень любилъ книжное знаніе, такъ что и прозванъ современниками *философъ* (другъ мудрости).

Въ четыре послѣдніе года жизни онъ вынесъ ужасное страданіе. У него начала гнить нижняя губа; лѣкарства не оказывали никакого дѣйствія. Терпѣливо снося боль, онъ не оставлялъ дѣлъ и ѣздилъ на конѣ. Недугъ усилился. Отпала вся мясная часть бороды, выгнили нижніе зубы и челюсть.

Приблизившись въ такихъ страданіяхъ къ смерти, Владиміръ собралъ всѣ драгоцѣнности, золотые и серебряные пояса свои и отца, мониcты матери и бабки, утварь свою — большія серебряныя блюда, золотые кубки. Все это онъ слилъ въ гривны и раздѣлилъ между бѣдными. Имъ распредѣлилъ онъ также и княжескія стада.

Праведный князь Владиміръ скончался въ 1289 г. и погребенъ въ соборномъ храмѣ г. Владиміра-Волынскаго.

Городъ Ярославль былъ также мѣстомъ подвиговъ цѣлой семьи святыхъ князей.

Смоленскій князь Θеодоръ, по прозванію *Чермный*, взросъ въ страхѣ Божіемъ. Отличаясь мужествомъ и качествами добраго военачальника, онъ тѣмъ не менѣе удалялся отъ распрей и ссоръ. Его братья предоставили ему изъ всего княжества Смоленскаго небольшой городокъ Можайскъ, и потому онъ жилъ въ Ярославлѣ. Жена его, княгиня Марія, была дочерью послѣдняго князя Ярославскаго, св. Василія Всеволодовича, и единственная наслѣдница княжества Ярославскаго. Жить въ Ярославлѣ ему было не легко, такъ какъ теща его, вдовствующая княгиня Ксенія, не хотѣла уступать ему власти.

Будучи съ другими князьями въ ордѣ, князь очень понравился дочери хана, и ея мать предложила Θеодору ея руку. Онъ не побоялся отвѣтить, что онъ христіанинъ, женатъ и по своему закону не можетъ взять вторую жену. Отклонивъ съ опасностью жизни это предложеніе и показавъ тѣмъ вѣрность Богу, онъ вернулся домой. Но княгиня Ксенія не впустила его въ Ярославль и объявила, что тамъ уже есть другой законный князь, рожденный отъ него, сынъ Маріи, Михаилъ. Несмотря на вмѣшательство ордынскаго посла, властолюбивая Ксенія такъ и осталась при своемъ.

Не хотѣлъ кроткій Θеодоръ хлопотами у хана добиваться своего, и Господь наградилъ его за его миролюбіе. Вскорѣ онъ овдовѣлъ, умерли его братья, и онъ получилъ послѣ нихъ княжество Смоленское.

Прибывъ снова въ орду, онъ былъ тамъ встрѣченъ съ радостью и съ прежнимъ чувствомъ со стороны дочери хана. Теперь лишь языческая вѣра служила единственнымъ препятствіемъ для ея брака. Она приняла св. крещеніе съ именемъ Анны и была обвѣнчана съ Θеодоромъ. Ханъ назначилъ города для содержанія дочери и зятя. Благочестивый князь испросилъ у тестя разрѣшеніе поставить нѣсколько храмовъ въ ордѣ. Счастье не измѣнило ему: твердый въ бѣдѣ, онъ былъ тихъ въ счастіи и всего больше любилъ Господа.

Вскорѣ умеръ малолѣтній сынъ его, Михаилъ Ярославскій; тогда князь Θеодоръ отправился въ Ярославль съ княгинею Анною и двумя сыновьями отъ нея, Давидомъ и Кон-

стантиномъ. Жители Ярославля не хотѣли принять ихъ, но князь привелъ смолянъ и смирилъ Ярославль.

Потомъ онъ сталъ отплачивать неусердному къ нему городу благодѣяніями. Онъ расширилъ Ярославль, окружилъ его земляннымъ валомъ, построилъ и богато украсилъ нѣсколько храмовъ. Особенно прилежалъ онъ монастырю Спасскому: часто тамъ молился, одѣлялъ бѣдныхъ, кормилъ братію. Въ княгинѣ своей онъ видѣлъ полное сочувствіе своей христіанской жизни.

Въ сношеніяхъ съ князьями онъ искалъ всю жизнь миролюбія, и частыя ихъ смуты удручали его тихую душу.

Достигнувъ старости и почувствовавъ близость смерти, онъ велѣлъ вести себя черезъ весь городъ въ Спасскій монастырь.

Его поставили здѣсь въ притворѣ, и игуменъ спросилъ его: „Что пришелъ, братъ? Желаешь ли сподобиться ангельскаго образа?"

Князь поднялъ руки къ небу и сперва сказалъ: „Всею душой готовъ, Владыко и Творецъ мой, работать Тебѣ!" потомъ отвѣтилъ игумену: „Да, честный отче!"

Совершился обрядъ постриженія, и новаго инока понесли въ келью къ игумену. Тамъ весь день прощался онъ со всѣми, исповѣдалъ всенародно всѣ грѣхи и заблужденія своей жизни и простилъ всѣмъ все. Простившись съ княгинею и дѣтьми, онъ уговаривалъ ихъ исполнять его наставленія. Позднимъ вечеромъ онъ просилъ игумена облечь его въ схиму и затѣмъ выслалъ отъ себя всѣхъ, кромѣ игумена. Во время утрени онъ осѣнилъ себя знаменіемъ креста и предалъ ясный духъ свой Богу 19 сентября 1298 г.

Сыновья святого князя были наслѣдниками отцовскаго благочестія. Младшій, Константинъ, умеръ безбрачнымъ, а старшій, Давидъ, 23 года правилъ Ярославскимъ княжествомъ и умеръ въ 1321 году. Оба они положены возлѣ родителя, въ Спасскомъ монастырѣ.

Въ 1463 г. Спасскій архимандритъ обрѣлъ нетлѣнныя мощи трехъ святыхъ князей, перенесъ ихъ въ храмъ и положилъ въ одной гробницѣ. Тогда начались отъ нихъ исцѣленія и чудеса. Архіепископъ Ростовскій Трифонъ, не вѣровавшій въ ихъ святость, былъ пораженъ разслабленіемъ

всего тѣла. Но, увѣровавши, исцѣлился. Мощи свв. благовѣрныхъ князей Θеодора и чадъ его, Давида и Константина, Ярославскихъ чудотворцевъ, почиваютъ открыто въ соборномъ храмѣ Спасскаго ярославскаго монастыря, что нынѣ архіерейскій домъ.

Видъ Пскова.

Въ 1692 году при построеніи новой церкви въ бывшемъ Петровскомъ монастырѣ, усыпальницѣ древнихъ князей и княгинь Ярославскихъ, были обрѣтены мощи княгинь Ксеніи и Анастасіи и князя Михаила; полагаютъ, что это теща, сынъ и вторая супруга, княгиня Анна, въ иночествѣ Анастасія,—св. князя Θеодора Чермнаго.

Конецъ того же XIII вѣка, столь обильнаго грустными историческими событіями и святыми князьями, которыхъ Богъ посылалъ для облегченія народа, украшенъ подвигами одного изъ сѣверныхъ князей: св. Довмонта Псковскаго.

Довмонтъ, язычникъ и литовецъ, князь Нальшанскій, послѣ кровавыхъ событій въ Литвѣ, спасая жизнь, съ 300 литовскихъ семействъ бѣжалъ въ Псковъ. Здѣсь, какъ говоритъ лѣтописецъ, на него дохнула „обновляющая благодать Божія“, онъ принялъ св. крещеніе съ именемъ Тимоθея. Псковитяне посадили его на княжескомъ престолѣ и высватали ему внучку св. Александра Невскаго, княжну Марію, чтобъ связать его съ дорогимъ для нихъ родомъ.

И этотъ пришлецъ сталъ княжить въ Псковѣ, воскрешая прежнія славныя времена св. Всеволода, Мстислава и Александра. Онъ предпринялъ походъ на Литву, которая часто изъ своихъ густыхъ лѣсовъ вторгалась въ русскіе предѣлы и уводила русскихъ въ плѣнъ. Пользуясь тѣмъ, что князь Литовскій въ отсутствіи, Довмонтъ, имѣя при себѣ всего 270 воиновъ, прошелъ съ огнемъ и мечомъ по его владѣніямъ, забралъ въ плѣнъ и его жену, и семью, и толпы литовцевъ. Затѣмъ онъ выбралъ 70 лучшихъ воиновъ и перешелъ съ ними Двину, а остальнымъ велѣлъ съ добычею итти въ Псковъ. Скоро сторожевые дали знать о приближеніи литовскаго князя съ войскомъ. „Братья-псковичи, — сказалъ тогда Довмонтъ своимъ 70 воинамъ, — кто старъ изъ васъ, тотъ мнѣ отецъ. Кто молодъ, тотъ мнѣ братъ. Я знаю ваше мужество. Предъ вами жизнь и смерть. Братья мои, постоимъ за святую Троицу *)!“

Св. кн. Довмонтъ Псковскій.

Эти слова воодушевили эту отважную горсть людей. Съ 70 воинами Довмонтъ одолѣлъ 700 литовцевъ, многихъ побилъ и потопилъ въ Двинѣ. На слѣдующій годъ онъ снова ходилъ въ Литву, опустошилъ ее и убилъ князя. Такъ были смирены эти исконные враги западной русской окраины.

Еще важнѣе побѣды Довмонта надъ ливонскими рыцарями, которые, какъ было уже выше говорено, были врагами

*) Св. Троица — имя главнѣйшей святыни Пскова, Троицкаго собора — было воинственнымъ кличемъ псковитянъ, какъ имя *Софіи* (премудрости Божіей) кличемъ новгородцевъ.

особенно опасными, потому что посягали не только на области наши, но главнымъ образомъ хотѣли вооруженною рукою провести въ Россію католическую ересь, называя насъ не иначе, какъ язычниками.

Эстонскіе *) язычники издавна платили дань Новгороду, и потому, когда датчане стали заводить у нихъ свои поселки, чтобъ подчинить ихъ себѣ, много русскихъ князей въ 1268 г. собралось въ Новгородъ, чтобъ итти въ Эстонію и выгнать датчанъ. Пошелъ также со псковитянами и Довмонтъ.

Въ началѣ похода ливонскіе рыцари отрядили къ русскимъ пословъ, которые клялись, что рыцари не будутъ помогать датчанамъ, а желаютъ сохранить съ князьями миръ. Но затѣмъ и начальникъ рыцарей и епископъ дерптскій выступили на помощь датчанамъ. Между русскимъ ополченіемъ и союзными иноземцами произошла жестокая битва. Епископъ дерптскій былъ убитъ и съ нимъ около полутора тысячъ человѣкъ. Въ темнотѣ ночи рыцари обратились въ бѣгство. Новгородцы ушли домой, а Довмонтъ со псковитянами прошелъ до самаго моря, разорилъ капища эстовъ и вернулся домой, ведя съ собою множество плѣнныхъ. Вскорѣ нѣмцы тайно вступили въ псковскую область и ограбили нѣсколько селъ. Довмонтъ съ небольшимъ отрядомъ настигъ и разбилъ ихъ. Нѣкоторые скрылись на островѣ. Довмонтъ велѣлъ зажечь траву и такъ истребилъ клятвопреступниковъ.

На слѣдующій годъ, пылая местью, начальникъ ордена собралъ 18.000 войска и пошелъ на Довмонта. Онъ грозилъ сравнять Псковъ съ землею и осадилъ городъ. Убѣдившись личнымъ осмотромъ въ силѣ непріятеля, Довмонтъ осмотрѣлъ войско и пришелъ помолиться въ Троицкій соборъ. Тамъ положилъ онъ мечъ свой предъ алтаремъ, палъ на лицо и молился такъ со слезами: „Господи Боже силъ, призри на кроткихъ и смиренныхъ рабовъ Твоихъ и смири высокоуміе гордыхъ!"

Игуменъ Мирожскаго монастыря опоясалъ князя мечомъ и благословилъ на битву за вѣру и Псковъ. Довмонтъ не сталъ дожидаться новгородцевъ. Онъ ударилъ съ дружиной на нѣмцевъ, разрубилъ магистру лицо и истребилъ нѣ-

*) Эти язычники, латыши, занимали три нынѣшнія губерніи: Эстляндію, Лифляндію и Курляндію.

сколько тысячъ латинянъ. На десятый день подошли полки Новгородскіе. Нѣмцы устремились въ бѣгство, и потомъ былъ заключенъ миръ на условіяхъ, предписанныхъ Довмонтомъ.

Всѣ эти побѣды Довмонта надолго доставили покой западной нашей границѣ. Но не одними подвигами для охраненія русской земли прославился Довмонтъ. Онъ оставилъ въ Псковѣ вѣчную по себѣ память своимъ добрымъ упра-

вленіемъ. Изъ купели крещенія онъ вышелъ истиннымъ христіаниномъ и, обнажая мечъ за вѣру, въ то же время утѣшалъ своею кротостью свой народъ. Онъ судилъ право, слабыхъ не давалъ въ обиду, постоянно благотворилъ бѣдствующимъ, посѣщалъ заключенныхъ въ темницахъ, покоилъ странниковъ, любилъ духовенство и строилъ храмы. Къ себѣ былъ строгъ, смирялъ себя постомъ и чтилъ праздники.

Изъ городскихъ сооруженій Довмонта памятна построенная имъ каменная стѣна, которая до XVI вѣка называлась Довмонтовою.

Уже предъ самою кончиной ему пришлось снова отразить нѣмцевъ отъ Пскова. Въ началѣ 1299 г. ливонскіе рыцари неожиданно окружили Псковъ, грабили монастыри въ его предмѣстьяхъ, убивали безоружныхъ монаховъ, женщинъ и младенцевъ. Уже слабѣющій старецъ, но пылкій духомъ воинъ, Довмонтъ вывелъ свою малочисленную дружину и сразился съ нѣмцами на берегу Великой. Онъ смялъ нѣмцевъ въ рѣку, начальникъ ихъ былъ раненъ; Довмонтъ захватилъ множество ихъ оружія и отправилъ плѣнниковъ къ великому князю.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ князь заболѣлъ павшею на Псковъ заразительною болѣзнью и 20 мая 1299 г. скончался. Народъ горько плакалъ, погребая въ соборѣ св. Троицы тѣло любимаго князя. 33 года вѣрно трудился онъ „за святую Троицу" и возвеличилъ призрѣвшій его городъ.

Псковъ вѣрилъ, что мужественный и праведный князь получилъ дерзновеніе у престола Божія за свой народъ. Псковитяне молились ему передъ битвами, въ 1374 году построили ему храмъ. Когда въ 1480 г. сто тысячъ нѣмцевъ осадило Псковъ, св. Довмонтъ явился во снѣ одному благочестивому человѣку и сказалъ ему: „Возьмите покровъ гроба моего, трижды обнесите вокругъ города съ крестнымъ ходомъ, молитесь и не бойтесь". Псковитяне исполнили повелѣніе св. князя, вступили смѣло въ бой и заставили нѣмцевъ снять осаду.

У дубовой гробницы, стоящей въ верхней церкви въ придѣлѣ св. князя Всеволода—Троицкаго Псковскаго собора, хранится древняя его икона и виситъ его мечъ. Псковитяне особенно уважали этотъ такъ долго и славно оборонявшій ихъ мечъ, вручали его князьямъ, возводя ихъ во св. Троицѣ на княженіе. Онъ размѣрами меньше и не такъ изящно отдѣланъ, какъ мечъ св. Всеволода. Оба меча носятъ во время крестныхъ ходовъ.

Супруга благовѣрнаго князя Довмонта, внучка св. Александра Невскаго, блаженная княгиня Марія, лишь на годъ пережила супруга и почила, принявъ иночество съ именемъ

Маρѳы. Она погребена въ Предтеченскомъ храмѣ монастыря того же имени. Память ея мѣстно чтится 6 ноября, и въ рукописныхъ святцахъ она показана въ числѣ святыхъ.

На чудотворной Мирожской иконѣ Богоматери, прославленной въ 1567 году, изображены молящимися: по правую руку Богоматери -- св. Довмонтъ, а по лѣвую — блаженная княгиня Марія.

Послѣднею чистою жертвой, замученною татарами, отошелъ св. великій князь Михаилъ Ярославичъ, тверской чудотворецъ.

Св. Михаилъ всю жизнь особенно почиталъ свою мать, княгиню Ксенію, умную и добродѣтельную, которою былъ воспитанъ. Есть преданіе, что она была помолвлена за отрока княжескаго Григорія, какъ ее увидалъ князь Ярославъ и женился на ней, а Григорій отрекся отъ міра и основалъ близъ Твери Отрочь монастырь. Благочестивая княгиня Ксенія почила незадолго до сына въ 1312 г., принявъ постриженіе. Она погребена въ тверскомъ соборѣ. Въ его ризницѣ хранится древній образъ св. Михаила и блаженной матери его Ксеніи; они держатъ руками городъ. Твеританe чтутъ память княгини Ксеніи, какъ молитвенницы за родину.

Выросши подъ руководствомъ благочестивой матери, св. Михаилъ всю жизнь остался вѣренъ своему воспитанію, и стремленіе покоить землю даже цѣною уступокъ всегда руководило имъ.

Вступая по праву старшинства на престолъ великокняжескій, Михаилъ долженъ былъ вынести борьбу съ племянникомъ, Георгіемъ Московскимъ; наконецъ, онъ получилъ утвердительную ханскую грамоту.

Три года Георгій, живя въ ордѣ, искалъ у ордынскихъ вельможъ, дарилъ ихъ; наконецъ, угодилъ новому хану Узбеку, который выдалъ за него любимую сестру, Кончаку (въ крещеніи Агаѳію), объявилъ его великимъ княземъ и далъ войско. Тогда недостойный Георгій съ татарами и ихъ воеводою Кавгадыемъ пошелъ на Тверь.

Михаилъ отправилъ къ племяннику пословъ, говоря: „Если то угодно царю — будь великимъ княземъ, но оставь меня спокойно княжить въ моемъ удѣлѣ. Иди во Владиміръ и отпусти войско“.

Георгій вмѣсто отвѣта принялся опустошать Тверское княжество. Угнетаемый Михаилъ созвалъ тогда на совѣтъ епископа и бояръ.

— Судите, — сказалъ онъ, — меня съ племянникомъ. Я отдалъ великое княжество Георгію, а онъ посягаетъ на голову мою и терзаетъ мой наслѣдственный удѣлъ. Кто изъ насъ виноватъ?

— Ты правъ передъ Богомъ, государь,—отвѣчали всѣ.— Возьми мечъ и иди на врага. Съ тобою Богъ и вѣрные слуги, готовые умереть за тебя!

— Не за меня одного,—сказалъ князь,—но за множество невинныхъ людей, лишаемыхъ крова, свободы и жизни. Вспомните слово евангельское: „Кто положитъ душу свою за други, той великъ наречется. Да будетъ вамъ слово Господне во спасеніе!“

Мужественно встрѣтилъ Михаилъ въ 40 верстахъ отъ Твери полки Георгія, соединенные съ татарами и мордвою. Во время битвы Михаилъ, казалось, искалъ смерти: шлемъ его и латы были всѣ изсѣчены и прострѣлены, но онъ остался цѣлъ и невредимъ, отражалъ непріятеля и, наконецъ, погналъ его. Эта побѣда спасла множество жителей Тверской области, взятыхъ въ плѣнъ татарами. Они во время сраженія молились за исходъ битвы и, видя торжество князя, плакали отъ радости. Вмѣстѣ съ другими плѣнниками Михаилъ захватилъ жену Георгія и военачальника Кавгадыя. Угостивъ Кавгадыя, Михаилъ обласкалъ его и отпустилъ къ хану. Тотъ лицемѣрно клялся ему въ дружбѣ. Къ несчастію, жена Георгія скоро умерла, и враги Михаила распустили слухъ, что она отравлена.

Зная свою правоту, Михаилъ послѣ отъѣзда Кавгадыя предложилъ Георгію ѣхать съ нимъ въ орду на судъ, а пока спокойно занимался дѣлами княженія. Въ это время Георгій поспѣшилъ предупредить дядю въ ордѣ и очернилъ его предъ ханомъ.

Наконецъ, собрался ѣхать и Михаилъ. Принялъ онъ благословеніе отъ епископа, перекрестилъ дѣтей и отправился въ путь. Добрая супруга его, княгиня Анна, провожала его часть пути. На мѣстѣ разлуки Михаилъ исповѣдывался своему духовнику.

Мученическая кончина въ Ордѣ князя Михаила Тверского.

— Можетъ-быть, — говорилъ онъ, — послѣдній разъ открываю тебѣ мою душу. Я всегда любилъ отечество, но не могъ прекратить нашихъ злобныхъ междоусобій. По крайней мѣрѣ, буду доволенъ, если хоть моя смерть успокоитъ Русь.

Во Владимірѣ посолъ хана объявилъ князю его гнѣвъ. Бояре совѣтовали Михаилу остановиться; сыновья молили послать за себя кого-нибудь изъ нихъ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ князь: — ханъ требуетъ меня, а не васъ. Подвергну ли отечество новой бѣдѣ? Можемъ ли бороться съ ихъ силой? За мое ослушаніе падетъ множество христіанъ. Мнѣ и тогда придется умереть. Не лучше ли умереть теперь, когда погибелью моею я еще могу спасти другихъ?

Михаилъ написалъ завѣщаніе, распредѣлилъ удѣлы между сыновьями, далъ имъ отеческое наставленіе, какъ жить добродѣтельно, и простился съ ними навсегда.

Михаилъ нашелъ Узбека на берегу Азовскаго моря, у устьевъ Дона, вручилъ ему дары и шесть недѣль жилъ въ Ордѣ спокойно. Вдругъ ханъ приказалъ разсудить его съ Георгіемъ. Въ числѣ судей были Кавгадый и ханскіе вельможи, подкупленные Георгіемъ.

Его осудили, взведя неправильныя вины—между прочимъ отравленіе ордынской царевны, — удалили отъ него вѣрныхъ слугъ и наложили на него колодку.

Ханъ Узбекъ отправлялся на звѣриную ловлю. За нимъ тронулась вся орда. Повлекли вслѣдъ и Михаила. Обремененный цѣпями и тяжелой колодкой, онъ терпѣлъ твердо униженіе и муку, готовился къ смерти, нѣсколько разъ пріобщался, бесѣдовалъ о будущей жизни съ находившимися при немъ игуменомъ и двумя священниками. Ночи онъ проводилъ въ молитвѣ и чтеніи псалмовъ Давидовыхъ по книгѣ, которую отрокъ княжескій держалъ и перевертывалъ въ ней листы. Нѣсколько разъ предлагали ему бѣгство; были наготовѣ и быстрые кони, и проводники.

Князь же отвѣчалъ:

— Не дай Богъ и думать о томъ. Своимъ спасеніемъ подвергнуть бѣдѣ мой народъ!.. Да будетъ воля Божія.

За Терекомъ, у Дербента, Узбекъ подтвердилъ смертный приговоръ Михаилу.

Страстотерпецъ не ужаснулся смерти. Онъ отслушалъ утреню, благословилъ бывшаго при немъ сына и пересказалъ ему послѣдній завѣтъ для супруги, дѣтей и братьевъ. Окончивъ земныя дѣла, онъ велѣлъ подать псалтирь и произнесъ:

„Прискорбна душа моя до смерти!“

Разогнувъ псалтирь, онъ прочелъ раскрывшіяся слова:

„Сердце мое смятеся во мнѣ, и боязнь смерти нападе на мя!“

Содрогнулась душа князя. Игуменъ сказалъ ему тогда:

— Въ томъ же псалмѣ сказано: „Возверзи на Господа печаль твою!“

И князь договорилъ великія слова—слова стремленія вѣрующей души къ вѣчному Богу:

„Кто дастъ ми крылѣ яко голубинѣ, и полещу, и почію?“—и онъ закрылъ книгу.

Въ это время въ ставку вбѣжалъ блѣдный дрожащій отрокъ княжескій, съ вѣстью, что князь Георгій и Кавгадый съ толпою народа приближаются къ ставкѣ.

— Вѣдаю для чего! — спокойно произнесъ князь и послалъ юнаго сына къ женѣ Узбековой съ просьбой сберечь его.

Георгій и Кавгадый остановились па площади, близъ шатра, разогнали всѣхъ людей княжескихъ и послали въ шатеръ убійцъ. Михаилъ стоялъ одинъ на молитвѣ. Убійцы повергли его на землю, истязали, топтали погами. Наконецъ, одинъ изъ нихъ вонзилъ ему ножъ въ ребра и вырѣзалъ сердце. Тѣло князя лежало нагое, пока народъ, по-татарскому обычаю, грабилъ имущество убитаго. Только Кавгадый сумрачно напомнилъ Георгію:

Св. кн. Михаилъ Тверской.

— Онъ твой дядя. Оставишь ли трупъ его на поруганіе?

Тогда Георгій приказалъ слугѣ покрыть князя. Мученическій подвигъ святого князя совершился 22 ноября 1319 г.

Тѣло Михаила было сначала погребено въ Москвѣ, потомъ, по просьбѣ вдовы и сыновей князя, Георгій отпустилъ гробъ въ Тверь. На берегу Волги вдовствующая княгиня Анна съ сыновьями, народъ и духовенство встрѣчали тѣло. Когда подняли крышку гроба,—увидѣли тѣло нетлѣннымъ, нисколько не поврежденнымъ ни дальнимъ путемъ, ни пятимѣсячнымъ пребываніемъ въ могилѣ. Мощи предали землѣ въ соборномъ храмѣ, гдѣ въ 1765 году онѣ снова обрѣтены нетлѣнными и поставлены тогда открыто. Старинный подлинникъ изображаетъ св. князя съ большою бородой, въ волосахъ съ просѣдью. На головѣ шапка, въ провой рукѣ крестъ, въ лѣвой мечъ въ ножнахъ.

Современники высоко чтили память св. Михаила, его великодушіе и терпѣніе въ бѣдствіяхъ; особенно же жалѣли о немъ тверитяне, потерявшіе въ немъ отца.

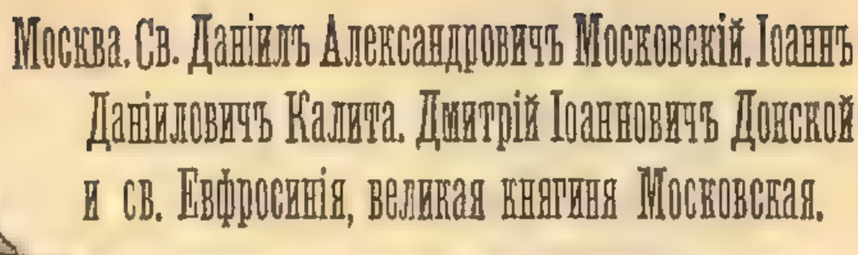
Убійцы Михаила понесли отъ Бога заслуженную кару. Кавгадый вскорѣ погибъ внезапно. А чрезъ шесть лѣтъ по убіеніи св. Михаила старшій сынъ его, Димитрій, по прозванію „Грозныя очи“ встрѣтилъ князя Георгія въ Ордѣ, затрепеталъ отъ ужаса и гнѣва и вонзилъ по рукоятку свой мечъ въ грудь Георгія на глазахъ хана. Георгій тутъ же умеръ, а Димитрій былъ казненъ.

Наравнѣ съ памятью матери св. Михаила, блаж. княгини Ксеніи, почитается въ Тверской области память и супруги его.

Блаж. княгиня Анна Дмитріевна пробыла 25 лѣтъ въ супружествѣ. Послѣ страданія св. Михаила, она съ именемъ Софіи приняла постриженіе въ тверскомъ Софійскомъ монастырѣ, и жила то въ Твери, то въ Кашинѣ, гдѣ и почила 2 сентября 1338 года. Ея тѣло почиваетъ въ Кашинскомъ соборѣ.

XVII.

Москва. Св. Даніилъ Александровичъ Московскій. Іоаннъ Даніиловичъ Калита. Дмитрій Іоанновичъ Донской и св. Евфросинія, великая княгиня Московская.

овольно говорить о безотрадныхъ дняхъ.

Отъ тягостныхъ временъ татарщины, отъ исчисленія князей-страстотерпцевъ, отъ описанія жертвъ, понесенныхъ за родную землю ея правителями въ безотрадные дни ига пора

Гербъ Москвы.

перейти къ инымъ временамъ, озареннымъ занимающимся сіяніемъ новой владычицы земли Русской — Москвы.

Въ грозномъ испытаніи ига закаливъ русскій народъ, единствомъ пережитаго бѣдствія пріучивъ отдѣльныя княжества больше, чѣмъ прежде, чувствовать общность судьбы для всѣхъ составлявшихъ Русь частей, развивъ въ народѣ драгоцѣнныя свойства смиренія и терпѣнія — Господь постепенно подготовлялъ избавленіе русской земли и образовывалъ силу, которая должна была послужить орудіемъ такого избавленія.

То была Москва.

Главою Руси надлежало стать совершенно новому городу, который именно вслѣдствіе условій своего развитія, вслѣдствіе того, что самъ онъ выросъ подъ игомъ, и могъ совершить нужную работу для освобожденія отъ ига.

Москва представляетъ удивительную противоположность Кіеву въ томъ именно, что сгубило Кіевъ и Кіевскую Русь.

Какъ Кіевъ былъ весь — порывъ: своеволіе и разногласіе князей, господство личныхъ расчетовъ, неповиновеніе духовнымъ наставникамъ; такъ Москва вся — сосредоточіе, покорность разъ принятому направленію, которому безусловно подчинялись всѣ московскіе князья, и удивительное согласіе мірской власти съ совѣтами духовныхъ пастырей.

Величіе Москвы основано даже на *послушаніи*, на исполненіи Іоанномъ Калитою слова Петра митрополита, и это послушаніе продолжалось и дальше, когда московскіе великіе князья трудились при благословеніи и непрестанныхъ совѣтахъ святителей Петра, Ѳеогноста, Алексія, Кипріана Фотія, Іоны, которыхъ имена нераздѣльно соединены съ именами современныхъ имъ московскихъ государей.

И это сознательное исканіе московскими князьями въ ихъ дѣлѣ помощи и благословенія Божія придало дѣлу Москвы

особое духовное величіе. Оно освятило въ глазахъ народа и это дѣло и этотъ городъ, ставшій на пророчествахъ, подвятый преемственнымъ рядомъ святыхъ князей и святыхъ митрополитовъ. А вѣра тѣхъ и другихъ, и народа въ высокое призваніе Москвы вызывала великія чудеса Божіи на помощь въ историческихъ несчастіяхъ Москвы.

И въ этой суровой, ничѣмъ не отвлекаемой и изъ поколѣнія въ поколѣніе сознательно преемственной работѣ возвысилась Москва и совершила волею Бога свое назначеніе.

Величайшій подвижникъ русскаго дѣла въ безотрадный вѣкъ ига, св. Александръ Невскій, умирая, оставилъ Россіи то сѣмя, отъ котораго поднялся и процвѣлъ корень московскихъ князей. Какое-то особенное значеніе чувствуется въ младенцѣ-князѣ, младшемъ сынѣ великаго Александра, который становится первымъ московскимъ святымъ и родоначальникомъ благовѣрныхъ великихъ князей московскихъ.

Чрезвычайна судьба Даніила. Онъ остался послѣ отца двухлѣтнимъ и, хотя не успѣлъ воспользоваться его наставленіями, однако, изо всѣхъ своихъ братьевъ одинъ усвоилъ его благочестіе и за то, какъ говоритъ лѣтописецъ, Богъ возлюбилъ и избралъ его.

Въ то самое время, когда и у взрослыхъ, сильныхъ князей другіе отнимали удѣлы, никто не нападалъ на незначи-

тельный удѣлъ младенца-князя съ ничтожнымъ городомъ Москвою. Выросши, онъ постарался мирнымъ способомъ безъ насилія увеличить свой удѣлъ — и, хотя и вовлекаемый въ междоусобія князей, держалъ себя умѣренно, бережа совѣсть, ища утолять ссоры любовью. Мужественный духомъ, храбрый въ бою, онъ только изъ крайней необходимости для обороны отъ враговъ брался за мечъ. И всѣ добрыя качества его тихой души еще на землѣ получили награду.

У него былъ племянникъ Іоаннъ Дмитріевичъ очень съ нимъ дружный, владѣвшій весьма значительнымъ въ то время и важнымъ Переяславскимъ удѣломъ. Умирая бездѣтнымъ, онъ отказалъ свой удѣлъ дядѣ.

Тогда народъ, видя, какъ самъ Богъ заботится о кроткомъ Даніилѣ, прозвалъ его „Богоснабдимымъ".

Сліяніе Москвы съ Переяславомъ было первымъ крупнымъ шагомъ къ росту Московскаго княжества.

Даніилъ кончилъ жизнь, какъ велъ ее, въ подвигахъ благочестія. На берегу рѣки Москвы онъ построилъ деревянную церковь во имя своего ангела, при ней монастырь, и постригся здѣсь въ схиму. Онъ преставился 4 марта 1303 г. смиренно завѣщавъ положить себя не въ церкви, а на монастырскомъ кладбищѣ. Онъ же построилъ храмы во имя Преображенія (что нынѣ Спасъ на Бору) и Михаила архангела (Архангельскій соборъ)—въ нынѣшнемъ кремлѣ.

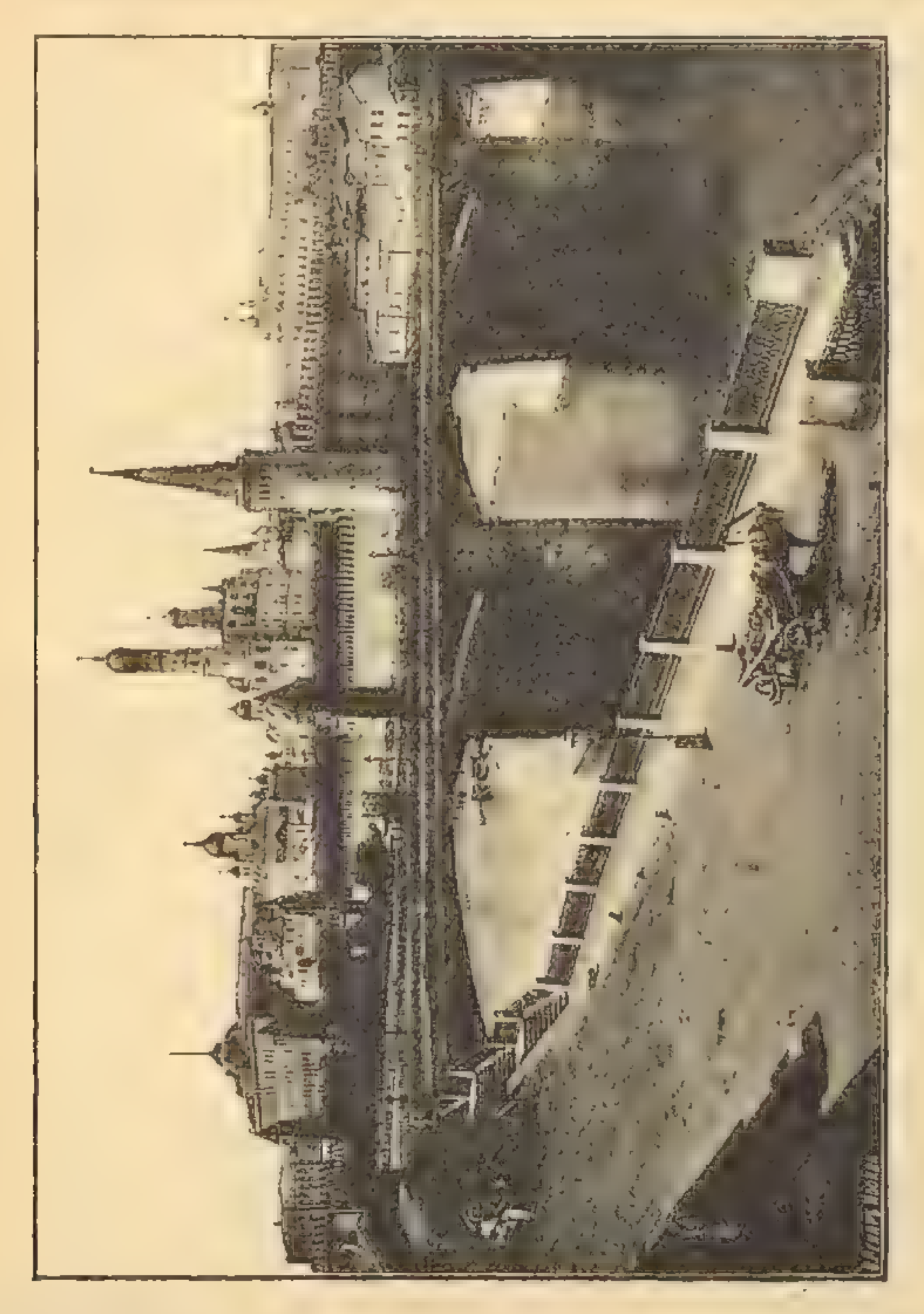
Въ первое время послѣ князя Даніила монастырь существовалъ, но потомъ запустѣлъ, и осталось одно сельцо Даниловское съ деревянною церковью.

При великомъ князѣ Іоаннѣ III одинъ бояринъ ѣхалъ мимо этого мѣста, какъ явился ему неизвѣстный мужъ и сказалъ:

„Не бойся меня: я христіанинъ и господинъ сего мѣста. Имя мое Даніилъ, князь Московскій. Скажи отъ меня Іоанну: самъ ты тѣшишь себя, а меня забылъ. Но не забылъ меня Богъ мой".

При сынѣ Іоанна, Василіи III, послѣдовало новое знаменіе: бояринъ князь Шуйскій, сходя съ лошади, наступилъ ногой на могилу князя, и тутъ же былъ наказанъ паденіемъ. Онъ понялъ свое неуваженіе къ святому мѣсту и потомъ часто ходилъ сюда пѣть панихиды. При Іоаннѣ Грозномъ

исцѣлился у гроба св. Даніила сынъ коломенскаго купца, и тогда учрежденъ крестный ходъ для совершенія панихиды по князѣ-схимникѣ, и возобновленъ на царское пожалованье

Московскій Кремль.

монастырь. Въ 1652 г. обрѣтены нетлѣнными мощи св. князя Даніила.

Къ сожалѣнію, должно сказать, что Москва недостаточно помнитъ первоначальника своей славы, понынѣ заслуживая

упрека, выраженнаго святымъ княземъ Іоанну III, если не наказанія, павшаго на Шуйскаго.

Въ 1328 г. сынъ Даніила Іоаннъ Даніиловичъ сталъ великимъ княземъ.

Онъ былъ первый московскій князь, восшедшій на престолъ великокняжескій и оставшійся навсегда жить въ Москвѣ, прикрѣпивъ къ Москвѣ такимъ образомъ этотъ престолъ. Еще чрезвычайное событіе возвеличило при немъ Москву: перенесеніе сюда изъ Владиміра каѳедры митрополичьей.

Святитель Петръ, неутомимый поборникъ Церкви и родины, часто навѣщалъ въ Москвѣ Іоанна и оцѣнилъ и доброту и способности его и, по внушенію Божію, св. Петръ переселился въ Москву и сказалъ пророчественное слово Іоанну:

„Если ты успокоишь мою старость и воздвигнешь здѣсь храмъ достойный Богоматери, то прославишься больше всѣхъ иныхъ князей, и родъ твой возвеличится; кости мои останутся въ семъ градѣ. Святители захотятъ обитать въ немъ, и руки его взыдутъ на плеща враговъ нашихъ“.

Исполняя волю великаго старца, Іоаннъ въ 1326 г., 4 августа, заложилъ первую въ Москвѣ каменную церковь во имя Успенія Богоматери, гдѣ своими руками св. Петръ устроилъ себѣ каменный гробъ, въ которомъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ и положили его. Преемникъ св. Петра, а за нимъ и слѣдующіе митрополиты оставались въ Москвѣ.

Іоанна Даніиловича не было при кончинѣ св. Петра, и святитель оставилъ ему такія прощальныя слова:

„Оставляю сыну моему, возлюбленному князю Ивану, миръ и благословеніе отъ Бога и сѣмени его до вѣка. За то, что сынъ мой успокоилъ меня въ старости, воздастъ ему Господь сторицею въ мірѣ семъ и даруетъ ему животъ вѣчный, и не оскудѣютъ отъ сѣмени его обладающіе мѣстомъ его, и память его прославится“.

Святитель Петръ зажегъ такую свѣчу, огонь которой заботливо поддерживали жившіе послѣ него князья и святители. Этимъ огнемъ горѣла жизнь великихъ труженниковъ московскаго государственнаго дѣла, на этотъ огонь собралась къ Москвѣ русская земля предъ Куликовымъ полемъ; ея

Св. Петръ благословляетъ князя Іоанна Даніиловича.

пламенемъ горѣли сердца незабвенныхъ бойцовъ того дня. А огонь, возженный отъ святителя Петра — была вѣра въ Божье къ Москвѣ милосердіе, вѣра въ будущее Россіи, и въ назначенное ей величіе.

И началось съ того дня государственное возрожденіе Россіи; стала созрѣвать въ городкѣ, дотолѣ маловажномъ, мысль спасительнаго единодержавія, скоплялась мужественная воля порвать узы ханскія, подготовились средства къ независимости Россіи.

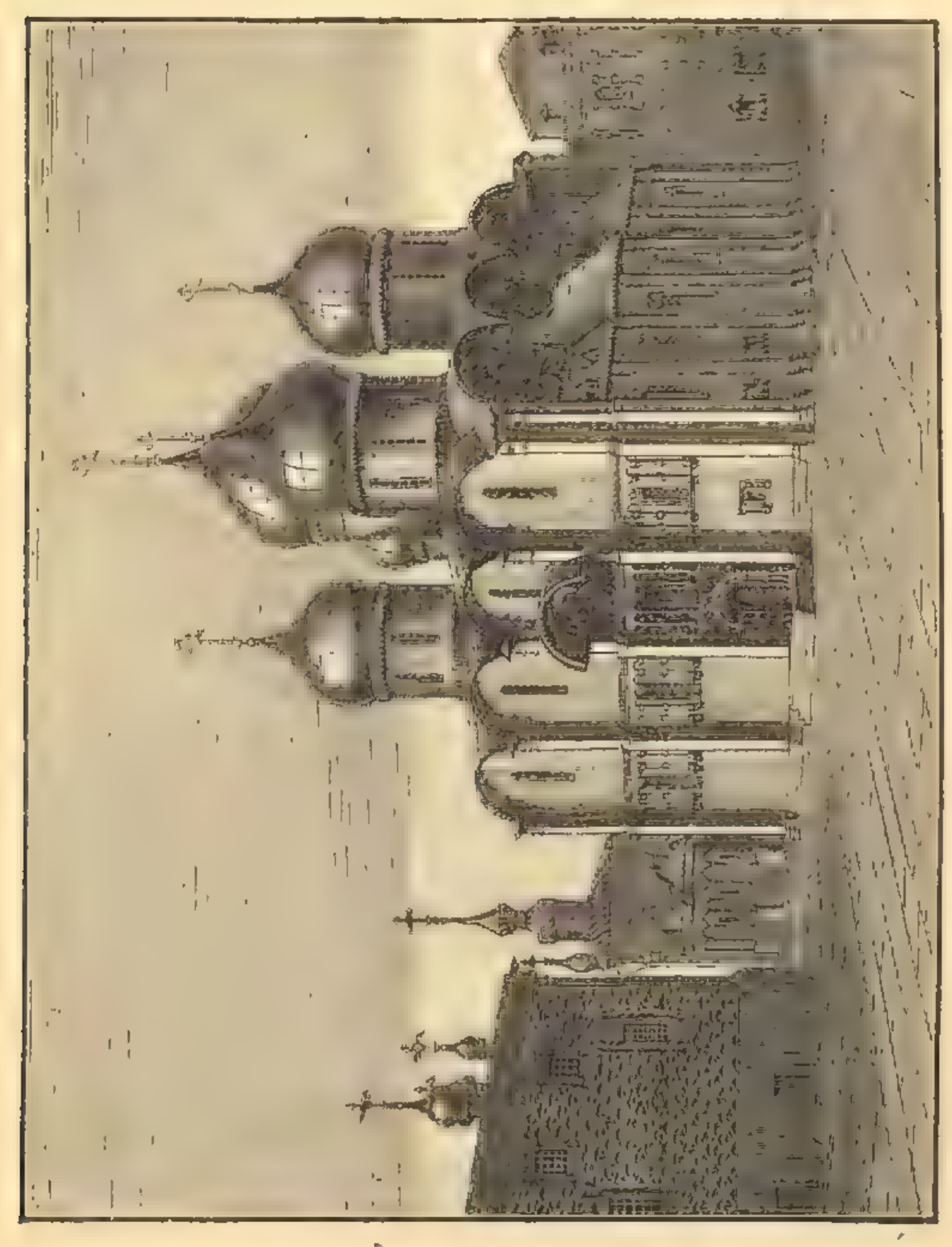
Въ высшей степени умѣло обращаясь съ татарами, Іоаннъ частыми путешествіями въ Орду покоилъ русскую землю. При немъ миръ и тишина воцарились въ сѣверной Россіи, христіане на сорокъ лѣтъ опочили отъ истомы и долговременныхъ насилій. Земледѣльцы могли спокойно обрабатывать нивы, купцы торговать, а бояре жить въ избыткѣ. Прекрасный хозяинъ, Іоаннъ покупалъ или вымѣнивалъ новыя владѣнія и расширялъ княжество, а прочихъ князей держалъ въ повиновеніи. Одно лишь было на немъ пятно: борьба съ княземъ Александромъ Тверскимъ, закончившаяся мученіемъ Александра въ Ордѣ.

Потомство дало Іоанну имя Собирателя земли Русской, современники звали его государемъ-отцомъ. Онъ берегъ русскую кровь, освободилъ великое княженіе отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ; далъ гражданамъ безопасность, истребилъ разбои и былъ правосуденъ. Жители другихъ русскихъ областей завидовали устройству и тихой жизни въ областяхъ Іоанна.

Расположеніе къ Іоанну, какъ къ правителю, усиливалось любовью къ нему, какъ къ человѣку. Глубоко набожный, усердный въ возведеніи храмовъ (Успенскій, Архангельскій соборы, Спасъ на Бору и другіе), мягкій въ обращеніи, милосердный къ нищимъ, домовитый, добрый строитель и хозяинъ: таковъ былъ Іоаннъ. Онъ всегда носилъ съ собою мѣшокъ или *калиту* съ деньгами для бѣдныхъ. Поэтому и извѣстенъ онъ въ потомствѣ подъ именемъ Іоанна *Калиты*.

Онъ скончался далеко не старымъ, 31 марта 1340 г., и погребенъ въ возведенномъ имъ Архангельскомъ соборѣ.

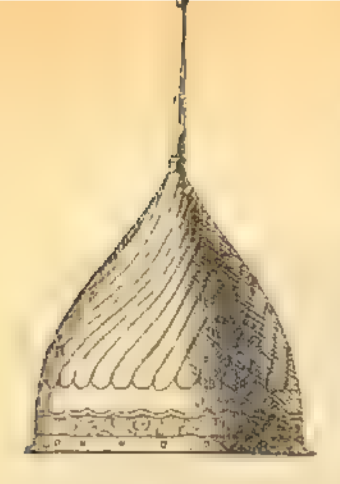
Есть трогательное сказаніе о грѣющемъ отношеніи Іоанна Калиты къ бѣднымъ. И именно эта черта его такъ и привлекала къ нему любовь народа.

Успенскій соборъ.

Одинъ нищій только-что получилъ отъ князя милостыню и сейчасъ же подошелъ опять и взялъ еще. Потомъ онъ зашелъ сзади и сталъ опять просить. Князь безъ задержки подалъ ему и въ третій разъ, только промолвилъ:

— Возьми, несытыя зѣницы.

— Ты самъ пресытися зѣпицы,— быстро отвѣтилъ нищій,— и здѣсь царствуешь и тамъ хочешь вѣчно царствовать.

То же преданіе говоритъ, что кто-то въ видѣніи видѣлъ Іоанна въ раю. Въ рукописныхъ святцахъ онъ поставленъ въ числѣ святыхъ.

Въ концѣ XIV вѣка назначено было Руси выступить на рѣшительный и побѣдоносный бой съ татарами.

Мудрыя дѣйствія московскихъ князей настолько усилили Русь, что возможнымъ стало думать о борьбѣ, и на нее рѣшился внукъ Калиты, великій князь Димитрій Іоанновичъ.

Оставшись послѣ отца своего по девятому году, онъ былъ воспитанъ подъ непосредственнымъ руководствомъ великаго и незабвеннаго святителя Алексія, государственной дѣятельности котораго Россія обязана вѣчною благодарностью.

Происходя изъ знатнаго боярскаго рода, крестникъ Калиты, онъ въ юныхъ лѣтахъ оставилъ міръ, и пышно расцвѣли душевныя его силы въ подвигахъ иночества. Въ санѣ митрополита онъ чудесно исцѣлилъ ослѣпшую жену хана, и когда новый ханъ обнаружилъ враждебныя намѣренія противъ Русской земли, св. Алексій взялъ на себя укротить его жестокость, опять поѣхалъ въ Орду и съ помощью благодарной ему ханши-матери утолилъ губительный для Россіи гнѣвъ. Среди той торжественной встрѣчи, которую устроили святителю въ Москвѣ, выдѣлился поступокъ восьмилѣтняго Димитрія. Расплакавшись отъ умиленія, онъ воскликнулъ съ силою, необыкновенною для его возраста:

— О владыко! ты даровалъ намъ *житіе мирное*: чѣмъ изъявимъ тебѣ свою признательность?

Двѣнадцати лѣтъ занялъ Димитрій престолъ великокняжескій, и, именно, руководительство святителя Алексія давало Руси то спокойствіе, въ которомъ она могла собраться съ нужными силами.

Въ 1380 году, послѣ разныхъ недоразумѣній съ ханомъ Мамаемъ, Димитрій рѣшился вступить съ нимъ въ открытую

Благословеніе Димитрія Донского преп. Сергіемъ.

борьбу, и, помолясь, разослалъ гонцовъ по всѣмъ областямъ великаго княженія, чтобъ немедленно сходились къ Москвѣ ратные люди.

Великъ былъ этотъ день, когда взросшій средь старыхъ воспоминаній о Батыѣ, о Калкѣ, о Сити, о цѣлой нескончаемой кровавой цѣпи князей-мучениковъ, Дмитрій рѣшилъ кликнуть кличъ къ Руси для боя и свободы.

И та Русь, которую онъ звалъ теперь, не была раздробленная, междоусобная Кіевская Русь далекихъ дней; Московская Русь поднялась по его слову, какъ одинъ человѣкъ.

Безконечною вереницею вступали въ кремль спѣшившіе отъ всѣхъ сторонъ дружины; ихъ выслали изъ Ростова, Бѣлозерска, Ярославля, Владиміра, Суздаля, Переяславля, Костромы, Мурома, Дмитрова, Можайска, Углича, Серпухова. Стукъ оружія не умолкалъ въ Москвѣ, и народъ съ умиленіемъ смотрѣлъ на воиновъ, готовыхъ умереть за свободу родины и за святую вѣру. Настало точно пробужденіе отъ долгаго сна. Ужасъ имени татаръ словно исчезъ. Никогда, казалось, государь не обнажалъ меча при такомъ единодушномъ сочувствіи народа.

Пока сильные вооружались, слабые, женщины и дѣти молились, и первою изъ нихъ была любящая и благочестивая великая княгиня. Преп. Сергій игуменъ, къ которому пошелъ Димитрій за благословеніемъ, предсказалъ ему уцѣлѣніе въ битвѣ и полную побѣду, съ большою потерею убитыми.

Духовенство съ крестами и чудотворными иконами собралось вмѣстѣ съ оставшимся въ Москвѣ народомъ проводить ополченіе. Великій князь молился надъ прахомъ предковъ. Онъ сдержалъ слезы, прощаясь предъ народомъ съ супругой, и лишь сказалъ:

— Богъ нашъ заступникъ!

Колокола гудѣли, народъ стремился за ополченіемъ крича пожеланія побѣды. Тихое и ясное утро казалось предзнаменованіемъ ея.

. . . .

Насталъ день 8 сентября. По всей Руси народъ не выходилъ изъ храмовъ, прикованный душою къ великому русскому ополченію.

И оно стояло на полѣ Куликовскомъ, многочисленное какъ не бывало никогда въ славнѣйшія времена свободы,— 150 бодрыхъ тысячъ, покорныхъ одной государевой волѣ, вдохновленныхъ одной вѣрой святой. Въ прозрачномъ осен-

немъ воздухѣ солнце озаряло необозримые русскіе ряды, безчисленныя знамена развѣвались по легкому вѣтру, блестѣли доспѣхи и оружіе, и неслись перекатомъ клики:

— Боже, даруй побѣду!

И видѣлъ все это съ высокаго холма славный Димитрій. Воскресли въ немъ и дѣтскія мечты и затаенныя давнія надежды, которымъ время было воплотиться. И онъ смотрѣлъ въ сосредоточіи на этихъ людей, зная, что сейчасъ придетъ смерть ко множеству изъ этихъ лучшихъ сыновъ, какихъ выслала сюда на судъ Божій русская земля. Вспомнилъ онъ лежащую за ними, замирающую въ страхѣ и надеждѣ родину; помянулъ прежнія времена, и въ одно мгновеніе промчалась предъ нимъ вся страдная жизнь этой земли, столько разъ истерзанной, поднялись окровавленныя тѣни

предковъ, застонали тяжелымъ стономъ давнія могилы. И вспомнились мудрые совѣты ведшаго Русь къ волѣ святителя Алексія и пророчество игумена Сергія. Все вспомнилъ онъ. И зналъ онъ, что въ тотъ часъ за себя молится неумолчной могучей молитвой вся русская земля. А яркое солнце сіяло надъ полемъ и надъ великимъ ополченіемъ земли русской, искавшей здѣсь суда Божія.

Умилился Димитрій духомъ, палъ на колѣни и простеръ руки къ золотому лику Спаса, сіявшему вдали на черномъ великокняжескомъ знамени. Помолился въ послѣдній разъ за Россію.

И Богъ услышалъ его.

Намъ не понять теперь, тѣмъ менѣе выразить, чѣмъ была для Россіи вѣсть объ одолѣніи татаръ въ великой Куликовской битвѣ: чудная вѣсть свободы и славы.

Когда въ 1389 г., едва достигнувъ сорока лѣтъ, Димитрій преставился, то скорбь по немъ народа была безмѣрна. Стоны и вопли долго не смолкали при дворѣ и на улицахъ Никто изъ потомковъ Владиміра Святого, кромѣ Мономаха и Александра Невскаго, не былъ такъ любимъ и боярами и народомъ за великодушіе, любовь ко славѣ Руси, справедливость, ласку, добросердечіе. Силою быстраго разума, качествами твердаго нрава онъ заслужилъ отъ современниковъ прозвище *орла высокопарнаго*. Словомъ и примѣромъ вдыхалъ онъ мужество въ сердца воиновъ и, младенецъ незлобіемъ, умѣлъ, однако, твердо карать злодѣевъ. Особенно поражала современниковъ его умѣренность въ счастьи. Не было дотолѣ побѣды на Руси болѣе славной, чѣмъ Донская; а Димитрій на хвалу народа опускалъ очи къ землѣ, относя всю славу всемогущему Богу.

Чистый душою, хранилъ до конца дней дѣвическую стыдливость. Съ горячею ревностью привязанный къ Церкви, онъ ежедневно ходилъ въ храмъ, часто пріобщался и, смиряя плоть, носилъ власяницу на голомъ тѣлѣ.

Таковъ былъ тотъ, чья великая душа услышала въ Русской землѣ біеніе народившейся народной силы и кто первый сокрушилъ долговременныя узы.

Надъ гробницею Димитрія въ Архангельскомъ соборѣ неоднократно зажигались свѣчи, и въ рукописныхъ святцахъ онъ вписанъ въ число святыхъ.

Вмѣстѣ съ благовѣрнымъ великимъ княземъ Димитріемъ Іоанновичемъ Донскимъ свѣтила народу московскому его благочестивая княгиня.

Дочь князя суздальскаго, Евдокія Димитріевна провела дѣтство отчасти въ Суздалѣ, отчасти въ Переяславлѣ, и 18 января 1367 г. въ Коломнѣ обвѣнчана съ весьма юнымъ великимъ княземъ Димитріемъ.

Въ молодой жизни своей супруги, казалось, соперничаютъ въ добродѣтеляхъ: милосердіи, чистотѣ, ночной молитвѣ. Это настроеніе ихъ поддерживалъ считавшійся какъ бы отцомъ ихъ святитель Алексій и духовникъ ихъ, св. Ѳеодоръ Симоновскій; великій Сергій преподобный былъ крестнымъ отцомъ ихъ дѣтей. Когда настала борьба съ Мамаемъ, великая княгиня поддерживала супруга въ его намѣреніяхъ,

съ твердостью проводила его на страшный бой и денно-нощными молитвами помогала общему дѣлу. Въ память побѣды воздвигла она въ Кремлѣ каменную церковь Рождества Богородицы; много построила и другихъ храмовъ. Умирая, Димитрій наказывалъ дѣтямъ слушать во всемъ мать, и изъ завѣщанія его видно, какъ онъ чтилъ свою супругу.

Въ раннемъ вдовствѣ своемъ она усилила подвигъ благочестія. Но, насколько любила она добродѣтель, настолько же ненавидѣла ея личину, и искусно скрывала высокую свою жизнь. Изнуряя тѣло постами, она хотѣла казаться тучною; носила на себѣ нѣсколько одеждъ, украшала себя драгоцѣнными каменьями, вездѣ являлась съ лицомъ веселымъ и радовалась, слыша, что злословіе представляетъ ея добродѣтель сомнительною: говорили, что она желаетъ еще нравиться и ведетъ жизнь нечестную. Эта молва оскорбила ея дѣтей, которыя не могли скрыть своего безпокойства отъ матери. Евдокія тогда собрала ихъ къ себѣ, спустила съ себя часть одежды, и ужаснулись сыновья, видя худобу ея тѣла и кожу, изсохшую отъ постояннаго воздержанія. „Вѣрьте,— сказала княгиня дѣтямъ, — что мать ваша чиста. И соблюдите мою тайну. Кто любитъ Христа, долженъ сносить клевету и благодарить за нее Бога“.

Вознесенскій монастырь.

Явленіе ангела возвѣстило ея кончину. Послѣ видѣнія она онѣмѣла и знаками потребовала икону. Когда ей подали образъ св. архангела Михаила, она обрадовалась и стала говорить. „Такимъ явился онъ мнѣ!“— произнесла она.

Тогда пожелала она заключиться въ Вознесенской обители, которую воздвигла на мѣстѣ прежнихъ великокняжескихъ теремовъ. Когда шла она туда, окруженная народомъ, по дорогѣ нищій-слѣпецъ закричалъ ей: „Боголюбивая княгиня, кормилица нищихъ, ты обѣщала во снѣ даровать мнѣ

зрѣніе. Исполни же слово твое!" Будто не внимая ему, точно нечаянно, княгиня опустила ему длинный рукавъ рубашки, слѣпой отеръ имъ глаза и прозрѣлъ. Во время этого шествія ея исцѣлилось до 30 человѣкъ. Въ усиленныхъ подвигахъ молитвы не долго жила благовѣрная великая княгиня и 7 іюля 1407 года преставилась въ иноческомъ имени Евфросиніи. Ея мощи почиваютъ въ соборномъ храмѣ созданной ею обители.

XVIII.

Благовѣрный князь Олегъ Рязанскій. Димитрій Красный. Преп. Михаилъ Клопскій. Преп. Іоасафъ Заозерскій. Блаж. Іоаннъ Углицкій. Блаженная великая княгиня Соломонія, въ иночествѣ Софія. Св. мученикъ Димитрій Царевичъ.

Среди современныхъ Димитрію Донскому русскихъ князей замѣчательна судьба князя Олега Рязанскаго. Бодрый, способностей выдающихся, онъ постоянно враждовалъ съ великимъ княземъ, и когда Димитрій пошелъ на Мамая, Олегъ ссылался съ союзникомъ Мамая, королемъ польскимъ, и не присталъ къ Димитрію. Незадолго до смерти Димитрія, преп. Сергій Радонежскій ходилъ въ Рязань, чтобы примирить Димитрія съ коварнымъ и мятежнымъ Олегомъ. И тутъ умягчилось бурное сердце: онъ заключилъ съ Димитріемъ искренній союзъ. Вѣроятно, воздѣйствію тихой святыни дивнаго старца нужно приписать переломъ, происшедшій въ жизни Олега.

Предъ концомъ ея, мучимый раскаяніемъ за все, что было въ ней темнаго, онъ принялъ иночество и схиму въ основанномъ имъ въ 18 верстахъ отъ Рязани Солотчинскомъ монастырѣ. Тамъ жилъ онъ въ суровыхъ подвигахъ, нося власяницу, а подъ нею ту стальную кольчугу, которую не захотѣлъ надѣть, чтобъ оборонять отечество противъ Мамая. Инокинею кончила жизнь и благочестивая его супруга, княгиня Евфросинія. Ихъ общая гробница въ соборѣ обители. Многіе жители Рязани и сосѣднихъ уѣздовъ бываютъ здѣсь на поклоненіи иноку-князю и служатъ по немъ панихиду,

испрашивая себѣ его молитвъ, при чемъ, обыкновенно, надѣваютъ на себя его кольчугу.

Замѣчательны обстоятельства кончины родного племянника Донского, князя Димитрія Юрьевича Краснаго, котораго признавали современники праведникомъ. Кроткій и набожный, онъ не принималъ участія въ кровавыхъ распряхъ, которыя возбуждали братья его Василій Косой и Дмитрій Шемяка, и умеръ онъ въ ранней молодости.

За нѣсколько часовъ до смерти онъ лишился слуха и вкуса; кровь лила изъ носу, и еле-еле его могли пріобщить. Тогда онъ успокоился и уснулъ. Позднимъ вечеромъ увидѣли, что онъ умираетъ; прочли надъ нимъ отходную и, думая, что онъ скончался, одѣли его какъ мертвеца, положили подъ иконы и стали читать надъ нимъ псалтирь. Въ полночь, къ общему ужасу, онъ зашевелился, скинулъ съ себя покровъ и, не открывая глазъ, сталъ пѣть церковныя пѣсни. Предъ утренею духовникъ принесъ св. Дары. Князь, открывъ глаза, сказалъ: „Радуйся, утроба Божественнаго воплощенія!" (слова изъ акаѳиста Богоматери) и причастился. Три дня пѣлъ онъ церковныя пѣсни и говорилъ о духовныхъ предметахъ, узнавалъ людей, но самъ ничего не слышалъ; наконецъ, умеръ. Тѣло его, перенесенное въ Москву, покоится въ Архангельскомъ соборѣ.

Дивнымъ смиреніемъ просіялъ въ Новгородѣ одинъ изъ русскихъ князей.

Однажды лѣтомъ 1408 г. во время утрени въ Клопскомъ (въ 20 верстахъ отъ Новгорода) монастырѣ іеромонахъ, кадя по церкви, захотѣлъ окадить и свою келлію. Онъ нашелъ ее отворенною, и въ ней неизвѣстный человѣкъ въ монашескомъ одѣяніи писалъ книгу. Въ отвѣтъ на вопросы игумена и братіи, онъ повторялъ все тѣ же слова, представляя изъ себя юродиваго. Но на литургіи онъ прекрасно читалъ апостолъ, а за трапезою—житіе, и игуменъ далъ ему келлію.

Случилось посѣтить обитель сыну Донского, Константину. Во время трапезы онъ долго всматривался въ пришельца и, наконецъ, поклонился ему и сказалъ игумену: „Это нашъ сродникъ Михаилъ, изъ княжескаго рода".

О себѣ подвижникъ не открылъ ничего. Въ немъ былъ даръ чудесъ и прозорливости. Однажды во время засухи,

когда пересохли рѣчки и источники, онъ извелъ молитвою потокъ свѣжей и чистой воды. Другой разъ сталъ онъ трезвонить и объявилъ: „Теперь въ Москвѣ радость: у великаго князя родился сынъ Иванъ. Онъ покоритъ Новгородъ и измѣнитъ всѣ ваши обычаи“.

Свободно говорилъ онъ князьямъ русскимъ всю правду въ лицо. Воздержаніе его было безмѣрно: онъ разъ въ недѣлю ѣлъ сухой хлѣбъ и пилъ немного воды. Въ кельѣ у него не было ничего, даже рогожи: онъ спалъ на голомъ полу и не зналъ теплой одежды. Онъ почилъ послѣ 45 лѣтъ, проведенныхъ въ Клопскомъ монастырѣ, 11 января 1454 г. Тамъ и почиваютъ его мощи.

Правнукъ Димитрія Донского, воспитанный благочестивыми родителями, князь Андрей Дмитріевичъ Заозерскій, рано остался сиротою, и у него отняли отцовскій удѣлъ. Онъ пришелъ въ Спасокаменный монастырь и просилъ у игумена постриженія.

Нерасположеніе къ юношѣ великаго князя Василія 20-тилѣтній возрастъ, знаменитое происхожденіе — все это смущало игумена.

— Мѣсто твое, — сказалъ онъ, — не здѣсь, а въ думѣ боярской или на полѣ битвы.

— Напрасно смущаешься, отче, — отвѣчалъ князь, — я твердо рѣшилъ не принимать отъ другихъ услугъ, а служить самъ другимъ и нести крестъ по слѣдамъ Господа моего!

Князь принялъ постриженіе съ именемъ того царевича индійскаго Іоасафа, который ради Христа оставилъ царство, — и сталъ удивительнымъ подвижникомъ. Братію видалъ онъ лишь въ церкви; все время молился или думалъ о вѣчности, и еще на землѣ удостоился онъ небесныхъ видѣній. Его дядѣ пришло на мысль посѣтить племянника и предложить ему денегъ для построенія собственнаго монастыря.

— Когда желаемъ пустыни, — отвѣтилъ онъ дядѣ, — не нужно намъ серебра и золота. Раздай бѣднымъ, что принесъ.

Чувствуя, что недолга его жизнь, юный подвижникъ спѣшилъ творить добро. Пять лѣтъ подвизался онъ и почилъ

10 сентября 1453 г. Его мощи стали источать исцѣленія. Онѣ покоятся въ Вологодскомъ Духовомъ монастырѣ.

Троюродный братъ преп. Іоасафа, тоже правнукъ Димитрія Донского, сынъ Андрея Васильевича Углицкаго, Іоаннъ, съ старшимъ братомъ Димитріемъ былъ заключенъ въ Вологдѣ въ тюрьму великимъ княземъ Іоанномъ III, по несправедливому подозрѣнію.

Старшій братъ тосковалъ и горько жаловался на судьбу. А Іоаннъ, кроткій и богобоязненный, благодарилъ Бога, черпая силу въ молитвѣ, и утѣшалъ брата:

— Къ чему скорбѣть, — говорилъ онъ, — Богъ внушилъ великому князю позаботиться о спасеніи душъ нашихъ. Все въ мірѣ грѣшно и тлѣнно, и отъ всего этого мы избавлены. Тѣсенъ затворъ? Но не тѣснымъ ли путемъ шли въ царство небесное святые? Будемъ же и мы подражать имъ. — Такъ обратилъ онъ тяжкое испытаніе въ путь спасенія. Предчувствуя кончину, онъ пожелалъ постриженія, котораго не принималъ раньше, чтобы не разлучаться съ братомъ, которому такъ былъ нуженъ. Постриженный съ именемъ Игнатія, онъ причастился св. Таинъ, осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и сказалъ: „Въ руки Твои, Господи, предаю духъ мой!“ Онъ почилъ 45 лѣтъ отъ роду, 19 мая 1523 г. Горько оплакивалъ его братъ Димитрій, но, видя свѣтлость лица усопшаго, точно живого, ощущая благоуханіе отъ него, успокоился въ вѣрѣ святости его. Весь городъ собрался къ темницѣ, такъ какъ почившаго уважали въ узахъ болѣе, чѣмъ другихъ въ славѣ. Во время погребенія его совершилось нѣсколько чудесъ. Братъ его послѣ нѣсколькихъ лѣтъ заточенія былъ отпущенъ на свободу и по смерти похороненъ въ ногахъ своего утѣшителя.

Мощи преп. Іоанна-Игнатія покоятся въ Вологодскомъ Прилуцкомъ монастырѣ; и въ тюремной церкви, окруженная теплымъ усердіемъ вологжанъ, стоитъ икона Богоматери, предъ которою молились невинные князья-узники и которая составляла ихъ единственное отцовское наслѣдіе.

Въ Покровскомъ дѣвичьемъ монастырѣ города Суздаля почиваютъ мощи великой княгини-инокини Софіи.

Дочь боярина, Соломонія Сабурова вступила въ бракъ съ великимъ княземъ Василіемъ III и не имѣла дѣтей.

Послѣ 20-лѣтняго супружества Василій рѣшился постричь ее и жениться на другой. Тщетно лучшіе іерархи доказывали незаконность такого поступка, тщетно отказали ему въ согласіи на новый бракъ всѣ восточные патріархи, при чемъ патріархъ іерусалимскій Маркъ, исполнясь духа пророческаго, предсказалъ, что если Василій дерзнетъ вступить въ бракъ, то будетъ имѣть сына, который удивитъ міръ

Убіеніе царевича Димитрія.

своею лютостью. Соломонію постригли въ московскомъ Рождественскомъ монастырѣ, а ея мужъ вступилъ въ новый бракъ, котораго плодомъ былъ Іоаннъ Грозный. Съ отчаяніемъ приняла Соломонія постриженіе, билась о землю, вырывала ножницы, по впослѣдствіи изгнала изъ души всякое воспоминаніе о мірѣ и достигла святости. Послѣ 17 лѣтъ заключенія она почила 16 декабря 1542 г. Современники считали ее преподобно-мученицею, и отъ гроба ея истекло много чудесъ.

Въ Тихвинскомъ (Новгородской губ.) Введенскомъ женскомъ монастырѣ погребена старица Дарья Алексѣевна, одна изъ женъ Іоанна Грознаго, изъ рода Колтовскихъ († 1626 г.). Надъ ея могилой понынѣ богомольцы, вѣруя въ ея святость, служатъ панихиды.

Роду Владиміра Святого на Русскомъ престолѣ и закончиться предстояло святымъ. Послѣдними его представителями явились мученики: царевичъ Димитрій и благовѣрный царь Ѳеодоръ Іоанновичъ.

Сынъ отъ послѣдней супруги Грознаго, царевичъ Димитрій, наслѣдникъ престола послѣ бездѣтнаго Ѳеодора, жилъ въ Угличѣ. Ближній бояринъ Борисъ Годуновъ, на сестрѣ котораго, Иринѣ, былъ женатъ Ѳеодоръ, замыслилъ овладѣть по смерти Ѳеодора престоломъ. Димитрій стоялъ ему на пути.

Сперва Борисъ старался привлечь къ нему ненависть народа и распускалъ слухи, что онъ жестокъ, любитъ кровь и самъ для потѣхи мучаетъ животныхъ. Сказка эта не имѣла никакого успѣха.

Борисъ рѣшился извести его. Онъ подкупилъ мамку царевича и ея сына, и они стали давать ему яду. Но, какъ говоритъ лѣтописецъ, ни въ питьѣ ни въ кушаньѣ ядъ не вредилъ ему. Нашли убійцу, отправили въ Угличъ выжидать удобной минуты.

15 мая 1591 г. мамка Волохова вывела царевича на дворъ. Какое-то предчувствіе томило до того кормилицу его, Ирину Тучкову, и она хотѣла удержать его дома; но, когда мамка повела его, вышла съ нимъ и Ирина.

Убійцы ждали.

Одинъ изъ нихъ, взявъ царевича за руку, спросилъ:

— Это у тебя новое ожерелье, государь?

— Нѣтъ, старое, — отвѣчалъ ребенокъ, поднимая голову.

Въ это время убійца ударилъ его ножомъ въ горло, но не захватилъ гортани и побѣжалъ. Димитрій упалъ, кормилица съ крикомъ пала на него, закрывая его своимъ тѣломъ. Тогда двое другихъ бросились на нее, отняли царевича, дорѣзали его и скрылись.

Въ это время вышла царица Марія изъ сѣней на крыльцо.

Восьмилѣтній мученикъ лежалъ въ объятіяхъ Ирины и, трепеща какъ голубь, уже не слыша воплей матери, предалъ духъ Богу.

Забили въ набатъ, и сбѣжавшійся народъ растерзалъ убійцъ. Издыхая, они назвали виновника убійства.

Въ 1606 году, послѣ убіенія въ Москвѣ самозванца, принявшаго на себя имя Димитрія, было рѣшено перенести гробъ царевича въ Москву. Когда святители и бояре московскіе, прибывъ въ Угличъ, объявили о томъ, народъ долго не соглашался отпустить гробъ, говоря: „Мы любили его и за него страдали. Лишимся ли теперь его вторично?“

Когда вынули гробъ изъ земли, увидѣли тѣло, неповрежденное 15-лѣтнимъ лежаніемъ въ сырой землѣ: плоть на лицѣ и волосы на головѣ цѣлые, также жемчужное ожерелье, шитый платокъ въ лѣвой рукѣ, одежду, шитую золотомъ и серебромъ, сапожки, горсть орѣховъ, найденныхъ у заколотаго отрока въ рукѣ и положенныхъ съ нимъ въ могилу... Ликовалъ народъ. Потекли чудеса.

Архангельскій соборъ.

Изъ Углича, мѣняясь, народъ—знатные и простые, понесли раку на плечахъ.

Когда въ Москвѣ поставили гробъ въ Архангельскомъ соборѣ, храмъ наполнился радостными криками внезапно исцѣленныхъ людей. Тогда этотъ „источникъ благодати“ вложили открыто въ деревянную раку, обитую золотымъ атласомъ, и стали чтить царевича какъ святого.

Глубоко набожный царь Ѳеодоръ народомъ московскимъ заживо почитаемъ былъ за праведника, и молитвами его время царствованія его прошло тихо.

Въ 1594 г. Крымскій ханъ подступилъ къ Москвѣ, и битва происходила въ виду Москвы. Утомившись отъ долгой молитвы, Ѳеодоръ спокойно съ высокаго терема взиралъ

на битву. За нимъ плакалъ одинъ бояринъ. Царь обернулся и пророчественно сказалъ ему: „Не бойся: завтра нечестивыхъ не будетъ“.

Пророчество сбылось: на слѣдующій день ханъ побѣжалъ

Θеодоръ никогда не имѣлъ болѣе важной мысли, какъ спасеніе души, посѣщалъ обители, благотворилъ духовенству, принималъ съ Востока святыни.

Въ концѣ 1597 г. онъ смертельно занемогъ, къ отчаянію народа, который любилъ его какъ ангела земного и его молитвамъ приписывалъ спокойствіе Россіи, любилъ, какъ послѣдняго царя крови Мономаха.

Помазавшись св. елеемъ, исповѣдавшись и пріобщившись, 7 января Θеодоръ тихо скончался, какъ бы уснулъ сладкимъ сномъ. Въ предсмертномъ томленіи ему было незримое для другихъ явленіе, и онъ говорилъ съ нимъ, называя его великимъ святителемъ. Въ часъ кончины его неизреченное благоуханіе разлилось по кремлевскимъ палатамъ. Царь Θеодоръ, въ книгѣ о Россійскихъ святыхъ названный среди московскихъ чудотворцевъ, покоится въ Архангельскомъ соборѣ.

XIX.

Игуменъ земли русской.

Если есть у Россіи народный богатырь, который всего лучше выражаетъ духъ Россіи, то, конечно, это преп. Сергій.

И тѣмъ удивительнѣе этотъ святой и богатырскій образъ, что для него не существуетъ земныхъ условій: ограниченность времени и мѣста не вмѣщаетъ этого образа. Дѣятельность преп. Сергія, необхватная, какъ и самый просторъ Россіи, проявляется не въ одномъ тѣсномъ предѣлѣ его земной жизни. Еще больше сдѣлано имъ послѣ переселенія его отъ земли, которое, однако, не разлучило его съ любимой Россіей. Въ самыя безотрадныя минуты нашей государственной жизни онъ точно вставалъ изъ своего гроба, въ видимомъ образѣ и въ разныхъ мѣстахъ являлся избраннымъ имъ людямъ, исправлялъ, воодушевлялъ, руководилъ... Минуло ненастье, вновь зацвѣла Россія,—и онъ снова безмолвенъ и покоенъ въ своей ракѣ среди неисчислимой громады приходящаго къ нему на поклонъ русскаго племени; тихо горятъ предъ ракой сердца вѣрныхъ и зажженные ими огни, и только предъ престоломъ Того, Кто строитъ и разрушаетъ царства, громко, неотступно и властно раздается мольба великаго старца о судьбахъ земной отчизны.

Та идея о назначеніи Русской Земли, которая уяснена въ настоящее время,—идея о земной силѣ, стремящейся къ

небеснымъ цѣлямъ: о народѣ, ищущемъ прежде всего своего спасенія въ вѣчности и затѣмъ несущемъ евангельское слово любви, благоволенія и мира другимъ народамъ,— эта идея съ особою силой выразилась въ жизни тѣхъ людей, которые являются воплощеніемъ основного русскаго типа и среди которыхъ первое мѣсто принадлежитъ преп. Сергію.

Исполнить законъ и исполненіемъ его послужить ближнему — таковъ былъ и смыслъ жизни преп. Сергія. И надъ этою жизнью и ея послѣдствіями сбылось Христово обѣщаніе: „*Прежде* ищите Царствія Божія и правды Его, и все сіе приложится вамъ". Стремясь прежде всего спасти свою душу, онъ не только этой цѣли достигъ, но, и вмѣстѣ съ тѣмъ, сохранилъ и спасъ среди великихъ испытаній цѣлою и душу своего народа и былъ одною изъ главныхъ силъ, вознесшихъ этотъ народъ на высоту земного величія, невиданнаго до того и по размѣрамъ и по духовной правдѣ.

Помянемъ теперь въ главныхъ дѣлахъ преп. Сергія, чѣмъ онъ былъ для русской земли.

Преп. Сергій служилъ тремъ главнымъ началамъ, изъ которыхъ иныя онъ, можетъ-быть, даже первый съ такою ясностью сознаiлъ. Эти начала были православіе, свобода Россіи и Москва, въ которой заключалось спасшее Россію начало самодержавія. Эти начала онъ проводилъ въ жизнь могучей рукой.

. . . .

Самое имя *Троицкаго* монастыря преп. Сергія проповѣдуетъ главнѣйшій догматъ православія — о создавшемъ Отцѣ, искупившемъ Сынѣ и возрождающемъ Духѣ. Забота преп. Сергія о догматической чистотѣ православія выразилась слѣдующимъ чудеснымъ явленіемъ въ эпоху опасную для православія.

Въ 1440 г. во Флоренціи нѣкоторые изъ православныхъ участниковъ собора, русскій митрополитъ Исидоръ въ томъ числѣ, силою подкупа и угрозъ подписали признаніе главенства надъ церковью Римскаго папы и нѣкоторыхъ другихъ еретическихъ положеній католичества. Среди русскихъ былъ суздальскій священникъ Симеонъ. Онъ не покорялся латинству, много за то вытерпѣлъ и рѣшился бѣжать. На пути, въ тяжелыхъ обстоятельствахъ, онъ увидѣлъ старца,

Преп. Сергій Радонежскій.

который взялъ его за руку и спросилъ, благословился ли онъ у Марка, епископа Ефесскаго.

„Благословенъ, — сказалъ старецъ,— отъ Бога человѣкъ сей, потому что никто изъ суетнаго собора не преклонилъ его. Проповѣдуй же заповѣданное тебѣ отъ святого Марка ученіе всѣмъ православнымъ, и имѣющій истинный разумъ да не уклоняется отъ сего". Предсказавъ благополучное возвращеніе, старецъ назвалъ себя: „я Сергій, котораго ты нѣкогда призывалъ въ молитвѣ".

Утѣшительно глубокое участіе преп. Сергія въ дѣлахъ церковныхъ, видное изъ этого явленія, и памятный данъ имъ тутъ завѣтъ.

Для сѣверной половины Россіи преп. Сергій чрезъ своихъ учениковъ, выходцевъ изъ его обители, основавшихъ множество своихъ монастырей, является проповѣдникомъ православія и духовнаго просвѣщенія въ самомъ широкомъ смыслѣ. Можно сказать, что преимущественно ему Сѣверъ Россіи обязанъ тою крѣпкою истовою вѣрой, какую хранитъ онъ доселѣ. И, конечно, однимъ изъ послѣдствій этой проповѣди и объединенія въ равно дорогой всѣмъ вѣрѣ было то тѣсное сплоченіе народа въ одно цѣлое, которое преп. Сергій осуществилъ, кромѣ того, и другими путями.

Въ созданіи независимости русскаго государства преп. Сергію принадлежитъ первенствующее мѣсто.

Онъ родился въ трудное время.

Тяжело, безпросвѣтно было тогда.

Въ такіе дни пришлось родиться преп. Сергію и жить среди народа, у котораго долговременная невыносимая страда отняла и жизненную силу и вѣру въ себя. Въ такое время онъ жилъ, когда и слезъ нѣтъ, потому что всѣ онѣ выплаканы, а есть только сухое горе, нѣмое отчаяніе.

И онъ въ этотъ упавшій духомъ народъ *повѣрилъ*, онъ въ него вдохнулъ жизнь, онъ толкнулъ его на борьбу и развитіе, благословилъ и сказалъ ему: „живи!"

Духовнымъ взоромъ своимъ преп. Сергій видѣлъ, что путь скорбей и испытаній есть путь избранниковъ Божіихъ, и что изъ слезъ, крови и невыразимыхъ бѣдствій татарской данницы выраститъ неодолимая сила. Пусть этотъ народъ одинъ служитъ оплотомъ западнымъ народамъ, которые, имъ

охраняемы отъ жестокаго натиска Азіи, могутъ спокойно заниматься своею враждой. Пусть безъ защиты и друзей, окруженный отовсюду врагами, стоитъ онъ одинъ, совсѣмъ

Троице-Сергіева лавра.

одинъ. Онъ избранъ. Ему, скорбному племени, поручено дивное сокровище — чистота и цѣлость Христова ученія. И, если выше всѣхъ земныхъ благъ поставитъ онъ это со-

кровище и изберетъ свой путь по письменамъ евангельскихъ хартій — вѣренъ будетъ Богъ.

И преп. Сергій эту свою вѣру въ Господню силу и конечную правду вдохнулъ въ русскій народъ и повелъ его за собой по пути Божію. А народъ, видя такого богатыря вышедшимъ изъ своей среды, понялъ, что народная сила еще не умерла, а только притаилась. Онъ позналъ въ игуменѣ Сергіи свою скрытую крѣпость и, поклоняясь своему преподобному какъ кости отъ костей своихъ и плоти отъ плоти своей, повѣрилъ въ себя и возродился.

Когда къ 1380 г. послѣдовательными усиліями нѣсколькихъ московскихъ князей и заслугами святителя Алексія митрополита земля пришла въ такое состояніе, что Димитрій задумалъ потягаться съ татарами, въ этой борьбѣ преп. Сергій былъ его вдохновителемъ и руководителемъ. Еще раньше окончательнаго разрыва съ Мамаемъ, Димитрій совѣтовался съ преподобнымъ, а предъ выступленіемъ изъ Москвы снова пріѣхалъ къ нему за благословеніемъ. Во время пѣнія молебна прибывали гонцы съ вѣстью о движеніи непріятеля и съ совѣтомъ спѣшить. Но преподобный умолялъ князя остаться на трапезу. И потомъ, окропляя его св. водою, исполнясь пророческаго духа, предсказалъ князю цѣлость въ бою, русскимъ побѣду, Мамаю гибель.

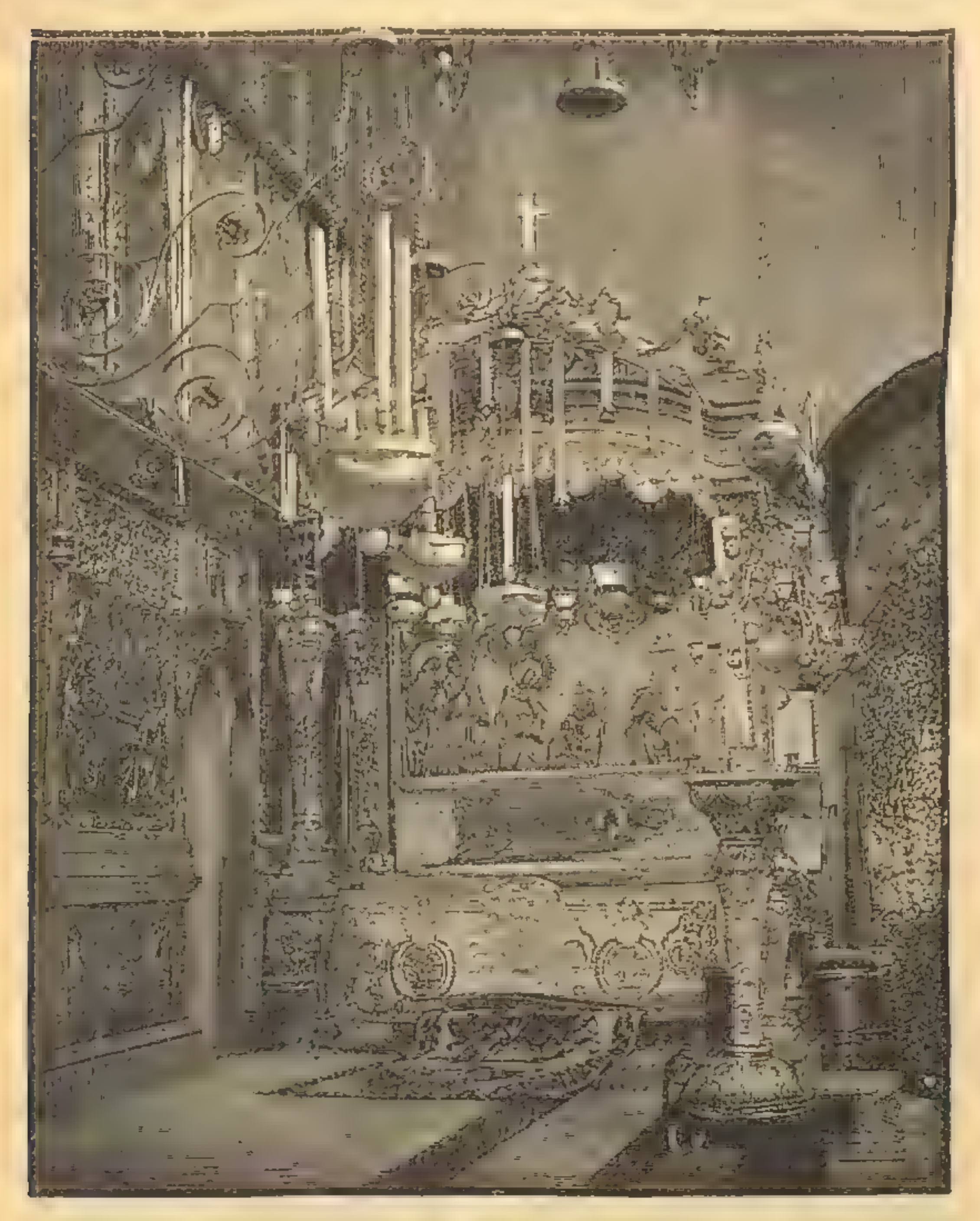
Уже стоя у Дона, смущенный видомъ несмѣтныхъ полчищъ татарскихъ, Димитрій колебался перейти рѣку. Въ эту минуту прискакалъ отъ преп. Сергія гонецъ съ просфорою и грамоткою съ наказомъ немедля сразиться. Этимъ вмѣшательствомъ своимъ преп. Сергій предупредилъ соединеніе Мамая съ королемъ польскимъ, находившимся въ день побѣдоносной битвы всего въ 30 верстахъ.

Такъ заложено преп. Сергіемъ основаніе русской побѣды.

Очень трогательно бывшее два вѣка спустя явленіе, въ которомъ выразилась забота преп. Сергія о покореніи Россіею одной изъ частей угнетавшей насъ при его жизни Орды.

Когда, предъ Казанскимъ походомъ царя Ивана Васильевича, была заложена русская передовая крѣпость Свіяжскъ, сдѣлалось извѣстнымъ слѣдующее. Лѣтъ за пять до основанія города на его мѣстѣ, при пѣніи и звонѣ невидимо откуда раздававшихся, появлялся старый инокъ, ходилъ

съ крестомъ въ рукахъ, благословляя, точно отмѣряя мѣсто, и когда его пытались взять—исчезалъ на глазахъ татаръ.

Рака мощей преп. Сергія.

Въ иконѣ преп. Сергія, поставленной въ Свіяжкѣ, татары узнали старца.

Предъ самымъ взятіемъ Казани, къ преп. Сергію неслась молитва царя, и послѣ похода, у раки его онъ воскликнулъ:

„Твоими молитвами мы получили желаемое. Совершилось, чего и не чаяли. Ты явилъ свое дивное милосердіе, заступникъ земли Русской!“

Заботы преп. Сергія о Москвѣ и самодержавіи тѣмъ знаменательнѣе, что его семья была одной изъ тѣхъ жертвъ, какія повело за собою поглощеніе Москвою удѣловъ.

Извѣстно, что родители преп. Сергія, ростовскіе бояре, были разорены при присоединеніи Ростова къ Москвѣ и вынуждены переселиться въ Радонежъ. Тѣмъ не менѣе преп. Сергій всѣми силами поддерживалъ и развивалъ заложенную въ Москвѣ Петромъ митрополитомъ и Иваномъ Калитою идею единовластія и земельнаго объединенія. Онъ понялъ, что только цѣльная и крѣпкая власть способна дать силу народу среди неблагопріятныхъ условій, его тогдашней жизни и этотъ свой взглядъ онъ доказалъ своимъ посредничествомъ между князьями. Избѣгая выходить даже изъ ограды монастыря, онъ не постоялъ предъ дальнимъ путемъ—въ Нижній, когда его князь отказался отъ повиновенія великому князю московскому, и преподобный затворилъ всѣ храмы въ Нижнемъ,— и въ Рязань, для увѣщанія Олега Рязанскаго.

Событіемъ, полнымъ значенія, засвидѣтельствована постоянная забота преп. Сергія о Москвѣ.

Въ 1521 г. ханы крымскій и казанскій подступили къ самой Москвѣ, лежавшей предъ ними беззащитною, безъ войска и государя.

Нѣсколько людей видѣли, какъ чрезъ Фроловскія ворота торжественнымъ крестнымъ ходомъ, неся съ собою святыню, вышелъ соборъ святителей московскихъ, предавая Москву печальной участи за ея грѣхи. Имъ навстрѣчу, съ Ильинскаго торжища устремились преп. Сергій Радонежскій и Варлаамъ хутынскій и долгими слезными мольбами упросили святителей помиловать Москву. Отпѣвъ молебенъ, святители вернулись въ городъ, и Москва была чудесно спасена: ханскіе лазутчики увидѣли вокругъ Москвы несчетное воинство, и ханы въ страхѣ отступили. Это событіе вспоминается ежегоднымъ крестнымъ ходомъ 21 мая, и двѣ иконы на Спасскихъ воротахъ; со стороны Ильинки — преп. Сергія и Варлаама, припадающихъ къ Господу, и со стороны Кремля—

святителей московскихъ, на молитвѣ предъ Богоматерью, увѣковѣчили чудо.

Въ 1592 г. помощью преп. Сергія Москва спасена, въ

Явленія преп. Сергія при осадѣ лавры.

день обрѣтенія его мощей, 5 іюля, отъ крымскаго хана Казы-Гирея.

Значеніе преп. Сергія вполнѣ выясняется среди бѣдствій смутнаго времени, когда Россія была близка къ конечной

гибели, и когда преп. Сергій второй разъ совершилъ подвигъ ея возрожденія.

Собранное въ страшныхъ трудахъ государство разрѣзалось, приникла къ землѣ вѣра, извратились до озвѣрѣнія нравы, люди пожирали другъ друга, земля смотрѣла унылымъ пожарищемъ. Не было уже почти государства. Москва существовала какъ отвлеченная идея, какъ память прошлаго, съ поруганными святилищами, безмолвными гробами царей и святителей и великою тѣнью замученнаго Гермогена. А живая Москва въ рукахъ иновѣрцевъ была гнѣздомъ и источникомъ крамолы, измѣны и всякой мерзости. Самому имени Земли Русской надлежало исчезнуть.

Въ это время среди общаго крушенія твердымъ нерушимымъ столпомъ стояла на обѣтованіи Пресвятой Дѣвы Троице-Сергіева лавра, и среди леденящаго мрака сіяла какъ свѣточъ, котораго не могли задуть никакіе вихри. Сбросивъ съ себя осаду поляковъ и русскихъ воровъ, напрасно тягавшихся съ силою Святой Троицы, она въ то время, казалось, была всею Россіей. Одна хранила бодрость и вѣру въ тотъ народъ, который словно уже извѣрился въ себѣ и, вольный мертвецъ, самъ уложилъ себя въ вырытую имъ же могилу. Одна, среди разнузданныхъ криковъ отчаянія, вражды, проклятій и погибели, спокойно и неустанно возносила къ высокому небу привычную хвалу Богу, какъ Благодателю прошлаго и мольбу какъ Тому „Святому Крѣпкому“, Который силенъ воззвать и воздвигнуть изъ гроба смердящаго Лазаря, будь этотъ Лазарь цѣлымъ народомъ.

И такое чудо совершилось...

Дивная оборона преп. Сергіемъ своей лавры отъ 15 мѣсячной осады хорошо извѣстна. Всякій русскій помнитъ, какъ преп. Сергій словно поднялся тогда изъ гроба, какъ предупреждалъ защитниковъ лавры о намѣреніяхъ враговъ, какъ видали его поляки обходящимъ ограду съ кропиломъ и святою водой, какъ являлся онъ въ церквахъ и келліяхъ то молящимся, то ободряющимъ, то съ обличеніемъ нерадивыхъ, то съ совѣтами; какъ видали его потомъ и въ осажденной Москвѣ со словами утѣшенія и увѣренной надежды.

Гораздо менѣе извѣстно то, что и подвигъ Минина внушенъ преп. Сергіемъ.

Дважды являлся преподобный Минину во время уединенной его молитвы и повелѣвалъ собирать казну для ратныхъ людей и итти на освобожденіе Москвы. Но Мининъ

Явленіе преп. Сергія Минину.

не рѣшался. Тогда въ третій разъ явился преподобный, уже съ грознымъ вѣщаніемъ и словомъ, что „есть изволеніе суда Божія помиловать православныхъ и привести въ тишину". Послѣ этого явленія Мининъ почувствовалъ осла-

бленіе и счелъ его за кару. Вскорѣ избранъ онъ былъ въ земскіе старосты. Увидѣвъ въ томъ подтвержденіе, что время исполнить слово Сергіево, онъ кликнулъ кличъ.

Проходя, уже въ ополченіи Пожарскаго, мимо Троицкой обители, Мининъ самъ объявилъ келарю Діонисію объ этихъ явленіяхъ. За нѣсколько часовъ до освобожденія Москвы, преп. Сергій явился архіепископу Арсенію, томившемуся въ Кремлѣ отъ голода и болѣзни, и, исцѣливъ его, сказалъ: „Встань и иди во срѣтеніе православному воинству: молитвами Пресвятыя Богородицы Господь очистилъ царствующій градъ отъ враговъ“.

Помощи преп. Сергія современники приписывали заключеніе Деулинскаго съ поляками перемирія, которое затягивалось, пока въ лаврѣ не помолились преп. Сергію, и тогда поляки сами призвали русскихъ. За это и воздвигнутъ въ Деулинѣ ему храмъ, какъ „истинному миротворцу“.

Русское общество начала XVII вѣка вполнѣ сознавало чрезвычайность заступничества преп. Сергія. Ему, первому изъ святыхъ, былъ составленъ тогда акаѳистъ. Подобно тому, какъ хвалебное пѣніе Богоматери, составленное послѣ чудеснаго избавленія Ею въ 866 г. Царьграда отъ языческой русской дружины начинается словами „Взбранной Воеводѣ“, такъ и въ хвалѣ русскому святому, вождю русскихъ силъ, спасшему свою родину отъ погибели, первыя слова: „Возбранный отъ Царя силъ Господа Іисуса данный Россіи воеводо и чудотворче предивный!“ Въ этихъ словахъ ясно выраженъ взглядъ на значеніе преп. Сергія въ сохраненіи въ ту годину цѣлости Русской Земли.

Икона преп. Сергія, писанная на гробовой его доскѣ, сопутствовала дѣйствующей русской арміи и въ Отечественную войну и въ войну за независимость восточныхъ славянъ 1877—78 гг. Вспомнимъ еще, что въ 1812 г., когда опять Москва оттерпливала плѣнъ за Россію, преп. Сергій не допустилъ западныхъ воровъ въ свою ничѣмъ не обороненную лавру.

Если оглянуться на дѣла преп. Сергія и на то, чѣмъ обязана ему Россія, можно безъ погрѣшности назвать его вождемъ Русской Земли: такимъ вождемъ, какому подобнаго не имѣла ни одна страна.

Имя преп. Сергія — боевой кличъ, нравственная многодвижущая сила, слава самыхъ памятныхъ русскихъ годинъ, спасительное знамя. Вѣра въ него есть одно изъ лучшихъ наслѣдій прошлаго и залогъ нашего дальнѣйшаго развитія. И для счастья Россіи дай Богъ, чтобъ до конца вѣковъ звучало предъ ракой преп. Сергія это глубокое слово общерусской молитвы:

„Вся Богопросвѣщенная Россія, твоими чудесы исполненная и милостями облагодѣтельствованная, исповѣдуетъ тя быти своего покровителя и заступника. *Яви древнія милости твои и, ихъ же отцемъ спомоществовалъ еси, не отрини и насъ, чадъ ихъ, стопами имъ къ тебѣ шествующимъ*".

Войдемъ туда, гдѣ онъ спитъ своимъ живымъ сномъ. Время пѣнію и молитвѣ часъ.

„Величаемъ, величаемъ тя!" раздаются сладкіе звуки предъ ракою Троицкаго собора, среди усердно зажженныхъ неисчислимыхъ огней вѣры въ воздухѣ, полномъ безсмертныхъ чудесъ. И по всей Руси это величаніе находитъ отголосокъ.

„Величаемъ, величаемъ тя!" несется отъ возвеличенной имъ Москвы, гдѣ, быть-можетъ, когда ляжетъ темнота, ходитъ, осѣняя крестомъ семь священныхъ холмовъ, преподобный старецъ.

„Величаемъ, величаемъ тя!" таетъ пѣсня въ волнахъ многоводной Волги, по казанскому царству.

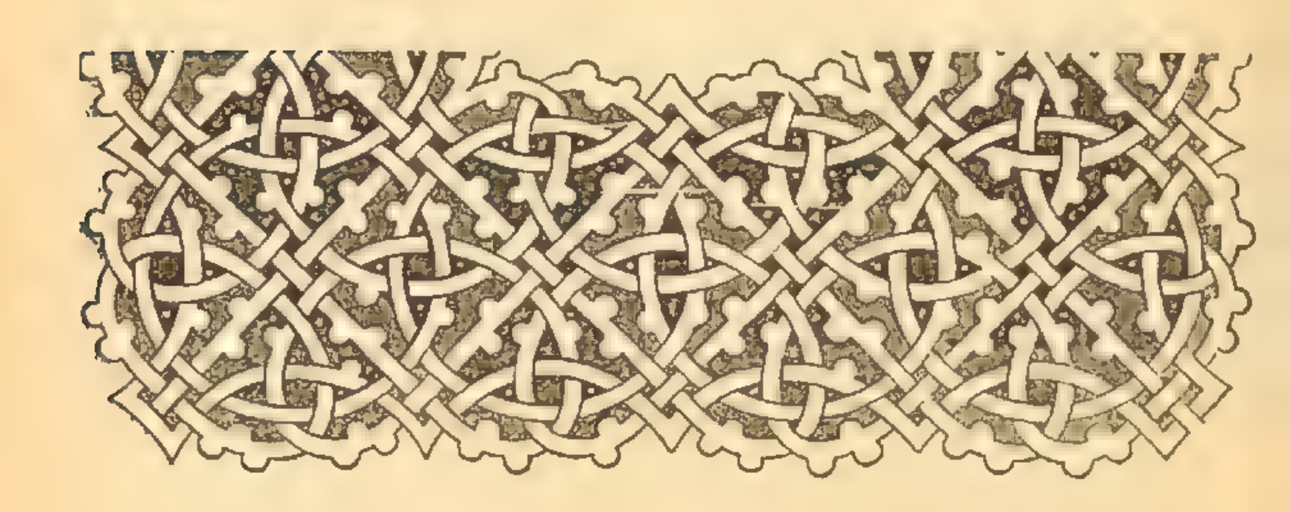
„Величаемъ, величаемъ тя!" слышится въ просвѣщенной его учениками необозримой сѣверной сторонѣ, до самаго поморья.

„Величаемъ, величаемъ тя!" словно шепчетъ ему задумчивая, тихая, какъ онъ, русская природа.

И въ лицѣ тѣхъ богомольцевъ, что выслали ему на поклонъ каждый русскій городъ, каждый поселокъ, восходитъ отъ всего простора русской земли, отъ темныхъ лѣсовъ и серебряныхъ ея рѣкъ, отъ нивъ и садовъ, равнинъ и снѣжныхъ вершинъ, стройная, безконечная, радующая небо и землю хвала: „Величаемъ, величаемъ тя!"

И если Русская Земля, въ которую такъ вѣрилъ и которой такъ послужилъ этотъ чудный вождь, достигнетъ своего завѣтнаго назначенія и скажетъ міру и воплотитъ

въ дѣйствительности слово о всеобщей любви и вѣчномъ мирѣ, если вселенная преклонится, наконецъ, предъ святынею Россіи и захочетъ узнать Россію въ томъ, что ее лучше всего выражаетъ—тогда проникнутая восторгомъ предъ красотой и правдой этого верховнаго русскаго человѣка, этой созидающей русской силы — не помолится ли она съ нами нашей молитвой, и не споетъ ли тогда ему въ единодушномъ свѣтломъ порывѣ вся вселенная: „Величаемъ, величаемъ тя!“

XX.

Нравственный обликъ въ Бозѣ почившаго Государя Александра Александровича.

Всѣ тѣ чувства, упованія, какія воодушевляли святыхъ правителей Земли Русской, въ наши дни воплотились въ Государѣ Александрѣ III.

Теперь дорогое явленіе, жившее среди насъ, стало уже прошлымъ; нѣкогда близкій къ намъ образъ — преданьемъ. Но неужели отъ громаднаго существованія, взошедшаго надъ нами свѣтлымъ краснымъ солнцемъ и закатившагося послѣ такого короткаго дня, ничего не осталось, все погасло? Неужели та русская жизнь, которая рухнула въ темную могилу у дальнихъ холодныхъ береговъ Невы, носительница народной славы, народнаго покоя, крѣпости и упованій, неужели эта русская жизнь оставила одно громкое и сильное имя, одни внѣшнія мудрыя дѣла, одни государственные завѣты, не сказавъ намъ великаго слова для души и не поразивъ нашъ внутренній міръ неотразимымъ поученіемъ?

Нѣтъ, отъ жизни, которой мы были свидѣтелями и которая предъ нами окончилась, осталось глубокое впечатлѣніе. Это впечатлѣніе должно проникнуть нашу остающуюся жизнь.

Былъ, существовалъ... Какую духовную силу имѣетъ существованіе одного чистаго, настоящаго человѣка, какъ это существованіе ободряетъ нашу вѣру въ то, во что нужно вѣровать, чтобы жить, но во что вѣра наша, вѣра слабыхъ, искушаемыхъ людей легко и часто колеблется!

Наше спасеніе въ томъ, что предъ нами проходятъ люди, воплощающіе въ себѣ ту правду, которой учатъ насъ въ

дѣтствѣ, о которой говорятъ намъ хорошія книги, которая звучитъ во всякомъ словѣ, произносимомъ въ храмахъ, куда такъ рѣдко заходимъ мы съ распутій жизни, которую такъ заглушаютъ шумъ, суета и ложь нашего быта.

Какъ маяки съ твердой земли, съ несокрушимыхъ вѣчныхъ скалъ свѣтятъ въ бури, свѣтятъ сегодня, какъ свѣтили сотню лѣтъ, тѣмъ же кроткимъ ободряющимъ огнемъ,— свѣтятъ намъ образы настоящихъ людей, обличаютъ наше злое и пробуждаютъ то, что уцѣлѣло въ насъ отъ „лучшей нашей части".

И когда теченіе событій освѣтитъ во весь ростъ эти праведныя жизни, ихъ воздѣйствіемъ снова возникаютъ въ насъ ощущенія чистаго дѣтства, встаютъ мечты юности, которымъ мы измѣнили; изъ тумана, охватившаго насъ, подымаются стройныя очертанія другого быта, одухотворенной жизни, и видѣнъ вдали тотъ образъ, стремленіе къ которому одно дѣлаетъ цѣннымъ и истиннымъ людское существованіе.

И чѣмъ дальше падаютъ лучи праведной души, тѣмъ шире воздѣйствіе ея на людей, и, наконецъ, это воздѣйствіе становится властнымъ и непрекращающимся историческимъ впечатлѣніемъ...

Когда-то давно совершались событія, запавшія глубоко въ душу человѣчества.

По землѣ ходилъ Богъ, пришедшій къ людямъ въ людскомъ образѣ. Смиривъ себя до конца трудно вообразимымъ смиреніемъ, Онъ говорилъ людямъ слово, принесенное Имъ съ Неба. Это было слово о любви, которая должна связывать людей и ради которой не должно щадить своей жизни, о храненіи правды, которая нарушается даже тайнымъ помысломъ, о терпѣливомъ смиреніи, съ которымъ нужно переносить земныя бѣдствія, о силѣ упованія, съ которымъ нужно ждать будущаго некрушимаго и вѣчнаго счастья въ утраченномъ отечествѣ. Слово было запечатлѣно дѣломъ, совершилась неслыханная недомыслимая жертва, и крестъ сталъ надъ удивленнымъ міромъ завѣтомъ самаго святого и чуднаго въ жизни.

...Прошла тысяча, полторы тысячи лѣтъ. Въ холодной, бѣдной природою, однообразной равнинѣ возникало государство. Потрясаемое великими бѣдами, испытывая несчастія, которыя,

по жестокости своей могли бы казаться сказочными, переходя отъ горя въ грозу и отъ грозы въ бѣду, слагалось оно. Сдерживая съ востока натискъ Азіи, служа невольнымъ оплотомъ, за которымъ могли по волѣ мирно развиваться и по волѣ враждовать между собой, злодѣйствовать огнемъ и мечомъ во имя Христа и Его дѣла народы Запада, стоялъ этотъ народъ, безъ защиты и безъ друзей, окруженный только врагами, и его слезы были ему пищей день и ночь его жизни. И этому скорбному племени было поручено хранить сокровище, которое носилъ по землѣ Спаситель міра, чистоту и цѣлость Его ученія. Выше всѣхъ земныхъ силъ поставивъ это врученное ему сокровище, шелъ тотъ народъ, выбирая свой путь по письменамъ евангельскихъ хартій. Онъ былъ крѣпокъ душой и несокрушимъ въ своей вѣрѣ, потому что онъ рано понялъ, что не здѣсь конечная цѣль жизни людской и что не въ земномъ благополучіи все дѣло, а дѣло въ исполненіи закона: сурово и непреклонно слѣдовали лучшіе люди, выразители духа этого народа, словамъ Христова закона.

Не блещутъ волшебными красками, не залиты яркимъ праздничнымъ солнцемъ образы нашихъ государственныхъ древнихъ зодчихъ. То рядъ невидныхъ для посторонняго глаза подвиговъ, рядъ духовныхъ побѣдъ надъ собой, сломленныхъ самолюбій, пережитыхъ за народъ униженій, тяжелыхъ думъ, кровавыхъ усилій. Короткимъ отзывомъ отмѣчена часто ихъ личность въ лѣтописи, но въ этихъ сжатыхъ суровыхъ рѣчахъ встрѣчаются хватающія за душу слова, въ которыхъ вылилось, невѣдомо для писавшаго ихъ, какъ умѣлъ понимать народъ, кого онъ теряетъ.

Не крики радости, не упоенія народныхъ торжествъ звучатъ изъ отдѣльныхъ вѣковъ предмосковской и московской Руси, а сдержанный стонъ безысходной скорби.

...Девятнадцатый вѣкъ. На востокѣ Европы, занявъ неизмѣримое пространство, стоитъ Русская Имперія. Надъ ея просторомъ великое горе; опять Русская Земля стонетъ. Но не злорадство, не радость выражается въ мірѣ въ отвѣтъ на тяжелое горе Россіи. Пока Русскій Царь въ своемъ гробѣ въ послѣдній разъ объѣзжаетъ Державу, всюду, куда приходитъ та вѣсть, оглядываются тревожно чужестранные

люди, точно отнята у нихъ увѣренность въ ихъ покоѣ и безопасности.

И крещеная страданіемъ земля, та земля, по которой понынѣ ходитъ, благословляя, Христосъ, встаетъ въ глазахъ міра въ небываломъ величіи и силѣ. Не разъ была благодѣтельствована Европа Россіей, не разъ шатавшіеся троны спасались ею и обогащались ея дарами. Ее не понимали или не хотѣли признать. А теперь, когда отошелъ молчаливый русскій Царь, дышавшій прежде всего для своего народа, только тогда поняли, что значитъ Русское Царство, если изъ-за того, что на Руси любящій Царь,— Европа благополучна.

И вотъ теперь, когда весь міръ съ тою напряженностью, съ какою слѣдилъ онъ за совершавшимися у насъ событіями, призналъ, что Россія, не оцѣненная никогда словами, на дѣлѣ громадная величина,—какъ же хоть теперь не вдуматься въ смыслъ и самого значенія Россіи и въ суть того нравственнаго облика Государя, который пронесъ Его имя по свѣту въ особомъ сіяньѣ?

Коренное отличіе и нашей національности и образа почившаго Государя въ томъ, что едва ли гдѣ духъ, принесенный въ міръ христіанствомъ, проникалъ глубже жизнь.

Одна только любовь, и любовь понятая не какъ пріятное и благоволительное пожеланіе добра для ближнихъ, но какъ суровый христіанскій долгъ, требующій труда и жертвъ, можетъ давать цѣну людской дѣятельности.

Такая любовь помогаетъ напрягать до послѣдней возможности свои силы, забывать свои страданія, чтобъ покоить ввѣренный народъ. Она ведетъ къ подвигамъ, которые ужасны для тѣлесной, бренной природы человѣка, надламливая ее, но на которыхъ только и можетъ держаться міръ. Что̀ бы сталось съ Россіей, еслп бъ тяжкія времена татарщины тѣ люди, что, надорвавъ себя, спасли и сберегли Русь, думали о своемъ покоѣ, отмѣряли свою дѣятельность по общей человѣческой мѣркѣ? Недалеко бы мы ушли, если бъ въ тяжелые дни русская земщина не подымалась на такія жертвы, подобныхъ которымъ нѣтъ въ исторіи. И пусть въ раннихъ годахъ мужества падаютъ лучшіе люди подъ тяжелымъ трудомъ -ихъ дѣла вѣчны. Безвременно по-

кладали во гробъ трудовыя богатырскія свои руки лучшіе вожди Русской Земли, но не они ли, силой любви убивавшіе свою жизнь, поняли и соблюли завѣтъ служить до отдачи души?

И эта любовь, которой примѣръ прошелъ передъ нами, грѣла не только одинъ свой народъ; она пошла дальше и хранила чужія страны. Воля Русскаго Царя умиротворила народы, готовые къ кровавымъ распрямъ, и тогда всѣ почувствовали, какая великая правда въ любви, и поклонились ей.

Удивленіе предъ правдою Государя, высказавшееся по поводу его кончины, было короткимъ, преходящимъ, но доказательнымъ свидѣтельствомъ того, что въ жизни и въ исторіи составляетъ настоящее величіе, не купленное ничьими муками.

Образы суетныхъ завоевателей стоятъ предъ нами, холодные въ своемъ безжизненномъ величіи, напоминая о бѣдствіяхъ, внесенныхъ ими въ міръ, о горестяхъ безчисленныхъ человѣческихъ душъ, о ненависти, посѣянной ими между племенами, о больныхъ вопросахъ международной политики, грозящихъ постоянно перейти въ вооруженное столкновеніе. А кроткіе родные лики миротворцевъ вѣчно близки намъ, окруженные благодарностью и памятью того, какъ, любя, они берегли намъ или предкамъ нашимъ тѣхъ, кто дорогъ на землѣ: отцовъ, братьевъ, друзей, сохраняя отъ сиротства семьи, неутѣшныхъ матерей.

И это служеніе лучезарной правдѣ любви еще возвышеннѣе, когда для него приносятъ въ жертву свое самолюбіе и гордость. Не легко было русскому Властелину, по слову котораго Русская Земля подымается однимъ человѣкомъ, щадя свой народъ, терпѣливо выносить вызовы, однимъ своимъ сердцемъ переживать всю горечь тѣхъ пустыхъ ухищреній лжи, коварства и ненависти, какими окружено все сильное и независимое, и не выйти изъ благотворнаго покоя.

Любовный подвигъ почившаго Государя подкрѣпляла глубокая русская вѣра. Она научила его, что добрый трудъ не пропадетъ даромъ, если и не суждено видѣть самому

работнику полныхъ и зрѣлыхъ плодовъ. Она заставила его смотрѣть на свое служеніе какъ на высшее призваніе и научила его относиться къ этому дѣлу какъ къ святынѣ. Она же дала ему великое терпѣніе и устойчивость.

Люди, по слабости своей, обыкновенно, ищутъ ободреній и наградъ себѣ въ этомъ мірѣ. Они смущаются и бѣгутъ отъ своего дѣла, если послѣ нѣсколькихъ лѣтъ работы имъ не приходится потѣшаться блестящими успѣхами, и впадаютъ въ уныніе. Не такъ поступаетъ человѣкъ, которому вѣра объяснила жизнь иначе. Онъ знаетъ, что дѣло вручено ему не для него и принадлежитъ не ему, что онъ—преходящій работникъ, приставленный къ дѣлу во исполненіе заповѣди объ искупительномъ трудѣ, и эту заповѣдь нужно точно и смиренно исполнить. И онъ не для самолюбія, не для славы, а изъ довѣрія къ призвавшему его Богу совершаетъ тяжелый, невидный, будничный трудъ, который одинъ только проченъ и можетъ что-нибудь создать. И былъ этотъ трудъ любви, проникнутый вѣрою въ Бога, воздвигшаго русскій народъ на высоту, этотъ царскій трудъ увѣнчанъ вѣнцомъ добродѣтелей: смиреніемъ, сознаніемъ, что не заслуга предъ Богомъ, а исполненіе долга въ этомъ неустанномъ трудѣ.

Велика была сила той смиренной вѣры, которая въ послѣдній часъ человѣческой жизни, прерванной такъ неожиданно, среди дѣлъ, требовавшихъ довершенія, сказала въ прощаніе всему, что было близко на землѣ и чрезъ это близкое той странѣ, за которую была отдана жизнь:

„Чувствую смерть. Будь покойна. Я совершенно покоенъ“.

Потому такъ ясны эти слова, что не было здѣсь страха предъ чуждымъ, невѣдомымъ для другихъ міромъ, который открывался душѣ, а было мирное возвращеніе на родину, къ Тому откуда все исходитъ, чтобъ опять возвратиться, и къ Кому придетъ когда-нибудь вся громада русскаго православнаго міра.

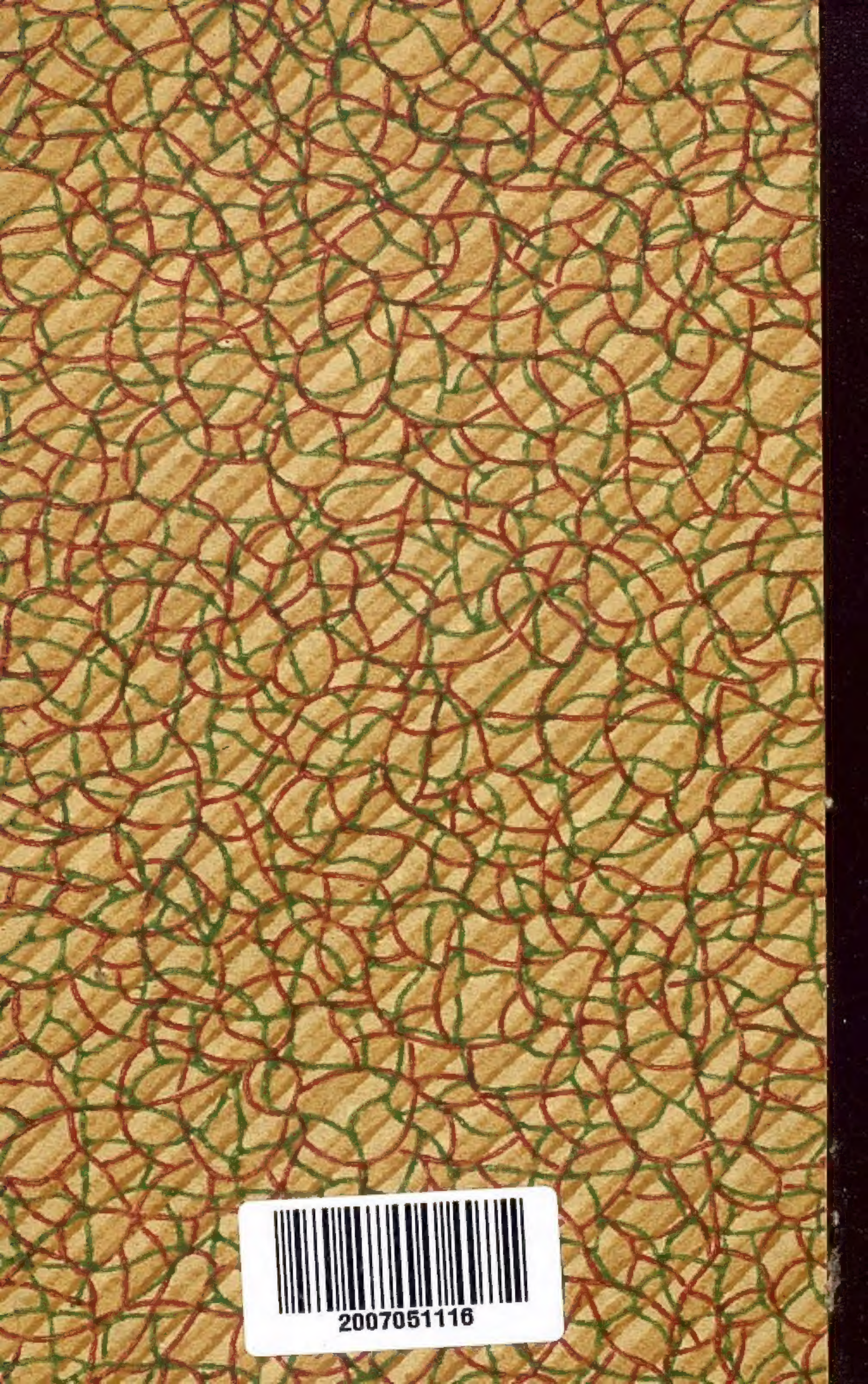
Работникъ, точно вышедшій изъ далекихъ завѣтныхъ дней русской жизни, пожалъ въ благословеніи; пришла для него осень, онъ былъ призванъ на отдыхъ.

Когда не стало его, припомнились простыя, какъ онъ самъ, и вѣрныя слова: „Бѣ нищелюбецъ и правдолюбецъ и добрый страдалецъ за Русскую Землю!“

Пройдутъ многіе годы. Измѣнятся, быть-можетъ, объемы, имена государствъ; снова станутъ они тягаться и враждовать другъ съ другомъ, наполняя землю слезами и стонами. И въ постоянной зависти, злобѣ, вооруженныхъ передѣлахъ земли забудутся или не помянутся добрымъ словомъ имена тѣхъ вождей, что вносили горе и раздоръ въ міръ. Но пока живетъ человѣчество, тихимъ, немеркнущимъ свѣтомъ будутъ свѣтить ему образы „добрыхъ страдальцевъ“ за людское благополучіе, жалѣвшихъ несчастныхъ, малыхъ, нищихъ земли. Не забудутъ ихъ потомки того поколѣнія, которымъ владѣли они и которое неутѣшно до смерти скучало по нихъ. Ихъ молчаливые упорные труды, правда ихъ сердца, ихъ невидныя при жизни жертвы будутъ горѣть какъ солнце въ весеннюю пору, напоминая о новомъ бытѣ, гдѣ не будетъ болѣе вражды и ужасовъ, чего не дождаться намъ никогда на бѣдственной, проникнутой нашимъ грѣхомъ землѣ, но чего ждетъ и въ исполненіе чего — хоть когда-нибудь, хтоь въ далекой вѣчности — страстно вѣруетъ наше сердце.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

2007051116